
Алексей ЛУКАВИН

МОТЫЛЕК БАБОЧКИ

Повесть

Моей жене Тане

ПРОЛОГ

Скрипит, скрипит, присвистнет тихонько, прошелестит по суши листьев, продребезжит по корням, пролезает цепью мой велосипед. Холодно. Я еду по кладбищу. Дорожки то шире, то уже, то убегают вперед, то приводят в тупик. То по земле еду, а то — по облаку в луже.

Я ищу мертвых. Я хочу заглянуть им в лица сквозь насечки на камне и фотографии цвета беж на крестах. Может быть, тогда я наберусь смелости и расскажу живым что-то важное.

Есть такое свойство у семейных историй: они остаются надолго в памяти. А давно ли я слышал эту? Сколько уже прошло с тех зимних каникул? Кажется, то был экватор к этому утру, сквозь которое я кручу педали и снова чувствую горькую пряность юности. Значит, мне было пятнадцать, и я закончил четверть — полугодие даже — и уехал на дачу. Там я вспоминал истекшее лето и строил планы в отношении милой особы, гостившей у своей бабушки (от нас через поляну и парк). Тогда я уже начал курить, и вы, если пробовали, наверно, поймете, как это здорово — в тишине, при свете луны, когда виден дым, когда видны звезды, выдыхать в морозный воздух табак, смешанный с паром. После перекура я возвращался в дом, проверял печурку и садился за стол — писать стихи, что-то типа:

Полукруглое здание, Nescafe маяком
От нее провожает, и путь мне знаком.
Пять тысяч шагов от дома до дома.
«Эй, эта улица мне тоже знакома!»

Витрины, витрины, опять витрины,
Обводный канал и те магазины...
Снова поссорились, я не в ударе
Ближайшие дни в беспробудном угаре.

И так далее. Правда, похоже на рэги?

В один из таких вечеров на исходе каникул, в десятом часу, по прогону меж палок кустов малины проскрипел по снегу и поднялся к нам на крыльцо крепкий, чисто деревенский мужик с авоськой, затем в тепле возле кухонного стола оказавшийся маминим двоюродным братом — дядей Сашей. Он любил вот так навещать нас, когда знал, что мама на даче, и когда выпадал ему случай. Бывало это не чаще чем раз в два года.

Алексей Лукавин родился в 1980 году. По образованию магистр техники и технологий. Публиковался в журнале «Нева». Живет в Санкт-Петербурге.

НЕВА 1'2022

Так мы узнавали новости о родственниках «с того конца», живших от нас километров за сто, в поселении Зори. Дядя Саша, Шурик, как звала его мама, был невысокий, с широким лицом и картошкой на месте носа. Вроде он всегда улыбался, а вроде был слегка грустным. Новости же его носили однозначно печальный характер: этот лег в больницу, а у той сестра померла, у этого дом сгорел, а тот по пьянке замерз. Видимо, из важного в те годы случалось только такое — радостей было немного. Вот и сейчас после того, как была выпита под селедку вся водка, после того, как дядя Саша прохрустел всей капустой из банки калибра «три литра», что-то навело его на воспоминания о племяннице бывшей жены. Я не был знаком с той девушкой, да и не мог из-за разбега лет, раньше когда-то мельком слышал про нее, но тогда не отложилось, потому, видимо, что нечему было во мне прорезонировать с натянутой туго и лопнувшей рано нитью ее судьбы.

Но в тот вечер история дяди Саши глубоко вошла в меня оттого, что и сам я был юн, как ее герои, учился чувствовать, как они. И с тех пор она всегда со мной: проросла, пустила корни.

Рассказчик был скуп на передачу внешности, а я никогда не встречал тех ребят (полагаю при этом, что есть сходство девушки со своей тетей — бывшей женой дяди Саши), поэтому здесь вы найдете их в виде голографических фигур, рожденных скрещением моих ассоциаций. Мы вместе наполним их плотью.

I

Детство то летит одним бесконечным летним днем с кутерьмой, весельем да играми, то стоит в отдалении изумрудным лесом, прохватившим своими елками волшебный туман, в котором тут и, смотрите, — вон там! загораются озорные огоньки. И обязательно есть тропинка прямо через лужайку и небольшие заросли, и иногда пугает свалившийся на нее кустик крапивы. По той тропинке идут, о чем-то беседуя, мальчик и девочка. В его черной косматой голове, смуглой коже и голубых при этом глазах, в упругих, осторожных не по-детски движениях, повадках — во всем сквозит что-то животное. Она же, хоть и ладная, идет чуть неуклюже, немного не в ритм; алая, как земляника, резинка стянула русые волосы в хвостик; зеленые глаза глядят с удивлением, но больше в них недоверия.

— Да ну, так я тебе и поверила!

— Да честно, у нее голова, как чайник, была, а сама — как бревно. Корову могла задушить! Она из цирка уползла, а деду премию тогда дали — велосипед!

— А мама говорит, что дед твой — алкаш. Почудилось ему, наверно.

— Мама твоя — алкашка. О, смотри, Серега едет!

И если в Антоне было что-то животное, то Серега — просто пещерный лев на двух колесах: лохматый, в два раза шире в плечах, и рубашка раздулась, как парашют. И на всем ходу он тормозит перед самыми их сандалиями:

— Пошли в питна у дяди Толи?!

(Дядя Толя начал и бросил в прошлом году, разойдясь с женой, строить новый дом недалеко от леса.)

— Пойдешь, Катя?

— Пойдем.

Уж как они носились по доскам над ямами для ленточного фундамента! Как скакали кузнечиками, как рисковали переломать себе руки и ноги! Долго потом жившие в нижних лужах квакуши не могли сцепиться голосами. Быстрее всего надоело Сереге, он был диким, а эти двое еле двигались. Гоняться за ними быстро приелось. Вот и стал он наскакивать и пихать Антона. Р-раз — сам остался, Антон же отско-

чил на доску влево. Еще раз — опять отскочил влево. Р-раз — и Антону налево уже не прыгнуть, рванул вперед, потерял равновесие, балансирует, силы нет — осторожен, толчок — упал.

В самую лужу.

Разбил плечо.

Гнев. Глубина больше метра, резко не вылезти. Серега — царь горы.

Но что это? Негодяй замахал руками и полетел вниз. А сверху, удерживая равновесие, смотрит серьезно Катя. Ей тоже надоели Серегины выходки.

Парни поразились настолько, что внизу даже драться не стали. Вылезли из траншей и пошли по домам.

Антону с Катей в одну сторону.

* * *

Рано или поздно придется рассказывать про Ебуа. Пожалуй, сделаю это здесь.

Если вы остановите на улице Серегу, бредущего, например, из школы, и спросите: «Кто такой этот Ебуа?», то парень расскажет вам следующее:

— Этот вот Ебуа, он ведь человек из народа. У него мама и папа наши были, крестьяне. Он маленьким голодал после войны, ходил в лохмотьях, ловил на речке пескарей, учился в сельской школе и даже был в пионерском лагере. Он потом в армии служил, в стройбате — по анкете ему было положено — он на дискотеке кому-то морду набил и шапку меховую сорвал. Он потом в нашем совхозе механизатором был. Механизатором! А он ведь нигде особенно не учился. Сам все постиг, на старших посматривал. У него знаете как голова варит? Как у Пушкина! Он в принципе далеко бы пошел, он, знаете, представляет даже, как управлять совхозом. Понимаете?

Но что же? Пьянка да любовь несчастная. Причем непонятно, что раньше случилось. Он по молодости-то в Тамару Георгиевну влюблен был, аптекаршу нашу. Гулял там с ней, цветы каждый вечер рвал. У клуба. Ух и парой же они были, ух и парой! Она тогда волосы хной не красила. Он тогда солнышко на турнике крутил. Он ее в ресторан водил дважды. Жениться на ней собирался. В ту пору ему дом по наследству от матки остался. Да только что? Сказала она ему: «Погоди, Ванюша (это зовут его так: Иван Георгиевич, Ебуа-то потом прозывать стали, я расскажу). Ты меня любишь, я тебя люблю. И так хорошо. Дай надышаться.»

И что? В тот же вечер за клубом с другим юбку задирали. Испугалась, видимо, брака-то. Страшное дело, наверное.

А Ванюша приложил на следующий день штакетиной кавалера ее до красных соплей, ей малость довесил и начал пить с удвоенной силой (а он и раньше-то захмелиться любил, но сознательности партийной не терял). И к ней не вернулся больше. А она-то хотела. Все знают. И так лет через десять он стал Ебуа. И вот после какого случая.

Они бутылку «Рояля» нашли где-то с приятелем — Кошмариком. И тот лучше не придумал, спрятал ее в сортире на дворе. А как настало время доставать ее, так и уронил в самую гущу, ну в самую чачу. Понимаете? А оно там все лето копилось, там без водолаза не достанешь.

— Ка-а-шмарики! Ваню, я груз потерял, — вопит Кошмарик.

— Эх ты, такой-разэдакий, неси сак, подавай его с тыла, чтобы баба твоя не видела.

А баба-то тогда у Кошмарика и была Тамара Георгиевна, аптекарша. Понимаете? Ебуа для кореша ее не жалел. Но все ж марку терять не мог. Не мог при ней из говна доставать фугас.

И вот закрывается он в сортире как бы по правому делу, а Кошмарик сует, значит, ему через щель сачок рыболовный и начинает ходить кругами. В чувствах разве только не приговаривает: «Ловись, рыбка, большая и маленькая».

А тут и Тамара Георгиевна подходит — ее сразу этот хоровод заинтересовал. Но виду не подает. Стоит, степенно с ноги на ногу переминается, мол, я следующая. А Кошмарик уже в судороге заходится от гаммы чувств: и выпить хочется, и бабу свою боится.

Тут наконец появляется друг его. С аптекаршей, как и заведено, не здоровается. Кошмарик совсем ополоумел и верещит от нетерпения:

— Ну как? Как там?

— Как в первый раз, — отвечает ему Ебуа. А сам вздыхает, и глаза на него как на дебила призакачивает, и поправляет что-то за пазухой.

Ну в общем удачно у них все прошло поначалу. Сели под елкой за футбольным полем, раскиряли эту литруху под яблочки. А тут как раз началась игра: детишки с мызы соседней с нашими играть затеяли. И родители тут же при них. Кошмарик-то где пил, там и вырубился, а вот Ебуа накрыло так, что залез он на елку и давай футбол комментировать: «Давай! Мочи их! Ни рыба ни мясо, дави гондурасов!»

Родители не выдержали, и отцы некоторые собрались лезть на дерево, скидывать такого болельщика. Тут и участковый наш случился. Не этот сморчок, что сейчас, а еще тот, старорежимный. Кричит он тогда:

— Эй, ты, там, наверху! Слезай! Что ты там устроил? Ну на кого ты похож? Не позорь нас.

А оттуда из-за веток:

— Уйди, я — ягуар!

Понимаете? Он хотел сказать, что он ловко, как ягуар, на дерево залез. А лыка-то уже не вяжет, вот и получилось: «Я — ебуа-а!»

— Что? — кричит участковый (он туговат на ухо был).

— Ебуа-а-а! — рычит ягуар сверху и натурально рыгает: «Буа-а-э» — и мотает головой во все стороны. И все эти яблочки жеванные летят и на Кошмарака спящего, и на участкового, и на родителей этих тревожных...

— Да-а-а... В общем, сняли они его с дерева, и в вытрезвитель, а потом и на пятнадцать суток. И кличку навесили, и она так с ним навсегда и осталась, — закончит рассказ Серега.

Нам добавить к нему нечего. Разве только отметим, что Ебуа не расстраивался и видел в прозвище что-то аристократическое, даже стал одеваться со вкусом: пиджак на майку и брюки вместо треников. Однако, несмотря на все это, свежесть носков он по-прежнему определял по шкале твердости.

* * *

До пятнадцати где-то лет они с Серым питались убеждением о трезвости жизни, чему немалым примером был дед Сереги, угоревший до времени с бабушкой в пьяном пожаре. С ним в ряд вставал и Серегин отец — Силантий — с длинными в мышечных узлах руками и плечами шириной с наклонившийся вниз потолок. Он был могильщиком, то есть натурально копал человеческие ямы, что к вечеру каждого дня наполняло его вяжущей усталостью пополам со злостью. Поэтому он сам наполнял себя медицинским спиртом пополам с водой. Антон тогда уже прочел первую сотню книг и представлял себе его не иначе как выходцем из «Котлована» Платонова.

И, кстати, благодаря книготочению Антон приносил в тандем идеологические основы их пионерских будней: ловкость Стальной Крысы, прямоту Сат-Ока, благодать с животными, как у Даррелла, манеры, как у Онегина, мыслительные качества Холмса, отвагу героев Лондона и много чего еще для компоновки идеального мальчишки.

Серега ударял по физической подготовке: курировал растяжку до треска штанов при шпагате, толкал в поясницу при выполнении подъема переворотом, демонстрировал удар ногой с разворота.

Итого они вместе разучивали невыполнимые трюки шаолиньских монахов, искали клады, повторяли опыты из занимательной физики, дрессировали собак, заражали своими интересами сверстников. Оба были светлы и праведны до некоторого предела.

Но пока в Антоне еще доигрывали индейские страсти и еще не был сработан эталонный лук, Серый уже стал удаляться, уводимый отцом сквозь хвойное кладбище все дальше и дальше от детства. С каждой исполненной совместно могилой.

Одну историю стоит упомянуть из того периода. С неделю уже стояла приличная августовская погода с небольшими, увлажнявшими травку утренними туманами, во время которых так замечательно клевал карась, а после было радостно сгонять, скрипя педалями и махая бидоном, в соседнюю мызу за молоком. К полудню становилось ясно, сухо и тихо. Небольшой застой в преддверии урожайного сбора.

На этот раз решено было снарядить деревянные стрелы гвоздями и пойти на охоту в лес за футбольным полем.

— Куда намылились, дуремары? Партизанить? — прогнусил, глядя на их экипировку, Катин брат, пребывающий в недельном увольнении.

— На кабана, — съязвил Серега и добавил приятелю: — Вот все хорошо, но дебил этот да Каткина мама меня просто бесят. Вот чего он докопался до меня вчера с коростой? Обожрался бы сам так рябиной — я бы посмотрел на него. Да у него и так вся рожа в прыщах, не моются они, что ли, в своем училище?

— Да, мамаша у них лютая. Катя говорила, она этого как-то полночи на морозе продержала, когда он еще в школе у нас учился. Он, может, тогда таким идиотом стал — «раз-два левой».

— Так все, давай потише — не распугать бы дичь.

Охота не задалась, зверя здесь не было последние двадцать лет, если не считать Ебу с товарищами, любивших пристроиться на окраине леса. Поэтому раздолбав свои несколько стрел и поев от души черники, ребята стали обустраивать индейское логово на первом ярусе еловых ветвей. За этим занятием их и застал молодой парень — по их детским меркам даже мужик — с черными, дерзко остриженными волосами, стоячим воротником джинсовой куртки и свежей глубокой ссадиной от скулы и почти что до уха.

— Привет, гуинплены. — крикнул он им снизу вверх. — А что, мужики, есть у вас чем поживиться в поселке?

— В смысле?

— Магазин? Или, может, клуб есть или почта?

— Магазин есть, почта и аптека. Остальное — в городе.

— М-да. А зори здесь тихие. Бывайте.

— До свидания, — ответили хором, наблюдая, как белые подошвы кроссовок мелькают и исчезают в глубине тропинки, завешенной сверху ветками. И переглянувшись, забыли тут же о происшествии, продолжив строительство верхнего шалаша.

И так и не узнали, что вскоре Тамара Георгиевна при помощи участкового к таинственной пропаже многих лекарств из аптеки (ловкой, почти без отметин взлома) приписала и кое-что известное только ей.

* * *

Когда от перепада напряжения мигнула вдруг лампочка, Катя очнулась и поймала себя на том, что уже несколько минут сидит за своим переделанным из кухонного столом и безо всякой мысли смотрит в учебник по геометрии. Предлагалось найти углы в исполосованном по-разному многоугольнике. Из всех опротивевших после средней школы предметов геометрия была самым нелюбимым. Учеба и так стала тя-

желее вросшего в землю камня, а тут еще треугольники всякие травят воображение. И настал бы кризис, если бы учителя не ослабили к этому времени контроль, переключившись на лавину ставших неподъемными житейских дел.

Лениво, ох как же лениво один за одним перебирать и находить эти углы вычитанием из ста восьмидесяти. Давно выгорел за окном короткий зимний день, в стекле теперь отражались Катя, подперевшая ухо рукой, и лампа, в пятно которой нет-нет да и капал с дальней трассы белый огонь одинокой машины. Но хлопнула где-то дверь, и через минуту как тяжкое избавление без стука вломилась в белой чалме в комнату мать, вернувшаяся из бани:

— Давай собирайся. Воды долей. Сейчас тетя Шура должна прийти, скорее там поворачивайся.

— Мам, давай видик купим.

— Ага, сейчас, все бросим, дом продадим — видики смотреть будем. Голову хорошо помой, смотри вон, жир уже капает, ходишь как чувырла. И воды обязательно долей!

Пока лежала на полке в душной парилке, вспомнилось прошлого года летнее утро: она на открытой веранде делает фенечку, нанизывая бисер на леску; зашел погреться в солнечном клинышке старый кот; сосед уже начал дубасить свою жестяную крышу; мечутся в упругом ветре отцветшие кусты сирени. Спокойный жизненный ритм. Ушли всегдашние хлопоты. Не хочется ничего менять. И откуда-то извне с нарастающей громкостью начинается:

— Гадина! Какая же гадина! Я не могу с ней больше. Ну зачем она прямо с утра меня выводит?!

С мокрой белой тряпкой входит Анна Валерьевна.

— Я тебя просила вчера белье развесить?

— Я... я... — словно заика, пытается припомнить Катя, что же не так.

— Что ты якаешь как больная? Я-я, — передразнивает с кудахтаньем Анна Валерьевна. — Как белье развешивают? Что ты молчишь? Я тебя спрашиваю. Зачем прищепки изобрели? Чтобы такая дура вешала белую блузку над бочкой без прищепки? Как вешают белье, я тебя спрашиваю?

Стало понятно, что же это за тряпка.

— Да я... да там... да дай сказать... да там мало прищепок...

— Ты что, идиотка? Если не хватает прищепок, что нормальные люди делают? Я тебя спрашиваю: что нормальные люди делают? Что ты молчишь? Нормальный человек прищепляет сперва белые и дорогие вещи, а потом идет искать еще прищепки. Ты что, в тринадцать лет не знаешь этого? Я что, тебя не учила? Да что ты за идиотка-то такая. У тебя поэтому и в школе ничего не получается. В конкурсе моды она хотела участвовать! И правильно что не взяли, все бы испортила. Да кому ты нужна-та такая. Ты понимаешь, что людям не нравятся такие идиоты, которые не могут белье развесить? Никому такие дураки не нужны.

Кате подумалось сквозь навернувшиеся слезы, что, вероятно, соседям все слышно, поскольку кровельщик замолчал. На крик тенью вышел на веранду отец.

— Аня, слушай, не надо, — сказал он осторожно, словно тыкая палкой в поисках тверди в болотной жиже. Вместо дна он угодил шестом прямо в старую ведьму.

— Я тебе сколько говорила — не суйся, когда я с ребенком разговариваю. Сколько раз мы обсуждали: двое дерутся, третий не лезет? Придурок! Кретин!

Катю прорвало на мокрые всхлипы. Видя эффект, Анна Валерьевна бросила на стол мокрую блузу, разметав коробки с бисером.

— Иди теперь сама отстирывай и суши, как нормальные люди делают!

Постиранная в холодной воде блуза схвачена тремя прищепками и реет куда-то вбок на другом конце дома. Катя скрылась со «Степью» Чехова, заданной по програм-

ме, на втором этаже. Сонно светит к полудню пришедшее солнце, медленно катит в раздолье бречка, перешевеливаются у открытого окна набухшие яблоками ветви. Размогло, и текст вовсе не липнет к памяти, а байпасом утекает в ничто. Скучно. Сомлела...

Катя проснулась, когда хлопнула в предбаннике дверь. Вся горячая, но с испарившимся уже потом (сердце попривыкло к жару), вышла в мойку, куда уже просунулась пока еще в куртке тетя Шура:

— Как там с водой-то? Включи-ка насос, как выходить будешь. Матка-то ждет уже тебя, недовольная что-то.

Катя, чтобы не видеть одногрудую гостью голой, вымыла кое-как голову, ополоснулась и выскочила на скользкую тропинку, завернутая в простыню. Через пару минут она с нарастающим ужасом из кухни наблюдала, как мать следит взглядом за полуголой тетей Шурой, включающей на зажелтевшем от фонаря дворе колодезный насос.

* * *

С утра всей семье предстояла поездка в город — повидаться с маминкой однокурсницей Ленкой, вышедшей замуж в Германию. Предполагались вылазка по местам молодости и вечер в кафе. Негласной сверхзадачей встречи была демонстрация состояния: «Нам всем здесь очень хорошо! Мы имеем возможность думать здесь о великом» — ответ на домогательства каждого письма насчет эмиграции, где такой специалист, как Иван Алексеевич, пришелся бы впору. От Антона в вылазке требовалось малое — быть в норме.

Известно, что в юности полно небольших завихрений и виражей, то, что казалось ровным, сегодня уже завернули трубочкой. Вечер прошлого дня, сопровождаемый дочитыванием «Стальной крысы» Гаррисона, был размерен и тих, как почтенный старик, и только недокучливый мотылек все бросался на лампочку донкихотом. Брожение в доме совсем прекратилось. Но, как бывает в августе, старый хрыч вдруг окрасил свою седину в черный цвет, и стробоскопически замигали звезды. Из-за ограды сперва словно призрак звука, а затем все явственней разнесся приятельский свист.

— Я на пару минут, спрошу, что им надо, — предкам за стенку крикнул Антон, лягая свои рваные джинсы (к ним в прихожей полагалось накинуть моряцкий бушлат).

Сергея с Димоном искали третьего на семьсот граммов коньячного спирта, добытых в «Тупике» непонятными средствами. По формуле, еще не до конца отработанной, Антон на этот запрос ответил вздохмаченным за полминуты вареньевым морсом, полбуханкой черного хлеба, плавленым сыром и огурцом. Двинулись вместе к кострищу.

Было разлито по стаканчикам белого пластика. «Между первой и второй». Опять было разлито по стаканчикам белого пластика. Хлеб — опять соль забыли! — да с сырками. После третьей хлеб решили жарить на прутиках. Огурец после четвертой. И все запивая оводяневшим слегка морсом.

А ночь меж тем взрывалась искрами снарядов-поленьев, шумели сбоку осинки, а вдалеке, как автоматы, «гаф-гаф» лаяли собаки. Бревна, на которых сидели, все чаще и чаще стали откатываться, не давая держать баланс. Время, словно треух, на затылок съехало, ненадолго зависло и провалилось куда-то, догорели поленья, усилилась влажность... зябко-зябко на всем белом свете. Антон очнулся, когда его пинали товарищи. Втроем двинулись по домам. И вот что было странно, на последнем отрезке, где уже шел один, он все не мог попасть в дорогу, по которой днем запросто ездили машины: заносило с обочины на обочину. Видя такое дело, Антон поддался увлекшей силе и на очередном отклонении свалился в канаву — этим летом сухую, — где вполне осознанно решил передохнуть, пока не закончится качка.

Следующая вспышка сознания выхватила его уже лежащим у себя в кровати. Затем смоляной провал, из которого он отчаянно пытался вынырнуть утром, при этом во сне все смотрел внутрь выпитого лишь до половины стакана коньячного спирта, а мама, откуда-то проявившаяся, повторяла назойливо: «Пей, сынок, на дне — самое здоровье».

— Анто-о-он, вставай, — стягивая одеяло в очертившейся действительности звала его Анна Андреевна.

И он вдруг дернулся и заозирался, вспыхнув от ночного воспоминания.

— Ну? Ты зачем так нахулиганил? Иди умойся, завтрак уже на столе. Электричка-то через час.

По пути в приклеенную к веранде ванную комнату встретил отца, который немного расслабил новостью от Тамары Георгиевны (вхолостую сходявшей на станцию) насчет отмены утренних поездов, а скорые длинные мазки холодного душа восстановили веру в полезные свойства жидкостей настолько, что захотелось наконец увлажнить скопившийся во рту наждак. На светлого дерева массивном столе — основе всей кухни-гостиной — стояли тарелка с обжаренной в яйце картошкой, два колбасных бутерброда потели с ней рядом, а отец, словно начальник придорожного кафе, еще не сменив тренировочных штанов, добавлял к натюрморту стакан трехлитрового томатного сока домашней выделки. Это снизило через несколько минут влияние интоксикации самым существенным образом. Теперь следовало разобраться с остаточным помутнением разума.

— Давай, брат, сходи погуляй с Байкалом, паровоз теперь через три часа только, — задал направление Иван Алексеевич.

На выходе Антон сунул в карман трофейного морского кителя схваченную с верандовой полки крепенькую книжку-брошюрку «Из плена иллюзий», призванную рассеять очарование алкоголя.

Земля и предметы еще испаряли ночную влагу, хоть сверху уже припекал вселенский малыш, пристраивая лупу, чтобы поставить дымящийся яркий кружок на пестрый листик поселка. Собака прогремела цепью, словно взлетая через весь двор, отчего воробьям пришлось оторваться от оккупированной было миски с кашей и с недовольным видом расположиться по желобу крыши. За калиткой уже мелькала Анна Андреевна, поспешившая на почту делать звонок в город насчет отклонения от планов.

До проведения телефонной линии к дому оставалось восемь лет. Фазивази.

Дойдя до заветной опушки в лесу, Антон пустил Байкала на самотек — на вольный выпас, а сам сел на пенек и принялся перелистывать страницы, не без иронии сопоставляя себя с отъявленными винно-водочных дел мастерами вроде Ебуа.

Через час он зашел во двор уже прежним парнем, ко всему имеющим интерес. Вспомнив зарубку, сделанную на прогулке, взял из отцовской подборки бело-сине-зеленую биографию Роберта Вуда.

— Ма-а-м! Можно я к тебе в сумку положу книжку?

— Клади. Ты думаешь, будет время читать? На тебе Ленкина дочка. Ты уж прояви обходительность. Ей, кстати, тоже на следующий год поступать, вот и обменяйтесь международным опытом.

— Е-мое. А раньше-то нельзя было сказать? Так, а где моя та рубашка из секунда и футболка белая?

«Взметнул», — с улыбкой стрельнула глазами мужу Анна Андреевна.

Подготовка к выходу приняла другие обороты. Были надеты кроссовки «Динамо», два раза всего выходявшие за порог, светлые джинсы и рубашка с футболкой по-американски. А еще Антон принял зрелее давно уже робкое решение, и кульминацией

сборов стал слегка корявый разговор с отцом: «Пап, я тут, это, побриться решил. Есть рекомендации?» Это больше было сказано для того, чтобы избежать неумелого удивления или, наоборот, искусственной слепоты взглядов по окончании процедуры.

Молодость эгоцентрична, мы знаем, поэтому Антон никогда бы не смог ответить, во что была одета тогда мама, и даже, был ли отец в костюме. Ему просто запомнилась гармония, придающая ощущение уверенности, силы и счастья, в конце концов, когда втроем с достаточной заблаговременностью они вышли с участка, чтобы через десять минут сквозь обнимающиеся через дорогу ели прибыть на станцию, откуда, качнувшись со скрипом, отправлялась округлая электричка. Отец и сын при этом источали щеками едва уловимый эфир огуречного лосьона.

Взошли на платформу, кивнули и помахали рукой в сторону знакомых лиц, потом смотрели, как красно-серая точка становится больше, прорчерчивается и наконец наползает и ложится у ног доброе железное туловище.

Анна Андреевна еще сквозь окно нащупала хорошее место в обещавшем быть полным вагоне:

— Вот здесь. Нам здесь будет очень хорошо.

II

Теплый день уже залез на горку часов и уже начал с нее съезжать. Станция Северская теперь пустовала: слева, казалось навечно, замерли несколько цистерн; за сох шлагбаум в своих сочленениях; редкие неудачники пассажиры подходили к кассам, читали объявление, совали два-три слова в окошко, несколько получали обратно и, прикинув, куда податься, уходили. Оптимисты брали билет.

Согласно только что установленному регламенту Антон в течение одной сигареты должен был решить: двинуть домой на велике или пойти на речку в двухчасовом ожидании электрички. За первое особых доводов не было, зато были против второго: у ларька, где покупал коричнево-красную пачку «Laser», он обменялся взглядами с компанией местных, которые подозрительно не стрельнули сигарет, — встречаться с ними второй раз не хотелось.

Фильтр был близко, раскрученная в последней затяжке педаль практически оставалась, а решение так и не было принято. Сквозь дымный выдох он вдруг заметил в конце платформы знакомую фигурку в коротеньком синем платье — Катя мялась возле касс, думая, что предпринять. По покатым ступеням Антон продребезжал всеми люфтами прямо к ней.

— Привет, Катюшка. Что делаешь здесь?

— Привет. Томку к тетке проводила от нечего делать. А ты?

— Я с внезапной проверкой. Пошли купаться?

— Я без купальника.

— Я тоже. Пошли.

— Отстань. Как домой собираешься ехать?

За время беседы Катя успела шагнуть из диагональной тени здания в молочный свет, почти сливаясь с ним — если не принаравливать зрение. Антон поэтому тоже смеялся и впервые, осмысленно оценивая, смотрел на нее. Маленькие ступни дерзко глядели из невесомых босоножек, привлекая нарядными пальчиками (словно бы десять вишенки были разложены сходящимися шеренгами), выше колена на загаре белели три полосы от прошедших здесь — вот только! — ногтей, подол платья был таков, что мысленный взгляд свободно продолжал очертания ног до положенного им предела; ладный стан, вырез, и опять загар, и смеющееся лицо — пятнадцать минут кра-

соты. Антон где-то слышал, что каждому человеку, в особенности женщине, дано пятнадцать минут быть абсолютно красивым — на пике отпущенной свыше гармонии. И вот, может, прямо сейчас Катя переживает такой момент. И он вместе с ней.

— Поехали со мной на велике? — смело закинул Антон. У него не было багажника, и очень хотелось ощутить аромат Катиных волос в струях шоссейного воздуха.

Секундное колебание.

— Поехали, если рубашку положишь на раму, — ответила она так, потому что хотела успеть на «Элен и ребята».

Они перешли дорогу и купили в знакомом ларьке бутылку «Колокольчика», которая тут же была прописана в чертогах насоса. Антон снял рубашку и, оставшись в футболке, как можно пышнее закрутил вокруг рамы и завязал внизу рукава. И когда Катя заняла место, словно птичка на жердочке, он удивился ее невесомости. Практически никаких изменений ходовых качеств: немного шире теперь приходилось расставлять колени, да лучик тепла, ощущаемый грудью, добавился к солнечным.

Без остановок проехали перегон до Петушков. Антон поначалу пытался держать разговор, но сердечные сокращения (в первую очередь от нежного груза) накачивали так, что речь стала похожа на перекипающий чайник — слова вырывались изо рта коротко, словно с паром. Петушки миновали с трудом, и впереди раскинулось одинокое последнее поле.

— Давай постоим, хочу покурить, — выдохнул, съезжая вбок, Антон.

Они сквозь ворота из пары деревьев сошли с дороги по тракторной колее на простор разнотравья. Антон закурил, потом выдернул бутылку лимонада, открыл и передал Кате.

— Подожди, отойду на минутку, — замахала она рукой и потопала вдоль канавы до следующей группы деревьев, там оглянулась и скрылась.

Стало тихо, если не считать пробегающих позади редких машин. «Вот это мне точно запомнится, — подумал Антон, — все это». Здесь были: оседлавший василек шмель, шелест сухой травы, до первобытной приятности нагретая почва, кабанчиком облако. И сизо-зеленый лес вдаль, и огромные ледниковые валуны, которыми ощерилось поле, и летящая над всем этим бабочка, и ласточки — как что? — как стригущие небо ножницы! Откуда же это? Откуда здесь это взялось?

Это минутное одиночество прочистило все рецепторы, все струны настроились в лад, и пришло состояние отомкнувшегося от сна сказочного героя.

— Давай теперь лимонад, — вроде сострила вернувшаяся из кустиков Катя.

Антон отшвырнул по красивой дуге окурок, проверив, что приземление было ровно в пустой колее, и, продолжая подпирать задом велосипед, вытянул руку с бутылкой так, чтобы девушка подошла. Катя отпила глоток, неготовая к пузырькам, улыбаясь, отерла рот тыльной стороной ладони и протянула напиток обратно. Антон вдруг понял, что больше всего на свете хочет попробовать лимонадность Катиных губ. Он привлек ее за запястье к себе, обнял левой рукой, и при таких обстоятельствах случился первый для каждого поцелуй.

Согласно какому-то древнему протоколу на секунду они отстранились, посмотрели друг другу в глаза и, не найдя никаких противоречий, обнялись еще крепче.

Катя была податливой, у Антона же словно завелся внутри летающий паровоз, который метался, колотился о стенки и все пытался вырваться наружу. И появилась уже бедовая мысль: снять с рамы рубашку, расстелить на эту траву да повалиться туда вместе... Не дав этому риску исполниться, напылив вдоль обочины, практически в их приют свернул вдруг автомобиль, из которого вышел рослый мужик в клетчатом пиджаке, не замечая парочки, расстегнул ширинку и пристроился перпендикулярно дороге.

— Незванный гость, — сказал Антон, все еще обнимая Катю. И потом, глядя, как мужик отчаливает: — Поедем, что ли, и мы?

Отрезок до дома давался легче, с полным правом уже Антон утыкался в заповедную шею и волосы, улыбаясь тому, как Катя его отгоняла движением головы. Еще один ценный приз был подобран, когда въезжали в поселок, а именно: живший на окраине Вжик заметил их лобзания со своего крыльца и помахал рукой. Таким образом и официальная смена статуса совершилась.

Катя в районе своего коттеджа попросилась на волю, помня, с одной стороны, про сериал, а с другой — желая прекратить на сегодня порывы дурашливого от радости caballero.

* * *

До истечения июльского жара было задумано отправиться на голубое озеро, упомянутое гостившим у вечернего костра Билли — белокрысым парнем из соседнего поселка, ради встреч с ребятами крутившего долго педали. Когда дошло до дела, компания сократилась до трех человек: Сереги, Антона и Кати. Предстояло доехать до Северной на электричке, а дальше на велосипедах в глубину незнакомых земель. Будучи самым последовательным из экспедиции, Антон утром перед выездом покопался в четвертинках дорожного атласа с тем, чтобы убедиться в существовании водоемов в искомом краю. Зауженное в срединной перемычке озеро Бирюзовое было отмечено картографами вместе с деревней Бирюза.

Собрались у Катиного коттеджа. Проверили общий дорожный набор: сигареты, воду, бутерброды, печенье. Катя, что было странным, ограничилась в своем взносе только парой яблок, зеленых, но совсем безгрешно.

— Семейник взял? — спросил Антон у приятеля, получил кивок в ответ, после чего тронулись.

Электричка была пустой, поэтому расположились в вагоне, поглядывая на то, как раскатываются и клонятся набок оставленные в тамбуре велосипеда. Катя пристроилась на груди развалившегося у окна Антона, Серега сидел напротив и травил популярное семейное предание о дяде-сидельце. Забивался в вагон ветерок, и сквозь раскрытое плоско окно солнце со всем озорством жарило им колени. Под перестук колес и перескрип железок Антон, как это часто с ним происходило в последнее время, мысленно выбрался из вагона и пытался оценить и описать эпизод, глядя со стороны, улыбаясь при этом тому, что друг выходил у него «бессовестно рыжим и морщившим нос и губы». Катя выходила (страшно признаться!) «любимой». Протяжным толчком снижение скорости перед остановкой избавило от необходимости разбираться, подходит ли слово «летит» к этому поезду.

Северская — это было знакомо, а вот дальше, там, за широкой трассой, начиналась зона, мысленное пребывание в которой приятно покалывало крошечными искорками рисков: не ошибутся ли с направлением, не выкинет что-нибудь велосипед, а может, встретят что-нибудь стремное?

В действительности же дорога бежала под горку, было безлюдно и очень тихо.

Антону запомнились мемориальные остоны печек сгоревшей в войну деревни, холдный с виду ручей форелевой фермы, трескучая осязаемость свисающей низко высоковольтной линии, несколько километров крупного гравия, где на Серegiной «Каме» стала соскакивать цепь, когда всем троим пришлось привстать на педалях. Зато вдруг из-под взбрыкнувшего на ветру подола мелькнули чуть сбившиеся Катини трусики, утверждая при этом идеальную симметрию бедер. После гравийки расслабляюще ровное, виляющее влево и вправо полотно превратило езду в медитацию, в которой

каждый плыл отдельно: деревья разворачивались сбоку широкой зеленой тесьмой, а там, где их не было, громче зудели кузнечики; люфтящая педаль одного из великов отбивала по раме ритм, загоняющий в транс; ставились ленивые зарубки: «вот здесь, наверное много черники», «надо бы в следующий раз взять удочку», «половину, похоже, проехали».

Указатель «Бирюза» был абсолютно материален, со множеством настрелянных дырок. От него вбок по шерботому асфальту до озера оставалось совсем немного.

Не сговариваясь, поехали на левый берег — справа виднелись дома.

— Оно и вправду голубое, как бассейн! — воскликнула Катя, как только остановились и осмотрелись. Берега заполняла жирная растительность с редкими прогалинами насиженных мест, кое-где встречались светлые пляжики, как тот, на котором они расположились, вдали где-то летали чайки, а в воде была видна рыба, подходящая для крючка-пятерки. И больше не было никого.

Из начального заплыва Антон вышел первым, за ним Катя. Завалились на примявшее васильки покрывало и затянулись «Далласом», глядя, как Серега удаляется саженьками. Когда он выдохся и заполукружил по-лягушачьи уже достаточно далеко, Антон крикнул: «Серый, ты на тот берег?» Тот лишь рукой помахал, все более превращаясь в пятно.

Всплесков больше не было слышно, круги, сгинув, не доходили. Катя молчала. Невидимые кузнечики наяривали, не меняя темпа. Не возобновляя разговора, ребята наблюдали за тем, как легкий ветер пускает по воде атаки мгновенных конниц. Осела у берега белая взвесь кембрийской глины.

Темная точка достигла уже середины. Катя загорала, лежа на животе, и Антон пробно коснулся ее голени.

— Не надо, щекотно.

Затем сама же и повернулась на бок, и он по новой чуть кривой и с поволокой улыбке понял, что теперь дозволено трогать везде, и, оттянув топ купальника, словно землянику с ладони, стал осторожно пробовать языком сосок.

Через несколько минут разгорающихся взаимных ласк Антон, не отрываясь от нежной добычи, поверх заведенного назад бархатного плеча глянул на озеро и замер — с поверхности пропала инородная точка, никого нет. Катя, почувствовав сбой, обернулась, оценила и успокаивающе сказала:

— Доплыл, наверное. Иди сюда.

Но Антон встал и некоторое время смотрел на ту сторону озера. Затем, помявшись в нерешительности, сунул ноги в кроссовки.

— Да стой ты. Вон он сбоку идет, — скучно бросила Катя и отвернулась, пряча стоящие соски под купальником.

Антон выдохнул и было склонился над ней...

— Отстань, хочу позагорать.

Серега где-то застрял и пришел только минут через двадцать, когда молчание под стрекот кузнечиков стало совсем нестерпимым. Проводив взглядом Катю, молча спустившуюся к воде, ответил на немой вопрос.

— Я там виды смотрел. Ну что, успели?

— Почти...

— В смысле? Я что, зря рисковал жизнью?! Ну вы даете! — разочаровался Серега, который был осведомлен о незамутненности отношений приятеля.

Июль истек окончательно, имея в остатке пару прогулок с распаляющими Антона откровенными беседами и замыкающим поцелуем у дома. Большого Катя не позволяла, а затем и вовсе была прихвачена матерью погостить у тетки. Папашу они не взяли, и его, довольного и слегка во хмелю, часто видели с удочкой у водоема.

Темно-сизой прохладной ночью августа Антон начал свою первую тетрадку стихов с наивных строчек:

Золотое время, остыла гладь вода,
Серебристый воздух, мы несемся вскачь,
Но у открытой двери ждут меня всегда
Первая любовь, первый детский плач.

Что-то поджигало его высказать в сухую бумагу волнующее нетерпение, и он тогда принимался бродить по комнате, вырабатывая:

Стрелки часов на секунду вперед, на минуту назад
Двигутся мерно кругами.
И сам я как маятник: то в стену, то в зеркала глаза —
И полквартиры измерил ногами.

Надеялся, правда, что за время разлуки оба доспеют, наберут градус и при встрече взорвутся фонтаном, словно шампанское на пьедестале Шумахера. И, собственно, почти так и случилось. Они оказались у нее дома уже в конце лета, за пару дней до отъезда Антона на обустройство в университетской общаге. Сквозь тонкую стенку комнаты доносился отзвук «Поля чудес», почитаемого Анной Валерьевной. Антон сидел в кресле, Катя на подлокотнике, альбом с фотографиями завалился на пол.

— Я тоже очень скучала. Ты знаешь, мама почти не бесилась, и все было хорошо, но я прямо постоянно о нас думала, — сказала Катя, снимая настойчивую руку с груди. — Не надо я сейчас не могу, такой день, ну понимаешь...

Он, кляня свое тугоумие, понял только придя домой. И до самого отбоя вновь и вновь переживал все слова и все взаимные обещания, все авансы, розданные друг другу: «когда приедешь на выходные или каникулы», «обживусь и тебя позову», «буду ждать», «я так долго не смогу», «все время о тебе думаю» и тому подобную чепуху юных сердец, знакомую всем.

III

На Зеленой улице (бывшей Жданова), за канавой, за толстыми пнями небрежно спиленных трех берез, в доме розово-серого цвета происходил разговор. Разговор, на который Катя все чаяла вывести мать, пооткровенничать с ней, как с подругой, что ли. На который она делала некоторые ставки, чтобы заложить основу для овеществления некоторых мечтаний, которые, по правде, мерцали так далеко и так мертво-бледно, что случились бы вряд ли.

— Еще чего! Пойдет она провожать голодранца! Заняться тебе нечем? Ты что, поступила, или работу нашла, или устроила себе жизнь? Куда ты бежать-то собралась? Я откровенно хочу с тобой говорить. Он ведь не пара тебе, он, как папаша его, деловым человеком не будет. Куда вы пойдете с этой романтикой? Ну что, что ему достанется-то в итоге? Старый дом да поношенный пиджак Ивана? Отучится он, корпеть будет где-то, и все. Это тебе нужно?

— Ну, а если, если мы... — пыталась вставить Катя, но Анна Валерьевна ее и не слышала.

— Ты давай приглядывайся к людям, ищи себе место, ищи себе партию, раз с общением не выходит. Нет, я не против, конечно, готовься, поступай в педагогиче-

ское училище на следующий год, да только вот не надо тянуть-то до старости. Старая дева мне не нужна, проститутка тоже.

— Мама, ты с ума сошла? Я люблю его, я в Ленинград к нему уеду.

— Что? Ты как говоришь с матерью? Поступил — и скатертью по жопе. Ты чего там в городе собралась делать? Ты даже с другой стороны подумай, ты ведь мешать будешь, ему ведь учиться придется побольше здешнего. Тебе же надо искать работу и делового парня. Я вот думаю, съездим в Гатчину к Тоньке. У нее сын ночной клуб охраняет, средства там — бешеные. Давай-ка сядь, подумай, что из одежды тебе нужно.

— Я не знаю. Мне нужно на станцию...

— Все. Я тебе все про это сказала. Подумай. А завтра на развал съездим.

— Мама...

Но дверь в ее комнату уже хлопнула, и ключ повернулся. Дверь еще в первом классе переделали так, чтобы закрывалась снаружи. И эта вот дверь, и проклеенное еще с прошлого года окно (ох сколько душевных ночей), и то, что Антон ехал в серьезную жизнь — все было достаточно веским, чтобы остаться дома, не создавая шума.

И словно бы краска в стакане с водой, мама стала вдруг вытеснять Антона. Казалось бы, только что ее заявления были резки для восприятия, но вот уже видишь в них что-то разумное, понимаешь их, принимаешь их. И нет уже голубого озера, последних сумеречных прогулок, нет уже и самого парня — умчался на синей стреле, а на столе стоит серый стакан с разболтанной в нем гуашью.

— Хм... Так что же мне нужно еще из одежды?

На перевалочной станции стемнело и стихло рано. Теплыми шарами медленно перекатывался воздух, его как будто катили огромные скарабеи. Антон, один из немногих пассажиров ночного поезда в Питер, оставил чемодан в купе, вышел на сумрачно-желтый перрон и не спеша прикурил от прошипевшей сердито спички. В ту минуту, когда станционные звуки остановились и солировали усердно кузнечики, к его вагону процокала каблуками молодая мама с мальчиком явно дошкольного возраста, который держался за ручку едущего на колесиках чемодана, по всей видимости дорожного. Проводник уже протянул руку за билетом, но женщина спохватилась, поискала в пальто и в сумочке, огляделась.

— Ох, я, похоже, обронила билет в начале платформы. Постой здесь с чемоданом. Приглядите за ним? — сказала она последнее то ли Антону, то ли проводнику, и каблучки, удаляясь, застучали в два раза чаще, чем было по приходу. Затем в воздухе остались только комары и мотылек, бьющийся в старый фонарь, служивший здесь источником конуса света.

— Смотри, — сказал малыш, — это мотылек бабочки.

Антон выдохнул в сторону и спросил:

— Почему бабочки? Это просто мотылек.

— Нет. Мотылек — это ребенок бабочки. Если ласточка не съест и если будет слушаться маму, то он вырастет и станет бабочкой. Понял?

— Кажется, понял. А ты слушаешься маму?

— Слушаюсь, — сказал мальчик, помолчал и добавил: — Мы только сегодня с Мишкой на ручей ходили, мама туда не разрешает. Я завтра дома ей расскажу. Мама меня не ругает, только расстраивается. А у тебя есть мама?

— Есть.

— Зачем же тогда куришь?

Антон глянул на проводника и стал было подыскивать, что ответить, но к ним в прифонарный мирок вернулась нашедшая билет женщина, и он остался один докуривать, глядя на вальс под плафоном.

Прекрасно сознавая, что сам он еще мотылек, он никогда специально не загадывал, чем займется после учебы. Само собой у него выходило, что сразу после университета он будет известным положительным человеком. Семья непременно будет. И деньги. И эта простая уверенность делала его спокойным и целостным. А что другие? Например, школьный задира и угнетатель слабых (или вот Катин брат), подтвердит ли он в зрелом возрасте свою крутость? Нравится полагать, что нет, что появится еще один завистливый разнорабочий в убогой квартирке.

Отличники относились к отдельной когорте, которая без предисловий куда-нибудь эмигрировала добиваться успеха и там терялась окончательно в зарубежном флере.

Или вот Ебуа. Определенно состоявшаяся личность, оформившийся алкаш, ходячий гротеск. А по сути — просто жирный мотыль с лохматыми крыльями, размером с бабочку, только противный и тусклый. Почему так? Лень, метаморфозы противоречий или сам так выбрал?

Или Серега. Кем-то он будет? Пока что ровный, работает с батар. Учиться явно дальше не будет. Что его выправит? Точнее, направит.

Отец — определенно бабочка в коллекцию скромников. Красивый, ладный, не лишенный остроумия. Рационалист, но не без чувства. Он, по рассказам, был талантлищем-студентом, блистательным аспирантом и кандидатом в итоге. Однако что-то, возможно происхождение из крестьян, его ограничивало. Как будто он всегда чувствовал потолок: шажки его вверх всегда были маленькими и аккуратными. Лифты, считал он, не для него, да и непорядочно, неспортивно как-то. Анну Андреевну в ранней же молодости он выбрал под стать себе: красивую и прямую, умную и без королевских амбиций, чтобы вместе идти сквозь бескрайнее поле местной действительности, несмотря на популярное мнение, что прочность любви в единстве противоположностей. И Антона они так же воспитывали: без перекосов, наделив свободой, но не давая при этом впадать в крайности. Опять о себе мысль. Ну ее!

Позвольте, а как будет с Катей? Думать об этом страшно. Антон признавал за собой лень в чувствах и легко поддавался ей. Когда-то с ней свидится? Скорей бы. А где? Он к ней приедет или, может, она?

Прозвучало объявление, Антон поспешил в купе, которое через несколько минут качнулось, толкнуло и увезло его во взрослую жизнь. Так и закончился этап этой истории, называемый отчим домом.

IV

Антон вышел из вагона во влажное серое ленинградское утро, глядя на пока еще зачаток обычной дневной суеты Варшавского вокзала. Самым краешком восприятия отметил удаляющиеся каблучки молодой мамы с сыном. Прошел по перрону и поштучно купил в ларьке пару синих «Pall Mall», одну из которых тут же и скурил, прикидывая, как добираться до общаги. Потом спохватился и купил уже пачку, инвестируя в будущие знакомства.

Доехав трамваем до межвузовских общежитий, он узнал, что его корпус на прошлой неделе выгорел полностью. В местных новостях об этом было, да только кто же их смотрит в Зорях.

Комендант на одну ночь определил его с парнями, удачно захватившими уцелевший корпус, и дал позвонить. Антон застал отца на работе, и тот, выслушав все, за один день через пару звонков своим однокашникам устроил ему комнату в тихой, населенной двумя старухами, маленькой питерской коммуналке. Почти что задаром: распорядителям свежеприватизированных метров свежепредставившейся бабули по каким-

то причинам требовалось создать в комнате видимость жизни в ожидании вступления в права наследования. Поэтому Антону было рекомендовано представиться своим соседкам седьмой водой на киселе со стороны племянников недавней хозяйки. В этой схеме он впервые почувствовал не слишком приятный, но обязательный вкус взрослой городской жизни.

Видя, что парни из комнаты, куда его направил комендант, такие же новенькие додики, как и он, Антон перестал жалеть, что заезд в свою квартиру возможен только завтра, и с интересом остался.

Вечером они втроем сходили в круглосуточный магазин, купили по три «Балтики-9» и огромные чипсы с красной паприкой, а «Pall Mall» у них уже был.

Расположились за драным столиком в торце правого ряда шконок. Не верилось, что в этой норе на троих можно сосредоточенно предаваться занятиям. Вид открывался на соседний корпус, где в такое же одиноко светящееся — как чья-та пятка сквозь дырявый носок — окно виден был все тот же лишенный интимности быт.

Оба знакомя были русскими из Алма-Аты. Первый представился Иваном, но вскоре выяснилось, что ему привычнее зваться Джоном. Он был невысоким, крепко и хорошо сложенным, с рыжеватыми волосами и веснушками по-ирландски по всему лицу. Второй, Дима — тощий, с большими губами, в майке-бобочке, по взгляду и манере смело вести разговор — явный хулиган-отличник. Оба — приятели еще со школы. У Джона отец учился здесь в Политехе и его туда же направил: династию продолжить, а заодно и армию откосить.

Джон явно был человеком нового времени.

— Поучусь семестр, а там посмотрю. С нового года дело хочу открыть, — говорил он.

— Какое? — поражаясь заявленной скорости, спросил Антон.

— Рынок рекламы еще не занят...

— «Куплю жене сапоги» или «а при чем здесь пальцы» будешь снимать?

— Зачем ТВ? Наружная реклама: плакаты, консоли, вывески.

— А производство где? — лениво поинтересовался бывший уже в курсе идеи Дима.

— Я же говорил, сейчас материалы такие, что на коленке делать можно. Подвал какой-нибудь снимем.

— Стоп-стоп, я пока согласия не давал, — прихлебывая из бутылки, замахал рукой приятель.

— Ну не с тобой, занудой, так с кем-нибудь.

— А с бандосами что будешь делать?

— Ну, будет крышевать кто-нибудь. Желательно из ментов.

— А кто потом из говна вытаскивать будет?

— А чем ты займешься, Дима? — гася спор, влез Антон.

— Научкой. Учиться буду. Пока это прет. А вернусь в Алма-Ату, еще и в аспирантуру пойду, а может, и здесь. Родители еще потерпят меня на шее, сказали. Хочу физиком стать.

— Ага, и дураком помрешь. Бедным причем, — усмехнулся Джон.

— Что скажете про русский рок? — сменил тему Антон.

— Под гитару неплох. Щас бы поорали, — ответил с усмешкой Джон.

— Ну а если серьезно?

— Серьезно? — вступил Дима. — Если серьезно, давайте немного детализируем, ну то есть не просто нравится — не нравится, а что-то более точное. К примеру, иду я откуда-нибудь с перепоя или нет, еще лучше, в маршрутке еду. И тут водитель включает музыку. Так вот, если это будет попса, неважно чья — то скисну сразу, если русский

рок — тоже хреново будет, хотя, по трезвости, прокатило бы. Ну, а вот «Metallica» или там «Red Hot Chilli Peppers» — это для меня терпимо.

Джон засмеялся, спор окончательно сошел на нет. Вообще, эти двое, похоже, и вправду дружили: принимали и дополняли друг друга. Это спустя несколько лет подтвердилось, когда Дима стал не физиком, а звездой-программистом и написал легко масштабируемый сервис интернет-знакомств. А Джон умело его раскрутил и продал так, что сделка попала во все тематические издания. Антон тогда, еще сызнова привыкая к свободному воздуху, прочел одну из статей, вспомнил вечер в общаге с пивом и чипсами и радостно удивился.

* * *

Первый учебный день выдался дождливым, старожилы, не привыкшие еще к новому имени города, вспоминали, что в Ленинграде первого сентября всегда дождь. Прыгая кое-как по лужам и каменным плитам Фонтанки, Антон вляпался в собачье дерьмо и долго чистил подошву, а когда с опозданием прибыл к университету, то обнаружил основной, парадный вход закрытым наглухо. Для проникновения в здание, как это повсеместно у нас случается, была предусмотрена скромная дверка где-то сбоку. Сухонький вахтер ковырял что-то ложкой в своем термосе, и Антон, чтобы его не смущать (хотя что может смутить вахтера?), прошел пост без остановки. Отыскал расписание. Первой парой была какая-то «линейная алгебра и аналитическая геометрия». Антон пробежал несколько минут по скрипящим коридорам, пытаясь найти правильный переход на второй этаж, робко заглянул в небольшую аудиторию и, повинувшись взмаху преподавателя, сел рядом с долговязым парнем на заднем ряду.

Группа была небольшая — человек пятнадцать, и атмосфера царила самая неприкаянная, можно сказать, дружеская. Тощий препод с донкихотскими усами, перхотью на плечах и шейным платком доводил план занятий: количество курсовых, лабораторных и лекций. Ребята шутили, выкрикивая свои остроты, не вставая с места. При этом терминология не всегда была Антону понятной.

— А как автомат получить? — зевая, спросил долговязый сосед.

— Григорьев, условия все те же, они вам известны: минимальное количество пропусков, конспект и все сданные в срок лабораторные и курсовые работы.

Что еще за лабораторные по линейной алгебре? И почему преподаватель с Григорьевым, как со знакомым, общается? И Антон шепотом спросил долговязого:

— Это какой курс? Куда я попал?

И тот, улыбаясь во всю калитку, громко его просветил:

— Это четвертый курс.

Преподаватель внимательно стал смотреть на Антона, видимо пытаясь что-то припомнить.

— Ваша фамилия, товарищ студент?

— Перевалов. Я с первого курса, а это не «аналитическая алгебра»?

— Перевалов, это теоретические основы электротехники. Еще у нас в университете преподают основы линейной алгебры и аналитической геометрии. Вы, наверное, вузом ошиблись.

Всеобщий смех.

— Но в расписании этот кабинет был указан, — смущаясь, оправдывался Антон.

— Так что же, Перевалов, мы тут по ошибке заняли вашу аудиторию? Нам уйти?

Смех и практически овации.

— Кабинет, может, и с таким номером, а вот корпус какой? Вы посмотрели? — продолжалось истязание.

Так Антон узнал, что его учебное заведение раскинулось на два корпуса. Старый — бывшее ремесленное училище с кучей маленьких дворишков и пристроек, в которых потерялся и сгинул не один студент, и новый — серое здание, по которому сразу и не скажешь, чего больше: стекла или бетона. Судя по недостроенным стенам, замысел был грандиозный и предполагал, ко всему прочему, огромный спортивный зал и бассейн, но на излете перестройки все это решили подзаморозить, чтобы более свободно распорядиться оставшимся бюджетом.

Путь из одного корпуса в другой занимал три минуты, поэтому Антон успел на вторую половину пары и, кажется, потерял немного. Тут уже всем потоком — четыре группы — сидели такие же скромные и новенькие, как и он, парни и девушки (парней в разы больше), и конспекты у них практически не были исписаны. Преподаватель, пожилой кряжистый мужчина в аккуратном коричневом костюме, постоянно поправлял густые седые волосы и формулы выводил на доске ровным довоенным почерком. Так у Антона писал дед, окончивший всего несколько классов сельской школы. Несмотря на то, что лектор давал материал ровно и лаконично, не делая увеселительных отступлений, студенты следили за ходом мысли с интересом. Антону нравилось, как пишет новая дешевая ручка, поэтому старался записать и кое-что лишнее, делая минимальные сокращения. К концу лекции наконец появились матрицы, к которым подбирались все это время, и это было кульминацией, которую ждали. Антон видел, что эта новая игра с абстракциями понравилась многим, но преподаватель остановился, ответил на несколько вопросов, сделал анонс следующего занятия, коротко попрощался и вышел с папкой под мышкой.

А уже на следующей паре — это была физика — Антон встретил Учителя. Конечно же, он его не узнал (Антон Учителя). Так, тощий небритый мужик с подтяжками поверх рубашки с короткими рукавами. Глаза веселые. Повременим пока его звать Учителем.

— Добрый день, товарищи первокурсники. Я — Семенов Андрей Валерьевич, представляю здесь факультет физики. Добро пожаловать в наш храм науки. Поднимите, пожалуйста, руку те, кто бывал на олимпиадах по физике или читал фейнмановские лекции. А теперь те, кто хотя бы слышал про фейнмановские лекции. Ого, лучше, чем я смел надеяться. Энтузиастов — больше половины! Обещаю это число приумножить, — так начал физик, так он получил аудиторию, так он купил Антона.

Лекцию Семенов закончил словами:

— Близится время обеда, но все же рискну. Есть пара добровольцев среди молодых людей? Нужно передвинуть кое-что в моей личной лаборатории.

Вызвались несколько человек, из них Семенов выбрал и повел за собой двоих: Антона и его соседа, колченого парня с пропорциями футболиста.

Помещение, которое Семенов называл лабораторией, находилось в самых потрохах университета и занимало половину ветхого флигеля, низкие потолки которого и теснота в целом вызывали воспоминания о домиках хоббитов. Однако ходить можно было в полный рост, а беспорядок вокруг казался уютным. Вдобавок пахло металлом и машинным маслом, как на заводе, по которому как-то раз отец устраивал экскурсию для Антона. Когда вошли внутрь владений Семенова, стало ясно, что запах рожден двумя казенно-зелеными металлическими шкафами с огромными петлями. «ГРОДНЕНСКИЙ ОБЛМЕСТПРОМ. ШКАФ МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ОБЫЧНЫЙ», можно было прочесть на шильдике.

— Вот разжился по случаю. Давайте передвинем этих мамонтов. Потом можно будет разгрести тот угол и компьютер, что ли, поставить, если обзаведет меня руководство.

После, когда переводили дух, стараясь не смотреть на глубокие варварские борозды на деревянном полу, Семенов сказал:

— Спасибо, парни. В принципе все, если вдруг один из вас может еще немного задержаться, мы вон тот верстачок развернем.

Антон постарался опередить товарища, чего совсем и не требовалось — тот с удовольствием поспешил на обед.

Когда верстак с тисками был разгружен от колб и повернут, Антон кивнул в сторону самодельной доски из белого оргалита и спросил:

— Вы здесь тоже проводите занятия?

— Это? — обернулся Семенов. — Да нет, это практическая задачка от одного зарубежного производства, точнее, малая часть задачки. Требуется описать попроще круговое движение предмета на длинном подвесе. По малому радиусу. Как на рисунке в правом углу. Я с утра только смотреть стал на это, пока по-простому не получается.

— Хм, если точность не принципиальна, можно рассмотреть это как колебания маятника, — предложил Антон, поддавшись легкому случайному озарению.

Физик пристально на него посмотрел, подумал секунд десять, после чего сказал:

— Хех, а вы — молодец! Как вас зовут?

— Антон. Антон Перевалов.

— Спасибо, Антон, я теперь перед вами в долгу. У вас следующая пара минут через двадцать, не откажите выпить по чашке кофе со слойками, расскажите заодно, где учились, куда стремитесь.

Антон, крайне смущенный, не смог отказаться, и через пятнадцать минут они с Семеновым были наполовину на «ты».

— После занятий, если интересно, приходи добить задачку. Обещаю без тебя не продолжать, разберу пока барахло по шкафам, — пригласил на прощание физик.

Семенов, как оказалось, только частично зарабатывал лекциями. В свободное от занятий со студентами время он пропадал в своей конуре, решая, как он называл их, практические задачки для нескольких производств и пары проектировочных бюро. В самых разных областях точных наук. Тут были и гидродинамика, и механика твердотелов (деформируемого тела (чаще всего)), и теория горения и взрыва, и даже иногда чисто математические задачи по обслуживанию очередей. И только небольшая часть из этого была экспериментальной. Как правило, Семенову хватало белой доски, которая по сравнению с традиционными меловыми выглядела новаторски. С нее он в конце разработки переносил результаты на бумагу. Это все он мог бы делать и дома, но это было непросто. «Слабый пол сводит с ума, — говорил он иронично о своем общежитии с женой и дочкой, добавляя: — Дом для семьи, а работа для работы».

— В самом деле, на что бы это было похоже, если б мужья тащили своих жен на работу, чтобы приподнять демографию или довыяснять отношения? — говаривал также Семенов.

* * *

Учеба захватила Антона. Все то время, которое не занимали дорога и сон, он сидел над задачами, книгами и чертежами. Чаще всего в лаборатории Семенова, который почти сразу же сам и пригласил к этому:

— Не стесняйся, у меня здесь тихо, как в лавре. Я позже тебя как лаборанта еще устрою. Ты мне, кстати, этим очень поможешь, а то, боюсь, турнут меня одного с такой шикарной жилплощадью или поделят какого-нибудь раздолбая.

Изредка Семенов скидывал Антону несложные рутинные вычисления или оформительскую часть своих заказов. После сдачи работы неизменно наступал день «выплаты дивидендов», которые были иногда втрое больше стипендии первого семестра. Антон смущался, когда принимал эти деньги, потому что пахло какой-то ку-

старшиной и пиратством. Поскольку времени на развлечения не оставалось, то купюры тощими стопочками наполняли потихоньку найденную в комнате, где он жил, резную деревянную шкатулку.

* * *

Что такое коммуналка? Коммуналка — это нескончаемый коридор. Есть в нем области потемнее, а есть такие, где горит еще над какой-то из дверей сорокаваттная лампа. Коридор этот неминуемо заканчивается кухней, где все стремится к подчинению кратности: обитые оргалитом столы, лихие, как дворовые коты, холодильники, газовые плиты, полки, полочки, кастрюли и ведра. Коммуналка — это запах. Коммуналка — это картошка, котлеты, лук, прогорклое масло, селедка, бедность, искры разума, обрывки культуры, залежи мудрости, досуние пересуды, дела жизни и смерти. Все здесь. Все такие. Разница только в масштабах.

В соседях по коломенской коммуналке, вобравшей в себя Антона, числились две старушки: высокая, тощая Евдокия Сергеевна и круглая, как перекачанный мяч, Нина Александровна; обе настолько древние по паспорту, что их можно было принять за сподвижниц самого Петра, но настолько расторопные и сообразительные в быту, что в пору им было вверить исполнение любого проекта. Предки первой прослеживались на всю неглубокую историю Питера. Дочь, внучка, правнучка и так далее, она, пополняя семейные ряды скромных служащих различных заведений и предприятий, проработала до пенсии научным сотрудником при энтомологии. Крутила небольшие колесики, оформляла работы, помогала с определением видов своим предприимчивым коллегам, зарабатывавшим себе степени и звания, — разнорабочий от науки.

Вторую, метко прозванную дворовыми алкашами кубометром, короткие ножки носили всю карьеру по ленинградским заведениям общепита: от школьных столовых до банкетных залов. Насколько она знала, и родители, и деды, и прадеды ее все обретались на Неве. Знала это из рассказов матери — семейных реликвий у людей, снимавших до прихода советской власти угол за занавеской, не заводилось.

Обе разные были во всем. Евдокия Сергеевна покупала весной абонемент в Кировский театр и исправно туда ходила, шурша шоколадкой в шумном антракте; каталась летом на пляж в Комарово; любила листать при утреннем мягком свете альбомы «Rizzoli».

Нина Александровна лихо жарила картошку на сале, смотрела «Семнадцать мгновений весны» и держала хомяка Хому.

Только две вещи роднили этих старушек: общий враг и картежная страсть.

Врагом был кулинар с то ли еврейской, то ли шведской фамилией, который по выходным вел авторскую программу, доносившуюся из радиоточки на кухне. И Евдокия Сергеевна и Нина Александровна не согласны с ним были по каждому пункту. Воскресным утром они собирались на кухне, чтобы дать кулинару бой. Каждая при этом вела отряды по-своему. Например, относительно его известного авторского рагу по-ирландски первая считала, что горох нужно варить вдвое дольше, вторая утверждала, что горох там не нужен вовсе.

— Ну где же он учился? Ведь горох у него банально не разварится, — возмущалась Евдокия Сергеевна.

— Вот ведь придурок! Какой же это горох? Это же нут! Что он городит? — кругло сыпала Нина Александровна.

И обе не раз подначивали Антона написать в редакцию.

А позже, отчитав этого кухонного таракана, эту мокрицу, чешуйницу, старушки принимали гостей — таких же увлеченных до крайности и редких, как диплодоки,

пенсионеров — и до самого вечера с ними играли в бридж. Бридж — игра командная, парная. Найти партнера — почти как найти спутника жизни. Тот, кто будет понимать тебя с точностью до последней фоски, не валяется на дороге. А учитывая то, что бридж — это не дурак, не вист и даже не преферанс, найденного партера нужно ценить не меньше картины Ван Гога. Сколько их, игроков в бридж, на весь Союз наберется? Человек триста?

Поэтому в воскресенье с самого утра Евдокия Сергеевна и Нина Александровна были по-особенному взаимоприветливы и взаимопредупредительны. Ведь после нескольких вечерних робберов они потом нередко оставались на всю неделю взаимопридерживы и язвительны. Партнеры по бриджу еще с утра желают друг другу доброй ночи, потому что потом, после игры, язык уже не повернется это сказать — столько может случиться коллизий и недопонимания. Евдокия Сергеевна играла спокойно и рассудительно, ожидая успеха на длинной дистанции. Нина Александровна каждый раз гонялась за большим шлемом. Тут и крылась основная причина раздоров.

Как бы то ни было, игра позволяла обоим сохранять ясную память и достаточно острый ум, благодаря чему между ними и Антоном быстро завязались приятельские отношения. Буквально с первого дня он был взят в следующий оборот.

— Антоша, ты что на ужин планируешь делать? — спросила его Нина Александровна.

— Я еще ничего не планирую.

— А что вы любите, Антон? — спросила Евдокия Сергеевна.

— Да я, как карась, неприхотлив.

— Похвально. Тогда предлагаем кооперацию. Ваши ноги и треть капитала, чтобы добыть компоненты, а с нас все остальное. Идет?

— Намек понял. Я, конечно, согласен, — обрадовался Антон, — давайте список.

Так и заработала эта небольшая коммуна, это снудное братство, которое Антон очень уважал и с которым делился своим расписанием и при каждой возможности звонил поведать об изменениях и уточнить, что принести из магазина.

В отличие от жителей большинства других коммуналок, здесь не разбредались с тарелками по своим углам, а ужинали вместе на кухне. Там Антон все больше и больше становился питерцем: ему поведали, что пятый номер «Англетера» выбрал своим последним прибежищем Сергей Есенин и что «Астория» — совсем другая гостиница; передали, как билось большое теплое сердце под колючим блокадным холодом; отранжировали по степени подлости всех градоначальников; привели список соответствия прежних и новых топонимов; заставили сходить в Эрмитаж и Русский музей (устроив потом проверочную). А один раз на середину стола Евдокия Сергеевна выложила два билета на «Жизель» в Мариинском театре.

— У нас тут не все готовы воспринимать балет, даже на дармовщину, — сказала она, кинув взгляд на Нину Александровну, — поэтому, Антоша, прошу не занимать субботний вечер. Если откажете, напущу книжных скорпионов, и они защекочат вас своими педипальпами.

Нина Александровна закатила глаза.

— Ну зачем же... Я пойду, — согласился с ходу Антон, дивно затем отоспавшийся под звуки из оркестровой ямы.

V

— Аппендицит, — постановила Тамара Георгиевна.

Телефонные звонки, ради которых Анна Валерьевна ходила на почту, результата не дали. В больницу они поехали сами на грязной маршрутке, жаркой-прежаркой внутри. Мать, злая оттого, что не выдали «скорую», всю дорогу сидела, уткнувшись в куплен-

ную в станционной палатке газету «СПИД-Инфо». Катя же, чтобы отвлечься от рези в боку, наблюдала то за тем, как водитель ухитрялся одновременно пить кофе, курить и вести машину, то за движениями правого уха и щеки мужика в вонючей болоньевой куртке, который сидел спереди и посасывал «Балтику-9», заедая сухариками. На полпути духота, сотворенная печкой и человеческим выдохом, сморила, и во сне вперемишку с болью перед Катей замаячила ее парта с нацарапанными на ней и кочующими в поколениях стихотворными строками: «Люблю я мух соленых и жареных глистов...» И все недоразумения, контрольные и пакости класса и жизни колючим комом в такт ухабам терзали живот. В чувство привела последняя яма у самой больницы, и Анна Валерьевна потащила за руку из маршрутки.

В приемном отделении была сумятица — дежурившие сестры не справлялись с толпой. Тут были несколько взрослых с детьми-пациентами, двое из фармацевтической компании, милиционер и с ним мужчина в штатском. Воздух был холоден и табачен, как пальцы угрюмого деда.

Анна Валерьевна растолкала с комментарием «острая боль» народ у стойки, и через несколько минут прямо в коридоре дежурный хирург, расспросив Катю об ощущениях, направил ее в процедурную. Когда брали кровь из вены, Катя посмотрела в сторону, на стену, где мелкие белые квадраты кафеля масштабно обвалились в форме карты усохшей страны, обнажив бетонного цвета плиточный клей. И стало совсем тоскливо: слева нагло и безнаказанно наступал живой коричневый таракан.

Провели еще час в коридоре отделения хирургии, боль нарастала, затем врач, вернувшись откуда-то, осмотрел, сказал, что анализы подтверждают диагноз, и направил мать подписывать бумаги, предварительно крикнув в сестринскую: «Маша, побрей и в операционную».

Маша улитками бровей, румянами на щеках и краской волос напоминала шалаву. Зашли в санитарную комнату.

— Да какие «сама», мне же потом и влетит. Снимай трусы, все свои, — сказала развязно и заскобила «Невой» по сухому, что на фоне боли терзало несильно.

Прошли затем по коридору, где на разорванном линолеуме Катя споткнулась и чуть не прочертила по полу носом. В каком-то предбаннике ей велели раздеться, завели в операционную, которую она про себя окрестила пыточной, и, уложив на ледяной стол, сковали руки и ноги. Но настоящий ступор начался, когда вошли несколько студентов-практикантов, которые, пока ждали анестезиолога, трепались о девушке с «ножевым», только что увезенной отсюда в палату. Холод, зуд и смущение, казалось, продолжались эпоху, но вот пришел анестезиолог, и все ускорилося: намазали йодом, сделали местный наркоз, поставили перегородку и стартовали экзекуцию. Страх, боль, паника, рвущаяся по всем степеням свободы Катя и решение: «Давай общий».

Отходила долго, утром очнулась окончательно от разговора соседки по палате с отцом. Когда муть осела, оказалось, что это та самая девушка с «ножевым» и не отец, а следователь, явившийся к ней спозаранку.

Провалилась опять ненадолго в сон. Разбудила пожилая, как фея, сестра, пришедшая мерить температуру и выдавшая пару непонятных таблеток. Она сказала, что звонила мать, узнать, как дела, предупредить, что приедет вечером, не надо ли чего. Ровным счетом ничего не было нужно. В этом студнем застывшем участке бытия равнодушное стало абсолютным, все раздражители вязли в нем, не добившись даже самой малой волны упругости. Сестра ушла.

Катя чуть повела взглядом вокруг. Девушки с ножевым не было: кровать ее была застелена, но не окончательно, видно, что поверх лежали. Иной бы придумал по ложбинкам подушки и одеяла, что напротив пристроился невидимка, подпер рукой го-

лову и внимательно смотрит. Иной бы прислушался к организму: «Как я?» Или бы попробовал свою койку на скрип. Еще можно было бы отметить по нарисованным на стене бабочкам, что в палате бывают малые дети. Еще можно было подкрутить стрелки у чувства времени, оценив на столе у соседки тарелку с недоеденной кашей, проверить настрой у погоды за окном, оглядеться в поисках своих вещей. Но в теперешней отупелости всего этого не хотелось. Катя опять заснула.

Визит Анны Валерьевны завершал день и прошел, как дурной сон, после которого начался наконец сон нормальный.

— Как самочувствие? Есть, я так понимаю, тебе еще страшно. Хочешь, принесу воды или еще чего-нибудь? — приветствовала ее следующим утром соседка по палате с сильно перевешивающей набор челкой.

— Воды, — разлепила рот Катя.

Через пару минут соседка вернулась со стаканом теплой воды.

— Сегодня снова смена бровастой, — сказала она и, увидя вопрос в еле блестящих глазах Кати, пояснила: — Есть тут медсестричка, раскрашена, как тетеньки на Старо-Невском. Работает без огонька. Дай бог, таблеткой покормит.

Катя кивнула. Она не знала о Старо-Невском, но поняла, о ком речь. Соседка продолжила:

— Я с позавчера здесь. Утром, перед тобой заехала. Ножевое ранение. Как говорится, «и теперь перо за это получай». А про тебя уже знаю, твой и мой, кстати, врач рассказывал. Единственный адекватный здесь. Ну, ладно, пойду пройдуся, авось найду чего почитать, не то сдохнем со скуки — из развлечений тут только милиция.

Затем были визит медсестры со шлейфом насмешек, длительный поход в туалет и обратно, попытка проглотить связку метательных ножей, замаскированных под овсяную кашу, вертел на койке и крутящий пропеллер тяжелого сна, который, как ни странно, принес очищающее облегчение — молодость все-таки.

Первый звук, пришедший с пробуждением, был шелестом листаемых страниц. Девушка с ножевым читала яркую книжку. Заметив, что Катя проснулась, она сказала с улыбкой:

— Кроме сканвордов и справок, здесь больше ничего не найти. Вот взяла у школьника со второго этажа, обещала завтра вернуть. Это про индейцев, а это «Рыцари со рока островов» Лукьяненко. Что-то типа «Дети розового фламинго». Хочешь, ты читай первая?

— Нет. Я не читаю, — просто ответила Катя.

— Да ладно! А чем же ты занимаешь свой пылающий мозг?

— Что?

— Ну, увлекаешься чем-нибудь? Я вот, например, литературу и рок уважаю, — поведала соседка и добавила: — И еще универ меня занимает малость.

— Я в следующем году поступать буду.

— Куда?

— В Герцена в Питере, — соврала Катя.

— Учить любишь? — улыбнулась собеседница.

— Да не особенно. Просто там конкурса нет, а потом, у учителей отпуск большой.

— А-а-а, ну если в такой плоскости рассуждать, то и зарплаты там маленькие. Нет?

— Мать говорит: мужика нормального найти надо, так что можно и училкой, — грустно улыбнулась Катя, на которую накатило вдруг желание говорить откровенно.

— Ну а как же брак по любви? Я вот не могу спать с парнем, который не нравится. Душевности, так сказать, не хватает.

— А для души я из бисера плету, флористикой занимаюсь...

— Чем? — спросила соседка.
 — Ну из соломки, из сухих цветов картины делаю, — пояснила Катя.
 — Ясно. Изобразительное искусство. Как относишься к импрессионистам?
 — К кому?
 — Моне, Дега, Ренуар, Писсарро...
 — «Писаро» — смешная фамилия, — сказала Катя.
 — Ясно. Найди их картины, может, понравится, — закончила разговор ее собеседница и вернулась к книжке. Катя постеснялась настаивать на продолжении, хотя очень хотелось ей рассказать и о чем-нибудь личном, и о маме, и о школьных приколах, и о новом сериале про загадочный Беверли-Хилз с цифрами 90210, про который пока только в газете читала...

Соседка на следующий день выписалась, оставив в подарок не распечатанную еще упаковку духов, оказавшихся впоследствии дорогой штукой. Затем навестил Антон, но не попал в настроение: то ли был, то ли не был? — опять ни о чем. Прошли еще несколько дней, замешанных на запахах лекарств, больничном одиночестве, водянистых ленивых голубцах и унижительных, с точки зрения Кати, процедурах, после чего Анна Валерьевна прибыла за ней, забрала духи («душить еще нечего»), отругала за несобранные вещи и увезла домой на маршрутке с тем же многоруким водителем. Катя ехала, смотрела на моченные в сером дожде гнилые поля и до рвоты разжеванные обочины и съезды с шоссе и обещала себе, что больше никогда в казенные медицинские стены не попадет.

VI

Анна Валерьевна всю жизнь старалась ловить куски пожирнее. В школе она внимательно следила за интересными вещами, появлявшимися у одноклассниц, которые те вправе были подвергнуть обмену. Обнаружив такую, насаждала и давила до тех пор, пока девочка не соглашалась отдать драгоценность почти что задаром. В высшем образовании Катина мать для себя не видела преимуществ (с подачи в первую очередь своей матери, отработавшей горничной в разных гостиницах Ленинграда почти с четверть века), поэтому попробовав и провалившись на экзаменах в ближайший институт, не сильно расстроилась и получила специальность товароведа в ПТУ — оттуда заработок казался ближе. То было веселое время, ни одна попойка не обходилась без «Аньки в джинсах» — урвала у одного морячка, — ни одна девка с ней не могла конкурировать в силе напора. Учеба закончилась, и Анька задержалась в родной путяге секретарем-машинисткой. Потом уже поняла, что по уму идти надо было завхозом куда-нибудь, добывать там имущество. Но по молодости казалось, главное — парю найти, даже, как раньше говаривали, «партию»: серьезного, зрелого, «большого» человека, за которым как за каменной стеной в плане обеспечения, чтобы хапнуть добра до предела. Так в общем и пыталась словить счастья в канцелярии ПТУ. Пьянки вышли на более аристократический уровень, но, несмотря на все усилия, должный кавалер не появился. Следовало искать где-то еще. Поэтому Анна Валерьевна с радостью и назло матери ухватила за место в отделе кадров редукторного завода в Зорях, насовещанное кем-то из знакомых. На такой должности, виделось ей, и напрягаться не придется. Все лакомые куски будут сами плыть мимо — знай выхватывай нужный. Должность, оклад, премии, семейное положение — все будет наглядно расписано в личных делах и прочих бумагах. И вот новая гаечка стала крутиться в машине учетно-регистрационных операций завода. Крутиться, присматриваясь ко всем и каждому, отбирая и ранжируя объекты по особенной шкале ценностей. Материальных ценностей. Не пугало Аньку и расставание с культурной столицей — не случилось ей ни

разу по своей воле ни в Кировский театр сходить, ни даже в Эрмитаж. Все, чему научилась она в Ленинграде, так это виртуозно хамить, не используя бранных слов — самый изысканный яд. И вот, сидя в засаде в отделе кадров, она стала примечать, что на заводе взлетают параллельно и соревнуются друг с другом две звезды — два молодых специалиста, ни в чем друг от друга не отстающие: ни в количестве рационализаторских предложений, ни, соответственно, в премиях и росте оклада. Обоих Иванами звали. Один Перевалов, другой Оброков. То по одному выходил приказ о премировании, то по другому. Одного повысили в должности, а затем и второго. Как выбрать? Анна Валерьевна даже нарочно в день зарплаты задерживалась у кассы, чтобы обоих пронаблюдать за получением денег. Дело решилось просто. По сарафанному радио прошла информация, что Иван Оброков уже не раз замечен в аллеях парка с девушкой из отдела качества. Конкуренции Анна Валерьевна не желала сильнее всего, нельзя было допустить, чтобы какая-то дура инженерка кусок из горла вырвала. После ближайшего же мероприятия заводского Дома культуры была проведена стремительная атака, в результате которой побежденному Оброкову оставалось только проследовать в загс.

Молодая семья тут же въехала в построенный по чехословацким лекалам домик, который предоставил завод, обзавелась не без помощи тех и других родителей автомобилем, после чего Анна Валерьевна шумно выдохнула и принялась строить планы на дальнейшее рвачество. Хотелось власти. Но тут она просчиталась, сделав ставку на мужа. После двух лет подзуживания она с технической работы все же перенастроила его на труд номенклатурный, поднапряглась по линии кадров, подрасчистила пару ходов и заделала мужа сошкой в правлении. Тот день Оброков запомнил как летящее «сссыте». Анна Валерьевна сопровождала его до самых дверей самого грозного кабинета. Приемной, точнее. Пока стояли у бюро пропусков, наблюдали, как входящие муравьи здания салютовали вахтеру громким человеческим «Здравствуйте!» — ведь тот имел власть за трешку наделить их свободой в обеденное время сгонять за выброшенной сырокопченой колбасой. Далее, когда они вместе со всеми медленно поднимались на вместительном лифте, видели, как приветствие превращалось в тусклое «здрасьте», чтобы затем на этаже ссохнуться в шипение «сссыте», приправленное малым кивком, и расползтись по коридорам и кабинетам.

Дальше долго сидели в очереди у приемной, но прежде Анна Валерьевна коротко сунула мужу: «Загляни, обозначься». Обозначился. В тот день им грустно улыбнулась удача: назначение совершилось.

Однако Иван Оброков не был от природы горлопаном, не мог блеснуть на сабантуте, развлечь в нужный момент разомлевшее начальство и не умел толкаться локтем, поэтому был быстро съеден новой кровью, влитой в завод из центра. За несколько лет вертепа технический кураж он подрастерял и превратился в унылого, апатичного неудачника, годного лишь для битья. На выходе из этих метаморфоз он вдобавок имел нагрузку в виде трехлетнего сына и новой незапланированной беременности Анны Валерьевны.

А сама Анна Валерьевна потихоньку стала сходить с ума. Диагноз ей вряд ли бы кто рискнул поставить, но что-то ненормальное всякий видел в ней после короткого общения, да отказывался себе верить, — так обычно обнаружив, что вон тому обрюзгшему дядьке лет столько же сколько и тебе, все не хочешь согласиться, что выглядите вы одинаково и на один возраст. Была у нее одна навязчивая черта: в любой своей неудаче ей нужно было найти виноватого, будь то длительная стагнация на работе, неудавшийся отпуск, промокшие ноги или сбежавшее молоко. Обязательно должен был быть виновник; не случайность, не явление природы, не несчастный случай, не стечение обстоятельств, а именно человек с именем и фамилией. Поиск виновато-

го стал просто гротескным: Анна Валерьевна пыталась найти ответственного за весь ход своей жизни, которой она была сильно не удовлетворена. Эту роль поочередно примеряли все ее близкие. Они входили к ней в дом, как на минное поле — без права на ошибку, при этом одна бы Анна Валерьевна быть не смогла: не на кого было бы сваливать все свои несчастья, большие и маленькие. Люди, даже родные, сторонились ее, а редких случаев искренней приязни она не замечала, поэтому вынуждена была постоянно требовать не только благодарности или уважения к себе, но и любых пустячных услуг, именно требовать: подайте мне, покажите мне, развлеките меня, любите меня, пристройте меня, похвалите меня, дайте мне то, дайте вот это, сделайте мне хорошо, наконец.

Обведем: Анна Валерьевна была необразованная глупая женщина, по утрам встающая с настроением пнуть кого-нибудь. Что до внешности, то это была мосластая блондинка с невыразительным лицом, отчего-то красящая в бледный цвет поджатые губы. Всегда в джинсах, передвигалась она нервно, словно на шарнирах, словно в такт джазовым потугам начинающего музыканта. Дома она бывала сразу везде. Точнее, все всегда были в курсе, какую из комнат она сейчас заняла, и подсознанием непрерывно следили за ее перемещениями.

Сына и дочь она растила одна при живущем с нею супруге. Пыталась поначалу вылепить из них счастливую себя, отталкиваясь от своих только интересов. Спуску детям не давала, и уставшие соседи, слышавшее со стороны участка Оброковых многое, мрачно шутили, что мать она добрая, но справедливая. Справедливая до мелкой придирчивости, в приступах которой она требовала от окружающих во всем точности штангенциркуля.

Ебуа, как-то проснувшийся после теплой ночи под забором Оброковых, услышал, как кого-то отчитывают за мокрое белье, и сказал себе: «Эге, да тут начинается буги-вуги». Беда в том, что буги-вуги здесь звучало, не прекращаясь.

С сыном все было понятно. Несмотря на масштабные вливания чувств и средств, он рос болваном и садистом и, по мнению матери, ни на что не годился, кроме воинской службы. Поэтому был сразу же после школы пристроен в военно-морское училище на полный пансион. С тех пор его видели только по праздникам и редким увольнительным.

Дочь же свалилась неожиданно и, так получилось, стала виноватой во всем: в потерянном для карьеры времени, в расплывшейся фигуре, в недоданном сыну, в нервах, а в итоге и в обманутых надеждах, поскольку Оброкова-старшая сперва пыталась сообразить для нее лучшую долю, но скоро убедилась, что дочь — самая заурядная девушка: не слишком остра умом, не нахраписта, внешности уныло-блеклой, с центром тяжести ниже среднего — про эту точку Анна Валерьевна вообще говорила мужу: «За чем ты отдал ей свою жопу?»

За все годы Катя могла вспомнить только одно проявление нежности со стороны матери. Был день рождения отца, и Анна Валерьевна сделала очередную попытку затасовать мужа с начальством — смугленьким толстячком, без устали ездившим в ленинградские лавки, торгующие консервированной историей. Погода стояла подходящая, июльский жар ушел, и к вечеру поддувал небольшой ветерок, рассовавший комаров по щелям. Стол был накрыт во дворе перед домом, коптил новый мангал, и уже раз сто Анна Валерьевна произнесла модное слово «бирбику». Начальство и муж в достаточной степени захмелели, настроились на одну волну и затеяли производственный разговор. Все шло по плану. Тогда Анна Валерьевна оставила мужчин в желто-сером сумраке у стола и прошла в спальни детей. Сын скрючился в обычной своей позе животом вниз и внимания не требовал. Дочь в сырой спаленке лежала без пижамки и, похоже, уже давно упустила и перестала искать одеяло, сползшее на пол. Она в полусне свернулась в клубок, обняла себя ручками и дышала внутрь на грудь и живот,

пытаясь добыть тепло. Анна Валерьевна наклонилась, подняла одеяло, а затем не удержалась, поддалась инстинкту, прилегла на кровать, обняла дочь и недолго была с нею, проснувшейся от неожиданности, целуя за ухом и приговаривая на манер колыбельной: «Все бежим, бежим куда-то, все бежим-бежим, бежим-бежим». Вот только эту минутную сладость Катя и вынесла из всего своего короткого детства. Детство Кати закончилось в одиннадцать лет.

Распыляться и пихать дочь по высшим учебным заведениям Анна Валерьевна не собиралась, не отказав, правда, Кате в попытке поступления в институт холодильной промышленности. Провалившись на первом же экзамене, Катя все уяснила и стала ждать решения матери. Решение было скорым — педагогическое училище. «Может, там научат ее нормального мужика найти», — думала Анна Валерьевна, но в год окончания школы с набором пролетели, поскольку она умудрилась схватить пневмонию и больше месяца проболела.

Кате предстояло перекантоваться до следующего лета, чтобы потом присоединиться к строю будущих детсадовских воспитательниц в училище, где чем короче юбка, тем выше ранг.

И время этого бездумного ожидания стало для девушки губительным, как отраву. Анна Валерьевна думала сначала пристроить ее хоть кем-то в ночной клуб, охраной которого заправлял в Гатчине сын ее школьной подруги Антонины Салтыковой. Ездили специально туда, поступаясь гордостью (Анна Валерьевна завидовала тому, как устроилась Салтычиха, как устроился ее высокий красивый сын), жили с неделю на улице Чапаева. Одну ночь Катя даже отработала в клубе, продавая билеты. Касса была расположена внизу у входа, танцпол же с баром на втором этаже. Арифметика предполагалась простая: для парней вход по пять тысяч рублей, для девушек по две с половиной. Но приступив к работе, Катя познала нюансы. Во-первых, нужно было уметь отмахнуться от тех, кто навязчиво просил билет в долг или в обмен на какое-нибудь украшение, тут в тяжелых случаях помогала охрана; а во-вторых, сама охрана с первой минуты открытия организовала небольшой поток денег для себя, и эти бумажки, как указал сын Салтычихи, нужно было складывать скрытно отдельной кучкой.

Посетители шли густо, и к трем часам ночи Кате, одуревшей от непрерывного счета, уже хотелось заорать и бежать до самого Гатчинского парка, чтобы прыгнуть там в черный холодный пруд. К пяти утра стало полегче, и она в полусне протягивала в окошко сдачу почти на автомате. А в восемь огромный вышибала в черной футболке зашел за ней в кассу, чтобы сопроводить ее с деньгами наверх к администратору. И там в кабинете за баром уставшая и одуревшая от наступившей наконец в здании тишины Катя все перепутала и сдала скромную левую выручку охранников, отчего бывалый администратор, явно слазавший накануне своим волосатым носом в кокаин, устроил ей блиц-опрос (он так это и назвал), а затем уже более обстоятельно побеседовал с начальником охраны — сыном Салтычихи.

В последующие два дня деморализации, устроенной матерью, за поправное перед успешной подругой достоинство, Катю ни разу не охватил приступ неловкости, от которого хотелось бы зажмуриться и тряхнуть головой; она даже и сквозь рыдания вспоминала, как степенно поднималась с коробкой ночных купюр по лестнице клуба и как у ее сопровождающего футболка натягивалась и вновь скисала под грудью мышц в такт ходьбе.

* * *

Прямо из кирпичной стены закрытого поселкового клуба, бывшего раньше храмом, долгие годы пробивался и рос бедный кустик, то засыхая, то зеленея. Неясно

было, какими такими тощими корнями цепляется он за кладку, что дает ему сил изредка подниматься и крепнуть, сопротивляться зною и холоду в ожидании дня, когда придет штукатур, который машинальным движением выдернет его из стены и бросит с высоких лесов вниз в строительный мусор.

После гатчинской неудачи Катя часто сидела на клубном крыльце, глядя на этот кустик, провожая взглядом редких прохожих, царапая пробкой от лимонада перила, подставляя недолгому осеннему солнцу хранящее тусклый загар лицо. Близились холода, дождик поливал все чаще, все выше, подталкиваемый ветром, поднимался он по ступеням крыльца. Еще немного и придется вернуться в дом.

Думала ли она о чем-нибудь? Наверное. Но результатом всех размышлений было холодное студенистое ничто. Одинокий оборванец пересекает бесконечную снежную равнину и, не найдя ни конца ни края ей, проваливается в белизну и засыпает. Работа — что-то вроде той смены на кассе. Любовь? Что-то вроде нескладехи Антона с его несколькими жалкими письмами. Жизнь? Постоянный зуд под одной крышей с мамой.

Но кто это сошел с дороги и подходит лениво, словно в курортной истоме? Кроссовки настолько белые, что кажется, передвигаются самостоятельно; утепленная джинсовая куртка с дерзко торчащим воротником; темное, практически южное лицо под стремительной молнией челки; и глаза такие, что встречный взгляд отскакивает, как капля воды от раскаленного на сковороде масла. А вокруг глаз морщинки, единственная деталь, правдиво говорящая о возрасте. И есть еще тонкий белый шрам на щеке.

— Привет. Как пройти в модельное агентство?

— Куда? — удивилась Катя.

— А ты не оттуда разве? — улыбнулся незнакомец и, не дожидаясь ответа, полный участия, спросил: — Давно здесь сидишь?

— Не очень, — ответила девушка, чувствуя, как затягивает ее в волнующий неизведанный омут.

— Не знаешь, у кого здесь можно жилье снять?

— Гостиница сгорела в позапрошлом году...

— Это я знаю. А что у частных?

— Ну, может быть, у тетки Зары, — неуверенно произнесла Катя.

— Покажешь, где это? — без колебаний спросил незнакомец.

— Покажу.

Муж Заремы Романовны в свое время так хорошо торговал ворованным лесом, что и дом построил цыганских масштабов, и «Жигули» купил, на которых, не зная преград и правил, гонял между поселками, доводя до инфаркта и автомобилистов, и пешеходов. Кончилось все это ожидаемо: сливовым зимним вечером на этой своей шахе он вместе с детьми ушел сквозь ограждение на мосту под ледяную коросту реки. Время было позднее, дорога пустынная, поэтому не скоро определили, что случилось: трактор и водолаз с лебедкой только на следующий день доставили на берег к ногам Заремы ее семью. С тех пор жила она одна. Приторговывала сивухой, а летом сдавала часть дома дачникам.

Пока шли, Катя робко поинтересовалась, чем занимается ее спутник, что привело его в Зори. Тот ответил, что сделал делюгу и теперь путешествует, спуская деньги. Предложил считать его географом.

Катя не хотела ступать на участок Заремы, поэтому просто указала рукой на Тупик:

— Вон тот, салатный.

— Цыганщина, — уверенно сказал географ. — Ладно, ступай. Увидимся.

Назавтра возле клубного крыльца жгуче-сахарные кроссовки появились уже утром. Катя их заметила еще издали, когда они выпрыгивали среди умирающих лопухов: мельк-мельк, мельк-мельк.

- Опять скучаешь?
- Здравсьте.
- Вчерашняя хата — ништяк, спасибо. Приходи-ка сегодня на новоселье.
- Ну...
- Приходи, уже и Зара в курсе, что ты будешь. И еще пара местных, ты их знаешь.
- А кто из девушек?
- Подруг приводи. Придешь?
- Приду, — с ходу согласилась Катя, удивляясь, куда это ее несет.
- Гуд. Ну, до вечера, — и снова мельк-мельк, мельк-мельк.

Катя, сначала мучившаяся тем, как ей отпроситься у матери, да и вообще идти ли на эту явно рискованную тусовку, в итоге сделала открытие: можно просто тихо скрыться, слова не говоря, наверняка никто и не заметит. А заметит, так не убьют же? Но вообще, страшно, конечно. И дом тетки Зары, и парень этот (или мужик правильной?), которого она и видела-то дважды, и что там у него за компания? И действительно, кого бы позвать из подруг? Тому? Надо уже решаться, клубное крыльцо — никакой не выход. Надо начинать жить, двигаться, а там, глядишь, и получится.

Катя сбегала в нетопленую баню с чайником горячей воды, вышла и долго расчесывалась перед кривым зеркалом, висевшим тут у входа. Потом с волнением собирала непривычно интимный набор в сумочку. Торопливо и настороженно поклевала ужин с вернувшимися с работы родителями. Для отвода глаз послонялась по дому, взяла с полки в большой комнате первый попавшийся том и пошла к себе, чувствуя, как волочится за ней шлейфом взгляд Анны Валерьевны. Через тысячу гулких ударов сердца она в летнем платье и осенней куртке прокралась на выход. Мать, судя по доносившимся звукам, все еще смотрела «Улицы разбитых фонарей», был ли там же отец — непонятно. Никто никогда в точности не мог сказать, в каком углу дома он пропадает.

Пробежав, пригнувшись под окнами, Катя выскользнула с участка, направилась было к Томе, но замедлила, прикинула себя на ее месте и круто повернула в сторону Тупика. А там уже с основной опустевшей дороги было видно и слышно, что веранда в доме Заремы сегодня живая: ярко сочился люминесцентный свет сквозь грязный тюль, а «Иванушки Интернешнл» ритмично звучали сразу же после «На-На» и «Любэ».

Простояв несколько минут у калитки, досадно никем не замеченная, она робко вошла и продралась к дому по узкой тропинке сквозь сухую, все лето некошенную траву, даже сквозь лосины особенно колкую в темноте. Через заляпанные краской фигурные стекла чужой патриархальной веранды предстала перед ней сцена попойки вокруг исцарапанного полированного стола. На продранном кожаном кресле с откровенно торчащей ватой восседал ее новый знакомец, по бокам, не считая тетки Зары, на стульях и табуретках сидел давно знакомый и вполне уместный здесь поселковый люд: Вжик, Билли, Кошмарик, маленький цыганенок Ваня — десятилетний вечный спутник любой шальной взрослой компании, которого Вжик постоянно таскал с собой, видимо, чтобы иметь возможность хоть на кого-то смотреть свысока, и, что особенно подогрело душу, среди них всех громким ржанием выделялась Тома.

Ваня первым заметил в дверях Катю, поэтому с непосредственной детской искренностью улыбнулся ей и, выпуская дым сквозь дыру от последнего молочного зуба, замахал, приглашая к столу. Разве что хвостом не завиял. Хозяин вечеринки проследил за его жестом и в свою очередь радушно развел руки.

— Зарема Романовна, Тамара Батьковна, извините, но пришла моя королева бала. Ванек, ну-ка уступи тете место рядом со мной.

Цыганенок воробышком перелетел на другой конец стола и прижался к Томиному плечу.

Катя прошла к означенному стулу, поглядывая так, словно оценивает, пристойно ли ей здесь оставаться.

— Штрафную! — скомандовал Кошмарик.

Катя, как могла, умело выпила с полстаканчика сладкого шампанского, окруженная фальшиво-торжественным вниманием, и прерванный разговор о том, кто кого видел за день и кто кому что при этом сказал, продолжился. Под этот гул географ наклонился к Кате:

— Слушай, а мы ведь так и не познакомились толком.

— Катя.

— Ну кто же так знакомится! Давай на брудершафт выпьем.

Он налил себе коньячного спирта известного происхождения, притянул к себе девушку и слегка цапнул выступившей за день щетиной, устанавливая скрепление рук, а когда оно развалилось, то сквозь тепло и шум в голове до Кати донеслось:

— Вот и славненько, а я — Костя.

Попойка продолжалась долго — коньячный спирт все не кончался. Потом под управлением хозяина вечеринки все стали расходиться, исключение было сделано только для цыганенка. Его, ослабшего, Зарема увела на свою половину.

Географ лично проводил сперва Тому, а затем и Катю до дома — скорее из желания знать, где те живут. По пути рассказал о своей ТВ-приставке и об имеющихся картриджах. Расставаясь с Катей, он пригласил ее поиграть как-нибудь. А та и согласилась, и, опережая Тому, на следующий день откликнулась на зов, а когда понадобилось, спокойно поддалась на коротко и без затей преподнесенные ей ласки географа. И так и завелось у них, встречаться, играть, курить и выпивать, перемежая все это короткими половыми прениями.

И как это часто встречается в литературе и жизни, только родители девушки ни о чем и не знали. Антон тоже не знал до некоторой поры.

Свеча коптила на столе, свеча коптила.

VII

По вечерам к Семенову заходили его знакомые самого разного толка, были даже милиционеры и музыканты. Они курили, играли в шахматы, в го, пили пиво. А Антон, которого тоже угощали, разомлев сидел и слушал, слушал, о чем они говорят. Люди это по большей части были ровные и приличные, а говорили про то, как и кто приспособляется к новой жизни, кто и как коммерциализирует свой труд. В основном труженики отрывались от насиженных больших производств, учреждений, институтов, от государственной груди и прибывались к повыскакивавшим, как грибы, частным конторкам, в которых водились или были обещаны деньги, за которыми, казалось, будущее. С Семеновым их роднил оптимизм, несмотря на то, что изменения последних лет им совсем не нравились, уверенность в своих силах, которая покоилась на фундаменте таланта и знаний, а также определенная система ценностей, которую все они получили в свое время централизованно, они верили в созидание, в семью, в науку в целом и в космос в частности. Они до сих пор шли строем, но во многом уже по инерции. Они приняли Антона как равного и запомнились ему все разом как доброе товарищество, на которое можно положиться. Были и другие, оставшиеся в памяти по отдельности.

Один из таких гостей, пришедший без приглашения, уверенностью, плащом и прической напоминавший лейтенанта Коломбо в исполнении Питера Фалька, поразил широтой познаний: он с легкостью воспроизводил на итальянском Данте, научил Антона

терминам «дефенестрация» и «керкапорта», помнил итоги спортивных игр за многие годы, поведал о своем любимом импрессионисте Максе Либермане.

— Эрудиция зашкаливает, — сказал потом с восхищением про него Антон.

— Эрудиция либо развивает ум, либо создает его видимость. Чаще всего второе. В любом случае — полезная штука для обладателя. Кстати, этот сведущий человек, работает на кафедре химии, а в свободное время торгует оценками по любым предметам. Будут сложности с учебой — обращайся, — прокомментировал, возясь с горелкой, Семенов, — ну ладно, ладно. Не красней, это я так, вспомнилось что-то. Забудь.

Однажды заскочил малоизвестный артист, что-то типа ведущего церемоний, которого Антон, кажется, где-то видел. Этот тип в вельветовом пиджаке с фабричными заплатками на локтях Антону вначале казался суперзвездой: он лазал по шумным мероприятиям, не раз попадал в телевизор и утверждал, что жал руку большинству известных людей города. А на некоторых еще и смотрел с презрением. Он был человек новой волны и даже акцент завел себе согласно происхождению — эстонский.

После его ухода на немой вопрос Семенов ответил: «Двоюродный брат жены».

В тот вечер физика уже порядком развезло, он в дыхании эйфории прохаживался от прессы до стола с колбасами, переключившись, как любил говаривать, в «режим лирика».

— От ведь балабол, вынудил меня захмелиться. Ты тут с будущим определиться хотел, совета спрашивал. Ну что ж, позволь я тогда порассуждаю от себя, простым языком, без всяких этих академичностей, к которым ты, должно быть, привык здесь. А ты поспорь со мной. Попробуй.

Что такое мужчина? По мне, так это муж — в смысле самец, — наделенный чином — обязанностью толкать этот мир вперед. Уж как он это будет делать — его дело (прости, но я предупредил, что это хмельной разговор).

Так вот, толкать мир вперед, то есть делать его лучше. Лучше, чем был до этого самого мужчины. Почему и зачем? Потому что так заведено. Потому что это неоспоримый закон мироздания: двигаться вперед, расти и распространяться. Для всех белковых соединений. Вот мы, например, люди, и давайте поэтому двигаться по-человечески. Как-то более гуманно. Это я ответил на вопрос «как?».

А что значит двигаться? Да хотя бы когда двигаемся, прикидывать, а не противоречит ли это улучшению мира. Не отбрасывает ли нас это назад.

Выбирая себе работу на ближайшее время, подумай: это для чего? Только для доставки в тело калорий и удовольствия? Или хоть кому-то это поможет? Созидатель ты или нет?

Вот дети заняты непрерывным созиданием. Как минимум, создают одного гражданина. Взрослые же делают это урывками, озарениями. Между теликом и выпивкой.

Сейчас вообще провалюсь в поток мысли, не бойтесь, держитесь за поручни.

Заповедь: если твой труд может быть автоматизирован, если тебя может заменить робот — не берись за этот труд, берись за его автоматизацию. Это я как бы из будущего кричу всем. Потому что если ты делаешь то, что может быть автоматизировано (не творческое что-то), то и делаешь на автомате, становишься роботом. Тебя на таком месте и держать-то будут ровно до тех пор, пока ты дешевле железного болвана.

Вот и еще заповедь: робот должен быть железным. То есть не живым. И еще вот по-другому она же: работа нельзя признавать личностью. Чтобы не создать себе врага, чтобы не списывать на него все свои неудачи, чтобы не проиграть.

Ну да ладно, это если и будет, то не скоро, а я все-таки не фантаст.

Так вот давай теперь разберемся с тем, что имеем на входе. В твоём, я имею в виду, случае. Мы, дружище, уже двадцать тысяч лет как разумные более или менее. Накопили кой-какой опыт. Как человек становится хорошим сознательным двигателем впе-

ред? Кто его выводит на тропу созидания? Общество, родители, провидение? Момент, может, какой переломный? Последний вариант классики уже разрабатывали. Давай прикинем про первые.

С обществом все понятно — подгнило и развалилось, а было вполне себе фруктом. Да... Но тебе повезло, то хорошее, то, что родители да деды твои делали, в тебя еще успело зайти в школе. Вот и весь вклад в тебя общества. В родителей своих веришь?

— Верю, — выдохнул Антон.

— Ну и я тогда верю, что чего-то они в тебя заложили. И вот, значит, у нас на входе, на пороге страны знаний и созидания приятный молодой человек с неплохим школьным образованием и манерами. Что же ему делать? У меня теория такая. Мы девяносто девять процентов ежедневных задач решаем, мысля аналогиями, опытом и так далее, то, что достигается тренировками. И только один процент энтропии разгребаем с помощью озарений и творчества. Иначе бы у нас все Ньютонами были, делая каждый день по открытию. Соответственно, чтобы накопить багаж аналогий, а к ним я отнюшу: способы размышлять, готовые шаблоны действий, выстраивание процессов для обеспечения своего труда и быта и прочие приемы и хитрости; для всего этого лучше всего подыскать хороший образец для подражания, или, если хочешь, Учителя. Поэтому я не разделяю идею того, что все суждения отцов нужно проверять на прочность. Некоторые из них уже относятся к скелету, на котором держится все наше общество, некоторые — мясо под тонкой пока еще кожей. Ну, может, там и нужно проверять на предмет прыщиков, но очень редко. Поэтому эффективнее опираться на что-то, на авторитеты из тех, кого уже нет, кто уже классик. Опирайтесь на своего учителя. И уже дальше, через подражание ему, через использование всего лучшего, что он передал, ты сможешь дать тот свой процентик миру. Это и будет твоим вкладом, твоим кирпичиком в стену здания, которое мы все строим, здания, которое... в общем, которое я и сам не знаю для чего. Я просто удивляюсь гению человечества. Человечества в целом. Вот индивид. Сегодня жив, может, даже пасуешь перед ним, а завтра — кормит червей. Человек — хрупкий, любая серьезная хоть сколько-то штука его потрясает. Но есть и огнеупорные мотыльки (про мотыльков же ты говорил?), огнеупорные, кто за счет ловкости, кто за счет стержня. Стержень родители и учителя закладывают. Но я не об этом. Вот поддаешься иногда унынию, думаешь: «Ну зачем все это, если сдохнем в итоге?» А потом смотришь вокруг, взять хоть телевизор. Сколько человеков поколов потрачено на создание стекла, полупроводников, алгоритмов... Люди ведь знали конец, но все равно двигались, жгли калории и толкали нас вперед. В этом и есть гений — двигать наше племя вперед!

Семенов мог продолжать еще долго, но Антон, икая пивом, прервал его:

— Учитель, я вот только не понял, куда мне лучше пойти работать?

— Да все равно куда, главное — не становись мелким лавочником. Наш мелкий лавочник — это в большинстве своем хитрый хапуга, нежели добрый мороженщик. Мелкий лавочник всегда завидует и боится. Боится упустить. К некоторым из них можно притянуть слово «амбиции», но амбиции — это плохо, они есть разновидность зависти. Это когда ты хочешь переплюнуть или себя подогреть, а не для того, чтобы другим стало лучше. Устремления и цель — вот что должно быть опорой. Мелкий лавочник же, как и всякий капиталист, занят производством денег, ему вечно не хватает. Хотя от этого нельзя зарекаться: посмотри на меня, на наших гостей — против своей воли, но мы стали забывать думать о великом. Становись великим. А не можешь стать великим, иди в корпорацию. Иди работать на государство, на общество, на большого дядю. На очень большого. В каждом большом деле, с самого начала стройки будут люди, которые распоряжаются не своими средствами, которые не стесняются и не

боятся тратить, и здесь же их недостаток, поскольку в запущенную уже машину они все вливают и вливают избыточно. Их смещают и на смену берут оптимизаторов для привнесения эффективности: те отрезают все и всем, особенно в тех местах, где это менее всего нужно. Но и тем и другим нужны строители и те, кто эксплуатирует построенное — разумные, честные рационалисты, которые в любом положении, проявляя гений и талант, дают делу запуститься и работать как можно дольше. Такие нужны во все времена. Выбирай.

— Куда бы пойти-то? — переспросил Антон заплетающимся языком.

— Э-э, да тебе сейчас пора бы пойти спать, вот куда. Пошли ловить машину. А на счет работы завтра договорим.

* * *

На следующий день Антон неожиданно оказался у Семенова дома. Лифт не работал, они поднялись на пятый этаж, где Семенов сам открыл дверь. На пороге их, запыхавшихся, встретила его шестилетняя дочь, после «здрасьте» атаковавшая отца свежеприобретенной забавой.

— Папа, купи слоника.

— Не куплю.

— Все говорят: «Не куплю», а ты возьми и купи слоника!

— Зачем он тебе?

— Все говорят: «Зачем он тебе?», а ты возьми и купи слоника.

— Прыжок с подвывертом.

— Все говорят: «Прыжок с подвы...» Тьфу, с тобой неинтересно!

— Славный ребенок, — посчитал нужным отметить Антон.

— Ты просто не видел этого славного малыша вчера, когда настало время влезать в теплые колготки. Вообще, конечно, переодевать ребенка по сезону — чистый обряд экзорцизма, так дитя беснуется и орет.

Квартира Семенова была аккуратной: не свойственным для старого фонда образом были выровнены стены, покрытые затем моющимися обоями, только входившими в оборот; холл при входе, две средних размеров комнаты и кухня с видом во двор. На полу был сохранен паркет елочкой, освеженный циклевкой. Все поверхности: комода, столов, дивана, подоконников — были свободны от обычного хлама, от чего добавлялся в каждое помещение дух аскетизма. Ковров, тем более с оленями, замечено не было. Сравнивая квартиру Семенова с его заваленной разными приборами и инструментами лабораторией, Антон приходил к выводу, что здесь обстановка сложилась такой благодаря женскому влиянию: комнаты были светлы, воздух свеж, а со стен смотрели картины Моне.

Со стройной женой Семенова Антон не успел познакомиться толком, она бросила мужу новость о том, что потолок на кухне опять сырой, накинула легкое светлое пальто и вышла. Собственно, ради того, чтобы отпустить жену на день рождения подруги, Семенов и предложил Антону добить один из заказов на дому.

Они быстро попили чаю, а затем, расчистив кухонный стол, покрытый голубым оргалитом, разложили на нем бумаги. Дочь была нейтрализована на некоторое время мыльными пузырями и книжкой «Елки на горке» в спальне-гостиной с журнальным столиком.

— Даже не хочу смотреть, что там происходит. Надеюсь, жена меня убьет, не мучая.

После, когда курили на лестничной клетке у огромного окна с видом на красную кирху, Семенов вернулся к вчерашнему разговору.

— Есть у меня ребята, которые сотовую связь в Питере начинают. Северный GSM, слышал? Собираются на Норвекоме выставяться. Вот они — перспективные, хотя и не перспективнее барыг-спекулянтов. В общем, иди к ним на Синопскую набережную. Посмотри, чем они там дышат. Я уже говорил им о тебе, студенты им пригодятся, потому что готовых кадров у нас все равно сейчас нужных нет — будут выращивать. Не стесняйся, все без обязательств. Главное пойми — твое ли. Если нет, лучше и не берись, не подводи меня. А то, знаешь, больше всего на свете не люблю троечников. Иного, бывает, не сразу вычислишь, особенно в незнакомой области, а как поймешь, кто перед тобой, то, может, уже будешь в глубокой заднице. Всегда боюсь на врача-троечника нарваться, который не по призванию оккупировал свой кабинет. А если понравится — тебе повезло на всю жизнь. Не каждому доводится найти себе дело по душе. Мотыльки, про которых ты говорил давеча, создания хрупкие. Соблазнов вокруг много, тем более что направление теперь никто не задает. Единицы становятся толковой бабочкой. Остальные так и копошатся в паутине, пока восьмипалый не высосет из них жизнь...

Снизу донеслось шаркающее шлепанье, присущее пожилым людям. Почти сразу же к нему добавились всхлипы. Курильщики переглянулись и стали дожидаться идущего. Им оказалась соседка сильно преклонного возраста. Помимо холщовой сумки с продуктами она держала в руке квитанцию, над которой и плакала.

— За что? — спросила она. — Я же не звоню столько. А ты погляди-ка, межгород! Да я последний раз два года назад звонила. В Смоленск, сестре, царствие ей небесное.

— Спокойствие, Владлена Георгиевна, — как можно веселее сказал Семенов и, подхватив ее сумку, проводил до двери, — мне тоже счет несоразмерный пришел. Здесь какая-то ошибка. Я разберусь. Давайте и вашу квитанцию.

Старушка с полминуты смотрела на Семенова, затем, не найдя сил для разговора, молча протянула бумажку. Когда она прощелкала засовом с обратной стороны двери и все затихло, Семенов сказал:

— Это ведь и на самом деле ошибка. Ошибка природы, — и, глядя на недоумевающего студента, добавил с неожиданным цинизмом: — В одной семье малыш вырос — Славик, и никто этого не исправил. Уж сколько жаловались. Присмотрись, у всех телефонные провода на скрутках. Кроме одной квартиры. Но ничего, я попробую сам, чего дожидаться милостей от системы? Тем более что душа горит.

Затем у себя в квартире Семенов достал с антресолей плотницкий топор на деревянном топорике и попросил Антона:

— Посиди с дочкой, я наверх сгоняю, что-то сосед заливает. Не вернусь через десять минут, позвони в милицию.

Антон даже завис от такого поворота, не совсем понимая, что происходит. Надевший вновь свои мартинсы Семенов с подтяжками поверх светло-серой рубашки с закатанными рукавами, со здоровенным топором в руке, с торчащей вперед бородой выглядел люто. Антон заметил вдруг, насколько физик жилист, насколько он демон.

Семенов взлетел по лестнице и топором и пяткой заколотил в дверь расположенной выше этажом квартиры.

— Кто там? — раздался пьяный мужской голос.

— Дежурный по лестнице! — ответил физик.

Из-за двери послали. Семенов только и ждал этого условного знака. Мощными безальтернативными ударами топора, от которых в нескольких домохозяйствах обитатели приложили свои уши к двери и робко глянули в глазок, он выломал замок и ворвался внутрь. Славик, со страшной рожей молодого бича, практически выбегая из своих замызганных пожелтевших джинсов, устремился в комнату, где, роняя бутыл-

ки, стал на столе на шаривать нож. Семенов, не сбавляя хода, обрушил топор на стол, Славик каким-то чудом успел выдернуть руку. Вторым ударом топора стол был расколот пополам, и все, что обитало на его поверхности, просыпалось и протекло вниз, образовав одну большую помойку.

Славик, тяжело дыша, встал напротив Семенова:

— Ты чего, сосед? Ты чего?

Семенов разбил топором стеклянную полку с какой-то жалкой посудой. После этого взрыва стало так тихо, что можно было услышать ток крови по телу.

— Еще раз я или соседи получим счет за телефон, который нам не понравится, и я все-таки сделаю тебе культяпку. Теперь на кухню, — приказал Семенов.

Там он с одного взгляда оценил неполадку и, поправив сочленения канализационной трубы, устранил течь.

— Придунок, ты не мог этого сам сделать? Месяц уже заливаешь.

— Ну, сосед, с..., ходи, оглядывайся, — ответил пришедший в себя Славик. Он понял, что убивать не будут. Не сегодня.

— Что? — грозно спросил Семенов.

Но на Славика чары уже почти не действовали.

— Того... я сказал... отвечаю. Жене привет. Я ведь еще и к участковому могу сходить, зафиксировать повреждения.

— Повреждения? Славик, а какие повреждения? Ты заливал меня, я поднялся к тебе, ты не открывал, мы с соседями забеспокоились, не случилось ли чего. Взломали дверь, а ты и действительно не в порядке, симптомы белой горячки, упал на стол, руку вон чуть не сломал, — кивнул Семенов на коридор.

Славик невольно покосился в ту сторону и тут же получил резкий удар обухом топора по предплечью, от чего сел на пол и заскулил, не сдерживая слезы.

— Каждый раз, когда будешь вспоминать мою семью, — прошипел Семенов, — будет больно. Не надо.

К работе было трудно вернуться сразу, и они вновь курили, глядя на кирху. Молчали. Антон все пытался уложить происшествие в характеристику Учителя, до этого числившегося там веселым, спокойным и добрым. Раньше он видел Семенова только в привычной среде, университетский уклад жизни и намек не давал на скоротечные конфликты. Все поступающие на вход проблемы там можно было взвесить и обсудить как следует. Ничего необычного от личной жизни физика Антон не ожидал. И, собственно, и не увидел поначалу. Но вот эта стычка. Хотелось о ней поговорить, хотелось превратить ее в урок, извлечь пользу.

— Это не опасно? — начал он неловко.

— Что не опасно?

— Вот так с соседом? Вам же еще с ним каждый день встречаться.

— А что, так хорошо было слышно?

Антон кивнул.

— Ах, ну да, двери-то были открыты. Нет, не опасно. Страшнее, что Славик заснет как-нибудь с сигаретой. Ничем хорошим не обернется ситуация, когда какой-нибудь гад живет рядом и видит, что его терпят, боятся. Он, как клещ, напивается мелким страхом и ленью окружающих. Обывателю он противен, с ним неохота связываться, каждый находит причины, нет, даже причинки, чтобы не совать нос: ой, у меня грыжа, у меня дети и тому подобное. А что дети? Разве не лучше, чтобы ребенок видел отца разящим неприятеля, а не отступающим ежедневно под напором хамства и жлобства? Условно: как еще показать на деле, что добро побеждает зло? Да нагляднее всего — вытащить это зло из норы и выровнять ему рожу.

— А если зло гораздо сильнее, например, численный перевес?
 — В техническом плане весь мой опыт показывает: бояться не сильных, бояться, как сейчас говорят, замороженных. Тех, кто не думает о последствиях и не жалеет себя и тем более других. И мне пока удастся исполнять при случае эту роль.

Сверху послышалось ворочанье сломанной двери, и топтание на площадке. Однако спускаться невидимый сосед не спешил, зашел обратно в квартиру.

— Пойдем, Антон, выпьем кофе да дело закончим. Славик, слышишь, не решается за «лекарством» сбегать. А ему нужно запить эмоцию.

* * *

В городе стало тихо оттого, что хлопья снега летали, словно пухлые воробьи, и наполняли каждый пустующий закоулок, делая утро более светлым, чем вчерашнее. Опаздывающий Антон с волнением занырнул в эту рыхлую глубину. Путь преградила пара: пожилая дама придерживала под руку свою дряхлую маму. Шли они медленно, каждая ставила пятку к пятке, отчего за ними образовывался след, напоминающий оттиск шин грузовика. Антон, пропуская их, оценил молчаливую пока еще пробку за перекрестком и решил добираться на собеседование под землей.

Северный GSM начинался в длинном, как диплодок, здании старой международной АТС. Порядки царили здесь министерские. Нужно было в бюро пропусков добыть себе картонку, сдаваемую затем на выходе. Она давала право на марафон сквозь коридоры и холлы, ведущие в крыло, где спряталась лаборатория пионеров российской сотовой связи. Путешествие это неизменно сопровождалось запахом жаренной на масле капусты, являвшимся, похоже, основой местного казенного духа.

Антон принял сидящий в кабинете-аквариуме большой начальник — технический директор, за креслом которого висели поверх медвежьей шкуры две сабли непонятного происхождения. Шрам под глазом этого большого начальника как бы намекал на то, что медведя завалил лично он сам в свободное от работы время.

— С чем к нам пожаловали? — вместо приветствия спросил он соискателя.

— Я... мне Семенов Андрей Валерьевич дал адрес. Он не звонил вам?

— Звонил, звонил, — ответил большой начальник и уставился на Антона, словно ожидая ответа.

Антон замер, не понимая, чего от него хотят. Иные авторы пишут, «молчание длилось минуту». Но вот представьте: вы встретились с кем-нибудь для беседы, только заговорили и вдруг на целых шестьдесят секунд замолчали оба. Мне кажется, здесь начинается туманное поле того, что нервные творческие люди зовут словом «сюр». Но как бы то ни было, действительно прошло порядка минуты, и большой начальник задал свой второй вопрос:

— Формула решения квадратного уравнения?

— Что? А, это... $икс \text{ один-два} \text{ равняется} \text{ минус бэ квадрат плюс-минус корень квадратный из бэ квадрат минус четыре а цэ, деленное на два а!}$ — выпалил скороговоркой Антон.

— Очень может быть. Не помню, — сказал большой начальник, — ну а синус тридцати градусов?

Антон ответил. Синус начальнику вроде бы тоже понравился.

— Ну что же. Начнем тогда потихоньку на неполный рабочий день. У нас пятидневка. Приходи после учебы завтра, — закончил собеседование большой начальник.

Антону хватило самого короткого знакомства с инженерами Северного GSM, с серверными, с оборудованием, с технологиями, чтобы понять: он попал в струю, нашел свое дело, оказался в нужное время в нужном месте, или как там еще говорят. Интерес

и перспективы были просто термоядерные. Парой штрихов обозначим обстановку, в которой он, еще являясь студентом-первокурсником, стал превращаться в специалиста. Имаго — так называется взрослая стадия развития насекомых, бабочек в том числе.

У оператора уже были свои абоненты, которые платили немало условных единиц и за телефонные аппараты, и за каждую секунду связи. Поэтому все серьезные реконфигурации, связанные с перерывами трафика, производились в часы наименьшей нагрузки, которые для большинства здоровых людей случаются по ночам. В такое время инженеры, эксплуатирующие сеть, стекаются поближе к своим железкам и подключаются к ним кабелями, становясь на какое-то время физически единым целым.

Тот факт, что днем Антон учится, коллеги сочли очень удобным, совершенно официально и без пререканий с совестью его можно было брать подсобным на ночные работы. В первый раз ему поручили на огромном коммутаторе промаркировать все патч-корды (порядка ста штук). Поскольку время высокой культуры монтажа кабелей еще не пришло, поиск начала и конца каждого патч-корда был настоящим испытанием. Любая манипуляция в клубах проводов грозила потерей связи для целого района города.

Антон, не зная подвоха, явился, как и на собеседование, в брюках и пиджаке. Феликс, старший напарник его, лишь сочувственно улыбнулся, увидев такого денди. Они прошли в помещение дежурной смены, где алтарем служили огромные мониторы на стене. В эту ночь там бодрствовали трое инженеров, они весело поприветствовали Феликса и с удивлением смотрели на Антона, который своим костюмом явно не вписывался в обстановку. Феликс представил его и усадил, смущенного и робеющего, за свободный стол с чьим-то компьютером.

— Посиди здесь, пока я подготовлю все. Держи, начинай изучать документацию по ядру сети. Пригодится, — и протянул толстенную папку распечатанных на принтере листов учебного курса Nokia. На английском, конечно же, языке.

За окнами темно, в коридорах, если выйти, темно, пустынно и страшно. Страшно смеются непонятным шуткам бывалые парни за мониторами. Папка тяжеленная, что там, можно понять только очень отдаленно, только те места, где картинки. Да и в них ничего не понятно, стрелочки какие-то, облачка, диаграммы. А еще скоро идти в серверную, коммутаторы трогать. «Куда я попал?» — с ужасом думал Антон.

Затем вернулся Феликс, предложил для начала выпить кофе. Они прошли к уголку с чайником, выбрали из чашек с логотипами разных фирм те, что почище, и, засыпав в них молотый кофе с сахаром, прямо так, сверху залили кипятком.

Стало теплее. Почти жарко.

— Сними пиджак и надевай куртку, продует, — сказал Феликс, и они пошли в серверную.

Если кто не видел, серверная крупной компании — это большое охлаждаемое помещение, наполненное оборудованием. Собственно, «охлаждение» здесь ключевое слово. Оно определяет все ощущения вошедшего: стоит непрерывный гул кондиционеров и самого оборудования, со всех сторон овеивает: в горячем коридоре теплом, в холодном, соответственно, холодом, со всех сторон мигают индикаторы, говорящие о том, как себя сейчас чувствуют все эти коммутаторы, маршрутизаторы, сервера, источники бесперебойного питания и так далее. Оглушает в целом.

Два часа с лишним возились они с маркировкой вокруг большого коммутатора Cisco. Феликс периодически выходил, проверить в дежурной смене сервисы, работающие через этот ящик.

Когда закончили маркировку и перетыкание, переукладку кабелей, опять налили себе брутального кофе и сели смотреть графики систем мониторинга по трафику.

— Вот видишь этот вертикальный провал вниз? Это мы перекидывали патч-корды. Видишь — восстановился? Ага, теперь посидим понаблюдаем, что все идет, как обычно. Смотри вот сюда, налево, это вчерашний день. Сравнивай с ним.

Антон смотрел, и глаза его горели все ярче. Одному мальчику из тысячи доверяют поиграть с такой большой интересной игрушкой. Хотелось выучить все правила, хотелось стать лучшим в этой игре. Хотелось крутиться вокруг этого фонаря в сумасшедшем танце, наскакивать на него, теряя пыльцу с крыльев, и опять, и опять кружить. Льется золотой оттуда, сверху. О, этот манящий ласковый свет!

VIII

В один из последних зимних дней, не календарных, а по факту многочисленных проталин и всеобщего улучшения настроения, сокурсники уломали Антона на поход в рок-клуб, популярный на тот момент. Вынесенный разного рода административными и политическими течениями за пределы центра города клуб осел в цокольном этаже бывшего студенческого мини-ДК панельного типа. Сверху находились какие-то уцелевшие молодежные организации.

Поверхности на подступах к заведению были смачно удобрены всевозможными афишами и наклейками, призывавшими на мероприятия. Чем ближе к зданию, тем все чаще можно было встретить среди прохожих неформальных элементов, которых выдавали ботинки на высокой шнуровке, лысые или же волосатые головы, банданы и шарфы, а еще значки с улыбающимися рожицами с подбитым глазом, приколотые на затасканные джинсовые и кожаные куртки. Кожаные куртки, как правило, были на один-два размера больше субтильных меломанов.

Вообще, Антон не считал себя сильно отставшим от музыкальных течений. И «Nirvana», и «Опух», не говоря уже об «Алисе» и «Кино», достигали Зорь, практически не затухая. Поэтому он ни разу не поймал насмешку, как, например, это было на потоке с парнем из Ярославля, который на вопрос о группе, которую уважает, перечислил в один ряд «Public Enemy», «Metallica» и «Chicago Bulls», ориентируясь, видимо, на прочитанные им надписи в электричке. Однако Антон, который и сам любил клетчатую рубашку с кедами, по приезде был немало удивлен обильному проявлению музыкальных пристрастий в одежде старшеклассников и некоторых первокурсников. А также глупой напряженности в отношениях разных кланов: культ широких штанов рэперов входил в резкое столкновение со взглядами красно-черных алисоманов относительно внешнего вида и звуков в наушниках; панки почему-то были как один агрессивны и страхолюдны. К студенческому возрасту, спасибо, эти перекосы практически сходили на нет. Но по временам питерские одноклассники любили вспомнить свои школьные приключения.

Попробовать на вкус эту сторону культурной столицы Антон и собирался в рок-клубе, который соответственно размещению назывался «Подвал». Перед входом уже за час до начала собралась изрядная очередь, пришедшая в легкое возбуждение, когда наконец стали запускать внутрь. В зале витал кислотабачный запах вчерашнего концерта, а может, и нескольких предыдущих. За грубо сколоченной стойкой мужик отпускал всем без разбора бутылки с пивом «Бавария».

В стороне от бара прохаживались два рослых охранника, а на сцене валялись инструменты. Музыканты, сгустившиеся вдруг из толпы, вмиг оживили их. Публика, словно металлические стружки в магнитном поле, резко переориентировалась в сторону доносившейся музыки. Играла известная только питерцам команда — «Little Jane». Композиция за композицией вколачивала в массы речитатив, смешанный с гитарными рифмами. От застенчивости они лишь мимоходом касались в текстах отношений полов.

Затем он, не найдя университетских приятелей, вышел на улицу покурить, подышать свежим воздухом.

Тут же у входа стояла в тугих темно-синих джинсах коротко стриженная брюнетка и потягивала мартини прямо из бутылки. На вид она была одним-двумя годами старше Антона — не пропасть, но говорило об опыте. Под тонкой замшевой курточкой источником тепла служил светло-голубой свитер с высоким горлом. Ярко-красная улыбка маняще горела в спустившихся сумерках. И да, на девушке были длинные серьги, видимо крутые, поскольку прежде Антон просто не замечал на женщинах украшений. С бутылкой вермута девушка казалась здесь светской львицей, которую случайно занесло в трущобы, — так контрастно она смотрелась на фоне панельных домов, грязных газонов и разбросанных в форме созвездий окурков.

— Потанцуем? — спросила она.

Антон, как это показывают в фильмах, даже оглянулся, чтобы убедиться, что обращались к нему. Из клуба гитары несли свою пьяную околесицу, и ударные вступали с ними в спор.

— Да вроде музыка не для танцев.

— Ничего. Джей сказал, что в программе баллады.

— Джей? — чтобы выиграть время, спросил Антон.

— Чувак с микрофоном.

— А-а, получается, я видел джея Джея.

— Ну и как, подмигнул он тебе глазиком?

— Что? — не понял Антон.

— Пойдем, — сказала девушка и взяла его за руку.

Ничего не оставалось, как поддаться этому натиску.

Действительно, со сцены раздалась блюзом замирающего сердца другая музыка, басы упали в инфразвук.

Прошли внутрь.

«Давай, лама!» — запел Джей. Басил бас. «Давай сам!» — тянул Джей. Ошпарил удар в гонг, пришли в зал и сплелись в тень, топчась. Когда соло вплелось к ним, Антон стал говорить:

— Я — Антон, как тебя зовут?

— Ольга.

— Где учишься?

— Послушай, обязательно разговаривать?

И опять бас, и опять Джей.

Талия девушки была самым совершенным изгибом, встреченным до сих пор — сродни гитарам, впервые воспевающим свободу Гранады. Прическа отвергала симметрию, но внимания к аккуратному ровному носу, белым до нежной синевы в сумраке клуба зубам, бровям, над которыми была проведена известная работа, не отнимала. Два тугих холма, как две колесницы, натягивая свитер, вырывались за отвороты расстегнутой куртки. С осторожностью сапера, но с азартом рискованного игрока Антон старался двигаться так, чтобы касаться их в каждом такте. В какой-то момент он увидел, что Ольга эту его игру поняла, что яркий ее рот приоткрыт и что она тяжело дышит. В последнем куплете наметилось крещендо, и молодые люди тоже прогрессировали в своем танце: не в силах больше держаться, Антон впился в алые губы и взорвался внутри, почувствовав, что ему отвечают и что ответ этот — самый правильный из возможных.

На финальных аккордах, за миг до того, как они разъединились, он с беззаботной иронией уже думал: «Как на школьной дискотеке».

Не считая бутылки мартини, Ольга в клубе была одна. После танца она сказала, что все лучшие песни уже сыграны, и выжидающе смотрела, каким будет следующий ход Антона. Ребята, с которыми он пришел, издалека увидели это его знакомство и жестами показали, что отпускают и для чего конкретно отпускают.

— Я живу в квартире с двумя бабулями, хочешь познакомлю? — спросил он.

— Пресыщен однообразием жизни?

— Что? — Антону стало казаться, что его неумолимо обыгрывают.

— Я живу одна, хочешь посмотреть?

— Не боишься?

— Жить одна?

— Меня.

— Зачем? Я же вижу, что ты духом смелый и прямой.

Антон с трудом погасил в себе очередное «что».

— Поехали.

Еще не привыкший к езде на частниках, он только дивился тому, как ловко Ольга с ними торговалась. В прокуренной «ладе» с газетами вместо ковриков ехали молча, ближе к концу поездки Ольга стала давать указания водителю насчет поворотов.

Антон какое-то время тяготило, разгадает ли она его целомудрие, да и дойдет ли до этого дело, в любом случае ему непременно хотелось казаться ей парнем бывалым. Не успел он мысленно пробежаться по списочку: презерватив, целостность носков, свежесть белья, как в лифте Ольга сама на него накинута с поцелуем, продлившимся все пять этажей под легкое покачивание у плеча левой продолговатой серьги, в то время как правая мирно покоилась на щеке девушки. А уже дома, не дав ему опомниться, Ольга протащила его, не включая свет, до комнаты, где толкнула на огромную кровать, томившуюся под толстым монолитом матраса. Поцелуи продолжились, перешли в ласки, перешли в череду маленьких открытий сокровенностей одного человека другим, перешли в нарастающий восторг, в движения, в спорт, погоню, выстрел...

Долго молчали, затем Ольга спросила:

— Нравится здесь?

— Что? Да.

— Останешься?

— Что? Да, я бы хотел.

— Только у меня джезвы нет. И кофе тоже.

— Что?

— Ты чего такой штокалка?

— В смысле?

— О, уже прогресс!

— Что?

— А, нет, показалось, — закинув голову, засмеялась Ольга, словно он отпустил добрую шутку.

Антон, смутился, растерялся и, окончательно сдавшись, спросил, где можно покурить, после чего отправился на поиски балкона.

Квартира, дорогую металлическую дверь в которую всего полчаса тому назад Ольга открыла длинным цилиндрическим ключом, была большой и содержала в себе холл, спальню, гостиную и большую кухню. Антону было непривычно видеть в городском жилище комнаты, имеющие каждая свое назначение. Те немногие отдельные квартиры (не говоря уже о коммуналках), которые он успел посетить в Питере, обычно были сильно ограничены во всем: если то был центр, кухня могла содержать в себе душевую кабину или возведенную наспех картонную ванную комнату, в панельках, зачастую могильного типа, комнатки бывали сразу и спальней, и кабинетом, и гостиной

для нескольких человек. Люди терлись в них ежедневно боками, ударялись головами, клали свои вещи на чужое место, а потом не могли найти, заваливали тряпьем, беспрерывно были отвлечены друг другом, ругались. Быт пожирал их. Низкие потолки их давили, опускаясь каждый день все ниже. Антону казалось, что так жить он бы не смог. И он каждый день был рад толстым стенам своего питерского жилья, высокие потолки которого наполняли его свободой. Свободой в пределах одной комнаты.

Квартира Ольги была в сталинском доме и была заметно переделана хозяином под свой вкус, под потребности новых дней и в соответствии с новейшими практиками. В первую очередь поражал ремонт, который был далеко не кустарным, не самодельным, в него были вложены значительные производственные силы и талант проектировщика-оформителя, дизайнера, вроде так их называют. Материалы, ровность стен, стыки швов, наличники и карнизы, манера поклейки обоев, фальшпотолок — это впечатляло в первую очередь, а когда Антон по привычке и совершил вояж из конца в конец, то отметил великолепную планировку, всю продуманность и функциональность которой он, конечно же, не будучи искушенным, не мог оценить, но пропорции, квадратность, просторность переходов из помещения в помещение ему очень понравились. Как он узнал позже, квартиру купили и обставили неплохо живущие на сырьевом Севере родители Ольги сперва для ее сестры, в то время учившейся в питерском вузе, а теперь, получается, и для младшей дочери.

В субботнем утреннем свете квартира казалась еще чудеснее: солнце играло на каждой зеркальной поверхности, плясало на светлых обоях, пощипывало каждую полочку. На необычно гладком белье — «наверное, шелковое», — подумал Антон — ему казалось: он не лежит, а парит, не чувствуя тела. А рядом была Ольга со светлой бархатной кожей и блестящим внимательным взглядом. За ночь она порастеряла изрядную долю своей иронии, а Антон, наоборот, почувствовал себя более уверенно. Они проснулись и опять долго не разговаривали и начали говорить, когда отдышались после нескольких сотен упругих движений.

— Откуда у тебя этот шрамик? — спросил Антон, путешествуя пальцами по нежным поверхностям.

— Такта тебе не занимать, — улыбнулась Ольга, — так, занесло на дискотеку в поселении Своросово.

— Своросово?

— Где-то в Псковской области.

— Я родом оттуда, это рядом с моим поселком, — улыбнулся Антон. — Давно это было?

— В октябре, перед праздниками. Я там проездом была, меня с поезда ссадили за неуживчивость с грязью. Надо было утреннего дожждаться, а гостиниц в Своросове не обнаружилось, коротала время на дискотеке. А во втором часу ночи разбила сердце одному ублюдку новому русскому, он все хотел танцевать со мной. Главное, пинкер-тон местный как-то сразу потух, когда у него в голове после моего описания возникла картинка с обидчиком. Ты не поверишь, он мне денег предлагал, чтобы я заявление забрала. Я пока с ним общалась, мне показалось, что служба для него — это бизнес.

— Зная Своросово, не удивляюсь. А я из Зорь, это километрах в десяти будет. Стоп, а ты и в больнице ведь, наверно, лежала там? Должны же были швы наложить.

— Не то чтобы лежала, перекалывалась пару дней.

— Хех, а я в ноябрьские там был. Мир реально тесен.

— В больнице? Что делал?

— Друга навещал. С аппендицитом, — легко соврал Антон. Он только сейчас понял, что Катю не вспоминал уже несколько дней.

- Расцветали яблони и груши? — улыбнулась Ольга.
- Что?
- Так ты деревенский, значит?
- Получается, так. Но без коров, курятников и всего такого.
- А по повадкам на реднека не похож.
- Что? Это я начитанный очень, — на всякий случай пошутил Антон.
- А я девочка с севера. Видишь, на Бьорк похожа. Оленей, правда, папа не держит.
- Что?
- Слушай, пока ты окончательно не заштокал, можно я отправлю тебя за пирожками? А кофе попьем растворимый.

Хотели весь день проболтаться по предвесеннему городу, но ожившие с вонью собачьи кляксы в первом же сквере отвратили от этой идеи. Поэтому поехали на электричке в Гатчину, погулять в запущенном царском парке.

Парк был влажный, но без пара: скопища водных птиц, шалеющих от предстоящей весны; каждое дерево стоит в протаявшем колечке; редкие посетители, увидев друг друга издали, стараются разойтись по законам невидимых стрелок, чтобы не встретиться. Движение воды не стало еще бурным, поэтому не хочется выходить в серую грязь городских дорог. Молодые люди, только что нашедшие друг друга, готовы бродить по этому парку вечно. И уже скоро «квакуши, как шарики ртути, голосами сцепятся в шар, и станут ветками прутья и молочною выдумкой пар».

На обратном пути в электричке Ольга склонила голову на плечо Антона и проспала так до самого Ленинского Проспекта. Оттуда до Московского они доехали в полупустом автобусе. В этот раз (не забыв предупредить о своем отсутствии бабушек в квартире) Антон снова остался у Ольги. Было уже далеко за полночь, им, нагулявшимся за городом, видеть бы уже сто первый сон, но они лежали в темноте и разговаривали не в силах остановиться. Они уже обменялись историями о своем детстве, школе и доме и теперь просто перечисляли друг другу кучу разных вещей, которые нравились и не нравились, которые они считали значимыми — система маячков и ориентиров, по которой можно попасть в сердце напротив.

— Ты замечала, что если идти к Невскому по Малой Конюшенной, то вдруг понимаешь, что из-за угла на тебя одним глазом смотрит Казанский собор. Смотрит, никуда не убегает. Проходишь еще сто шагов, и вот он открывается весь: колонны и зеленый купол, золото в треугольнике и крест ребром.

— Я все что угодно могла бы простить, а вот подлости не терплю — ничего не могу с собой поделать. Чужая подлость — это то, чем я никак не могу управлять, это самая неприятная неожиданность, которая может случиться.

— Не хочу после института стать как все — страдать с девяти до шести на работе, а потом идти страдать домой. Хочется найти дело, заниматься им постоянно: и в конторе, и дома, и везде, но в своем собственном режиме.

— Тебе нравится Толстой?

— Нет.

— А тебе?

— Мне нравится Бунин.

— Мне тоже, а еще Олеша.

— Люблю литературу за сюжет или за красивый слог. Но никак не за философию, типа «что хотел сказать автор». Если хочешь почитать мысли, открой «Капитал» Маркса и найдешь там на первых двадцати страницах мыслей больше, чем во всем «Войне и мире».

— Я предпочитаю тогда фейнмановские лекции. У нас, кстати, в универе крутой физик — Семенов. Знаешь, такой subtilный мужик в рубашечке, в брюках с подтяж-

ками. Предмет дает — оборжешься, при этом все понятно, все по полочкам. Я когда познакомился с ним поближе, увидел, что, несмотря на конституцию, он любого дебила может одним ударом сразить. Я часто у него в лаборатории зависаю.

— Интересно было бы посмотреть, — вздохнула в темноте Ольга, — а можешь перечислить все, что ты любишь? — И по ее закрытым глазам было видно, что просит она колыбельной.

После секундного молчания, глядя на сереющий во мгле потолок и сквозь него, сквозь перекрытия и крышу, сквозь дымчатое небо Питера, достигая взглядом звездных пределов, Антон начал перечислять вагончики образов, подталкивающие по-детски друг друга вперед.

— Маму люблю, папу, люблю книжки, люблю ловить карасей на старом пруду, люблю многие старые фильмы, люблю физику, люблю биологию, наверное, оттого, что люблю смотреть в микроскоп, люблю загорать во дворе в Зорях и есть жареный горячий арахис, люблю с толкача заводить мопед, люблю, как спорят с радиоточкой мои бабульки-соседки, люблю курить лунной ночью на крыльце, текилу не пил, но тоже люблю, потому что люблю Мексику, а с ней вместе люблю Кубу и Чили, люблю стрелять по консервным банкам, люблю кожаные пиджаки, люблю писать карандашом и люблю блокноты, люблю березовый сок и люблю собирать разноцветные сыроежки, люблю готовить на костре, люблю подраться, когда прав, люблю выходить на балкон, люблю с собакой гулять по лесу, люблю весной смотреть на лужи, люблю выгнать из дома ручейника, люблю, как железом пахнет в цехах... Я так долго могу перечислять. Ты спишь? Спишь... А теперь я люблю тебя.

IX

Чернело утро. Он тихо открыл калитку, потянув ее за оледеневшую деревянную шею, и выскочил на дорогу, ведущую к станции. Поежился, потер руки, слазил в карман ковбойской курточки за пачкой «Русского стиля» — всплеск шика на последние деньги, — и голодного его повело после первых же двух затяжек. Ну и что, так легче, поскальзываясь белыми кроссовками, семенить по февральской колее, украшенной вмерзшим конским навозом. Все хорошо, но прямо сегодня надо бы обзавестись перчатками. Ходить в городе в рукавицах, как делал здесь по-деревенски, он не собирался. Да много чего нужно переделать. Найти тему. И сделать.

Все это бодрило. Этот новый уклад жизни, новый найденный ее ритм, ему безоговорочно нравился: смотаться в Питер, проверить дело, отскочить сюда, в место, про которое никто, по сути, не знает, и отсиживаться. Потом снова в Питер. А здесь-то неплохо: компашка кое-какая есть, баба, туповатая, но податливая, крыша и стол не за дорого. Чего еще мужику надо? Главное — здесь не нагадить.

В билетной кассе работала Тоня, бледная девушка с коралловыми бусами. Билета на электричку он никогда не покупал, но подошел к окошку, чтобы впервые за день перекинуться парой слов с живым человеком. Это согревает, что ли.

— Привет. Паровозы по графику?

— Без изменений.

Тут он заметил у девушки тонкий вертикальный шрамик на мочке уха. Он хорошо и на практике знал, отчего такие бывают у женщин. Словно льдинка, отколовшаяся по весне от берега и начавшая ход, в нем проснулась светлая жалость, показалось вдруг, что лепесток у нарцисса надорвал кто-то. Он сместился чуть в сторону и посмотрел на другое ушко, но оно было ровным, нетронутым.

— Свитером зацепилась? — спросил раздраженно.

- Простите, что?
- Дура! — и пошагал на платформу.

Там стоял коренастый парень в кожаной черной куртке, какую можно купить на любом вещевом рынке.

— Здорово. Закурить есть? — спросил он, несмотря на свои полпачки «Русского стиля».

- Не курю, — буркнул парень, явно не настроенный общаться.
- Ты — Серега?

Тот промолчал.

— Батю твоего я в Тупике видел. Он не служил в спецназе? Реально кабан.

Молчание.

- Куда едешь?
- На работу.
- Где работаешь?
- На кладбище.
- Ха, ну ты даешь! О, смотри, наш паровоз.

В вагоне электропечи напряженно трудились, сжигая человеческий выдох. Пара свободных мест была только возле компании похожих на галок парней.

Все они ехали в город, наглый громкий разговор их притягивал робкие и одновременно возмущенные взгляды остальных пассажиров.

- Короче, мы тут в последний раз в электричке едем. Тачку сегодня покупаем.
- Тема вообще конкретно идет, расширяемся.
- Мы, как МММ, сейчас филиалы открывать будем. Нам барыги нужны нормальные. Вы как насчет этого?

— Не, у меня дела в Питере. А вот ему может быть интересно. Он в Звездах и в городе тусуется. Только братва у него холодная какая-то, ха-ха.

- В смысле?
- На кладбище работает.

Дружный гогот.

— Кладбище — это тоже тема. Есть спрос. Слышь, мы бы подружились с твоим начальством.

Их новый знакомец неопределенно кивнул.

Изжога и калории от съеденного на пересадке чебурека закончились задолго до того, как поезд ткнулся в ноги Варшавского вокзала. Над городом качалась желтая от фонарей вечерняя темнота. Он прогулялся к Балтам. Не заходя внутрь, погрелся у входа жирным дыханием метрополитена, оценивая по-хозяйски суету на площади: аллейка торгашества, серая склизкая суета людей, немного в стороне голуби клюют снежно-застывшие крошки. Два школьника толкаются у ларьков с явным намерением купить какую-нибудь чепуху вроде дешевого плеера. Белые кроссовки энергично промелькали в их сторону.

- Так, карандаши, вы на чужой поляне. Вход платный.
- Что? — испуганно переспросили дети.
- Давай таньгу.
- А?
- Щас тут лежать останетесь!

Монеток и аккуратно сложенных бумажек хватило на вязаные перчатки и шаверму. И бутылку «Балтики-9». Поэтому ехать решил на маршрутке, платы за которую было не избежать, зато можно было сесть у окошка — выпить и закусить в тепле. А еще хватало доехать до тетки. И это с учетом того, что и школьникам он оставил на простенькие наушники.

Маршрутка довезла до Глупого Феди, с которым долго курили, прикуривая одну от другой, и терли тему. А тема оказалась следующей: нужно было завтра же проехать по адресу одного коммерса, занимающегося алкоголем, упаковать его и припарковать в одной дальней и печальной хрущобе. Выкуп виделся более чем вероятным. По сути, чувак сам себя выкупать будет. Был один леденящий момент в этом. Старшие товарищи запросто могли попросить кончить коммерса. Риск. Зато как сытно будет потом тусоваться в Зорях, в ожидании лета и поездки на родные юга.

Выходя из Фединого подъезда, увидел сидящего на корточках забулдыгу. Тот покуривал, не вынимая сигарету изо рта, и чуть покачивался с прикрытыми глазами. Искус был неодолим. С ноги по касательной в голову — и забулдыга лежит на газоне.

Уже подходя к дому тетки, вдруг подумал: «Не замерз бы он там, ханурик».

* * *

Он уехал. Уехал, и стало пусто. Оказывается, он и составлял ее жизнь все это время. И стало нечего делать. Ведь он был основанием для того, чтобы бывать на попойках в Тупике, чтобы заниматься гигиеной, внешним видом, чтобы бросаться в черный сон, желая скорейшего наступления завтра. Впору возвращаться на клубное крыльцо. (Она даже попробовала, но там было так зябко и скользко, и так глупо смотрелись ее одинокие следы к ступеням, что позорно пришлось бежать домой.) А в доме все было пронизано волнами злости. Вся мебель, все острые углы сплотились в отряды и, ведомые Анной Валерьевной, как Урфином Джюсом, напали на Катю. Мать стала замечать отчаянное безделье дочери, и это раздражало ее неимоверно. Она как чумную гоняла Катю по мелким поручениям: за хлебом, на почту за квитанциями, за чаем на кухню, узнать время именно по настенным часам в спальне, посмотреть на термометр, принести то, подать это — ни минуты без пререканий. Катя все это делала на автомате, плохо, постоянно пребывая в раздумьях о чем-то или ни о чем. И Анна Валерьевна просто взрывалась. В дом словно бы запустили одновременно гадюк и рассерженных ос.

И все понимали, что это внезапное и, по сути, беспричинное ожесточение и взаимная ненависть долго продолжаться не могут, как бы мелко ни надеялся прячущийся по закоулкам Иван Оброков. Оно должно было прорваться и вылиться во что-то. Что-то вызревало в Кате. Это было видно по учащающимся приступам стоической отрешенности в самые жаркие часы пребывания в доме. Может быть, вызревало для взрыва...

Х

Вообще, весной все много проще. Когда прозрачно, когда капель. Когда растопыливаешь и снова сжимаешь от солнца глаза. И когда голубей, срывающихся с крыш, становится мгновенно в два раза больше из-за того, что за ними их тени по стенам сыплются, как маслины. Уже во мгле не надо ползти на ощупь. Уже здесь царствует апрель... Тпру-у-у! Разогнались, залетные. Апрель еще не с нами, но уже близко, уже скоро ударит мокрой лазурью по облупленной штукатурке, отразится в миллионах окон, чиркнет гусиным клином по краю города...

Работа закрутила Антона, закрутила любовь. В прозрачно-ветковом вальсе весны ему казалось, он пробудет всегда. Утром он летел в институт, после обеда в Северный GSM, а вечером снова к Ольге. В университете он умно расставил приоритеты и хорошо тянул предметы из первой тройки, более вяло остальные и вообще никак

культурологию, которую, виделось, сдаст по-любому. С одноклассниками он общался только в часы занятий, на пьянки перестал отводить время, не потеряв при этом репутации клевого парня. Семенов отпустил его в GSM без ревности, лишь в перекурах между парами небрежно справлялся: «Ну что там отечественный телеком? Похож на правду?» — «Крепнет», — отвечал ему Антон.

И все у него в этот период получалось ловко, он словно летел. С бабульками на квартире договорился, что появляться теперь будет случайным образом, а продукты станет покупать на целую неделю, из коммуны не выходя. И те его отпустили.

В один из дней Феликс сообщил, что на конец июня запланировано обучение на курсах Nokia в Мюнхене и Антон должен там быть. Это было сродни полету на Венеру. Анна Андреевна, узнав об этом, тут же бросилась звонить по международной своей однокласснице Ленке, более всего желая поделиться эйфорией и сбывшейся надеждой, нежели уточнить практические подробности немецкого быта для сына. Иван Алексеевич сделал вид такой, как будто иначе и быть не могло. А что такого? Просто его сын едет по делам в Германию.

Ольга сказала: «Класс!», взяла у Антона телефон трэвэл-агентства (новой сущности на территории РФ) и, мгновенно подстроившись под естественный ход вещей, договорилась, что за долю малую визу сделают также и ей. Неожиданно для Антона поездка на курсы стала превращаться еще и в романтическое путешествие. Жизнь налаживалась!

— В ОВиРе эта с... и говорит мне... ха, теперь удобно, теперь прорвемся. Давай планировать! Давай определимся, что будем делать в Мюнхене. Ты вот почему туда едешь? — спрашивала его Ольга.

— Посылают учиться, почему же еще!

— Учиться ты можешь и здесь. Придумай что-нибудь поинтереснее.

— С тобой развлечься? — осторожно переспросил он.

— Я имею в виду, как еще ты факт своего нахождения в Мюнхене оправдаешь?

— Ну, сувениры куплю, товары какие-то немецкие, пива выпью... — пробухтел Антон, который действительно немало надеялся выпить с Феликсом и с начальником отдела, и как-то стеснялся грядущего присутствия Ольги, и робел оттого, что не мог подобрать способа непринужденно ввести ее в командированный коллектив.

— Уже лучше.

— Ну а ты?

— Я? Я еду, потому что хочу сделать немецкую стрижку и позаниматься с тобой любовью в отеле. Можно было бы и здесь номер снять, но это не то. А еще, может, пойму, чем Бавария от остальной Германии отличается.

«Еще не лучше», — испугался Антон, представляя, как Феликс прильнет ухом к стене, вслушиваясь в неведомый ритмичный звук, и как от важных дел оторвется начальник отдела и выйдет в коридор, пытаясь понять, откуда исходит вибрация.

Ольга же так ловко протащила его через паспортный стол, трэвэл-агентство и консульство, что когда он на выходе стоял с глуповатой улыбкой и визой в свеженьком загранпаспорте, то усомнился, кто же все-таки из них работает в Северном GSM и что вообще является основанием для вояжа.

А она, как и эти весенние брызги, как солнечный ветер, как влажные запахи и оттенки полупрозрачной, полуголубой зелени, ворвалась, пронеслась и заполнила наконец каждый закуток линейных его будней. Что уж там. Она разделила с ним дом. Днем она была Олюшкой, намеком, нежным росточком, песней с родной стороны, когда пробивалась телефонным звонком в только что выданный сотовый; вечером она была хозяйкой, личной княгиней, доступной и неприступной Ольгой; утром она бы-

ла «Альгазавр идет на завтрак!», когда на шум воды и посуды она шла в кухню в бессчетный раз попробовать нескладный омлет. О-о-о! Муж и жена! Муж и жена! Почти как муж и жена.

А раз как-то договорились они встретиться у Семенова. Антон должен был первым прийти, подготовить учителя. А вышло иначе. Его задержали на лабораторной, а Ольга чуть раньше пришла и как-то с ходу попала в каморку физика — а всего-то раз слышала описание.

Семенов, впуская Антона, восторженно (чего за ним не водилось), но тихо проговорил: — Поспевай, Антон. Просто старайся поспеть за этой девушкой!

Ольга сидела на столе возле оргалитовой доски и попивала прямо из аккуратной бутылки прежде недосыгаемое «Miller», которого принесла сюда целую упаковку.

— Ну, а мы здесь о смысле жизни, — уже обычным своим тоном сказал Семенов и передал Антону бутылку, которую предварительно ловко открыл зажигалкой. — Пока что сошлись на том, что жизнь — это движение. А разошлись в том, что с одной стороны движение — это следствие жизни, а с другой — цель и причина. Ну мое мнение ты знаешь: мы живем, чтобы двигать вперед наше скорбное общество...

— А я за то, что есть судьба, и мы следуем ей. А уж насколько усердно — это от нервной деятельности, от нервной системы, индивида зависит. У меня вот шило в заднице, и я не могу сидеть на месте, мне каждый час нужна смена обстановки. А ненаглядный Антоша может все выходные протухать на балконе с книжкой и сигаретами, — развила мысль Ольга.

— Ну, если погода хорошая... — начал было Антон.

— Погода здесь ни при чем! — хором сказали Семенов и Ольга и рассмеялись тут же от неожиданности. Семенов продолжил первым:

— Но, Оля, неужели вам интересна пустопорожняя смена впечатлений? Ну, как знаете, некоторые сейчас взяли себе за моду мечтать о бесконечных путешествиях в старости.

— Ну, а что такого? Мир прекрасен, людям нравится шупать его за пухлое разнообразие. Ведь из простого любопытства и даже из невольных скитаний и метаний вышло немало хороших вещей.

— Это да. Но представьте теперь, что вы хоть какой-то зачаток системы подведете под это. Ведь озарений, открытий и прочих полезных плодов такой деятельности станет в разы больше! — воскликнул Семенов.

— Ну, это все к вопросу: а кому это надо? Давайте сойдемся на народной мудрости, что под лежащий камень вода не течет, и на том успокоимся и сменим тему. Согласны? — сказала Ольга.

— Антон, с тебя направление беседы на следующие полкоробки, — согласился Семенов.

— Хорошо. Но сперва мое мнение о предмете вашего спора. Вам не кажется, что у жизни есть некоторый волшебный темп? Банальность — но события происходят друг за другом и во взаимосвязи. Цепляясь одно за другое, они создают основную тему бытия, которая, я верю, задана свыше. Так вот какой смысл выскакивать из этого ритма? Разбивать гармонию. Трепыхаться, как мотылек в паутине. Не лучше ли искать унисон и ловить кайф?

— Интересная мысль. Обдумаю.

Посмеялись. Помолчали. Антон с физиком закурили. Ольга оставила их, выяснив предварительно, где уборная. Когда девушка вернулась, Антон обратился к Семенову:

— Кстати, о путешествиях. Что скажете вы о Мюнхене?

— А при чем здесь... Ах да, ты же в деловую поездку собрался... Надеюсь, сессию закроешь без проблем...

- А я постараюсь поездку сделать менее деловой и сухой, что ли, — вставила Ольга. Физик выразительно посмотрел на Антона: «Поспевай!» И продолжил:
- Я о Мюнхене знаю только в плане общей интеллигентской эрудиции: столица Баварии, пивные традиции, Ленин, «Искра», погибшие олимпийцы Израиля...
- О, ну это мы и так слышали, — сказала Ольга, — а что бы вы стали там делать?
- Я старенький уже — трудно меня удивить. Я бы, наверное, постарался снять апартаменты подальше от офиса, ездил бы на метро и трамвае, ходил бы за едой в магазин, в общем, попробовал бы немцем прикинуться.
- С трамваем не отгадали. Я собираюсь арендовать в аэропорту машину и поколесить по автобанам, там, говорят, нет ограничений скорости, — заявила Ольга и отпила изрядный глоток.
- У тебя есть права?! — ахнул Антон.
- Это был первый пункт, которым я занялась после школы.
- Какие же еще пункты у вас есть? А если серьезно, Оля, чем вы занимаетесь? Где учиться?
- Вначале руководство нашей семьи, то есть папа, направило меня в юриспруденцию. Но я поучилась там полгода, посмотрела на контингент и поняла, что на горизонте нескольких лет окажусь в компании туповатых никчемностей. Это я о коллегах. О клиентах даже и думать не хотелось. После чего убила папеньку тем, что ушла в информационные технологии. Парни там страшенькие, но есть о чем поговорить.
- Оля еще немного рассказала о себе, затем они обсуждали политику, искусство, нововведения в обществе, историю, науку... И Семенову с ними, студентами, ни разу не стало скучно. Он вспомнил босяцкую гитару в стройотряде; пожалел, что жены его сейчас с ними нет; подумал, с каким же раздувшимся сердцем он любит ее; оценил, как молодые люди дополняют друг друга; в частности, понял, что побудило Антона найти работу. На минуту ему показалось даже, что все будет хорошо. И так бы они сидели в лаборатории и сидели, да пиво кончилось. На прощание физик сказал:
- Оля, в любое время ждем в нашей каморке. Мы тоже страшенькие, и с нами есть о чем поговорить и тем более выпить.

XI

На отложенные с начальных получек деньги Антон при участии и художественном руководстве Ольги в Гостином дворе купил маме в подарок шарф венского происхождения, расцвеченный с намеком на Густава Климта. А перед самым отъездом в аристократического вида и вместе с тем вместительный рюкзак, с которым Ольга прошлым летом путешествовала по Крыму, была бережно упакована также бутылка вермута.

— Поехали вместе? — скорее ради приличия попросил Антон, еще неготовый представить Ольге своих скромных родителей.

— Нет и нет. Не знаю, как тебя, но меня половая жизнь так закрутила, что два курсовика повисли.

Поезд — деловая машина — вновь вез его в Зори. Вагон качал, звенел стакан, мелькал в окне до самой тьмы нескончаемый серый куст. Антон вспоминал свои прежние приезды к родителям. Вот первый. В Питере листва уже облетела и воздух хлестал холодный, как кусок металла. В Зорях же, расположенных несколько к югу, была лохматая рыжая осень. Мокрая пахла листва, перемешанная с кое-где еще зелеными сединами трав, ходил по канаве аист, которому полагалось бы уже улететь, издали в саду можно было увидеть два-три забытых на ветках яблока, таящих под парафиновой крепкой кожей хрустящие облака, покрывающиеся мнимой карамелью сразу же после надкуса.

Удовлетворив маму по части обеда и удовлетворив интерес отца по части изучаемых предметов, Антон поспешил к розовому дому на бывшей улице Жданова. Однако не дойдя даже до своей калитки, был проинформирован Тamarой Георгиевной, которая рыхлила страшной лопатой по-осеннему мертвую грядку, расстеленную вдоль общего их забора:

— А подружка твоя приболела, в больничке лежит. Навести-тко, не то позабудет.

Серый в рубчик пол, пожарные краны, бьющаяся в конвульсиях люминесцентная лампа и наглая, как жирная моль, уборщица. Летящее вслед: «...часы посещений...» Второй этаж, коридор, дверь в палату. Катя. Фланель под одеялом. Китайский тетрис рядом с тарелкой.

— Ты ждала?

— Нет.

— Было больно?

— Не трогай!

— Извини. Я соскучился.

Молчание.

— Что тебе принести? Ты знаешь, ничего, кроме мандаринов в авоське, в голову не приходит, — пробная улыбка.

— Мне ничего не надо.

— Подожди, Катя. Почему ты так?

— Ты Писсарро знаешь?

— Что? В смысле импрессиониста? Так, немного. Мне Моне и Дега больше нравятся. Стога там, танцовщицы...

— Вот и вали!

— Почему?! Куда?

— К танцовщицам!

Стучит, стучит, несет вперед железный зверь с фонтаном искр. Пора курить. В прокуренной свежести меж вагонов Антон вспомнил и следующий свой визит в Зори.

Смешно. Они ехали, получается, в одной электричке. Только Серега в головном вагоне — ему было плевать на моторы. И вот кто-то в сумерках идет впереди враскоряку, мелькают светлые джинсы, не давая пропасть во мраке елок. Светлые джинсы, черная куртка, а дело при этом идет к декабрю: трава по обочинам впала в распятие — скована льдом.

— Се-е-рый!

— О! Привет, студент.

— С работы?

— Ага.

— А где отец?

— Отец че-то прибухнул на этой неделе. Из Тупика не вылезит с дебилом этим Кошмариком.

— Как сам-то?

— Копаю, как крот. Земля встала, костер жечь приходится или лампу паяльную... Мне иногда кажется, что я котлован под небоскреб копаю. Ну или могилу персонально себе, самую глубокую в мире, специально для Книги Гиннеса...

— Мда-а...

— Я сейчас вот какую тему думаю. Подобью бабла и пойду на права учиться...

— Купить же можно? — перебил Антон.

— Не-е. Мне на фуру. Там уметь надо. Я хочу дальнобоем заделаться и свалить отсюда. Хоть ненадолго...

— Вообще, дело, конечно. Слушай, я здесь на пару дней. Может, отдохнем культурно? У тебя или у меня. Я Катю еще позову.

— Культурно? Ну давай, только завтра вечером. А Катю ты не зови.

— Почему? — удивился Антон.

— Не знаю уже, что там между вами было и есть, вы какие-то странные оба. Но она тебя сейчас ничем не порадует.

— В смысле?

— Ну она другого сейчас радует. Околачивается тут в Тупике, у тетки Зары живет.

— Катя?

— Хахаль ее! Да и Катя тоже. Ты только горячку не пори — человек приклатненный. Вздвесь все. Хотя ты знаешь, я всегда помогу.

«Не вышло... не вышло... отчего же не вышло?» — с такими мыслями и зудящей от перепоя головой Антон тогда ехал обратно в Питер.

А за окном все лес да лес. Печаль поездки не унять...

А потом новогодний приезд. Сугробы, как в детстве, добрый пес, колеи по всем дорогам. Лыжные вылазки, после которых заряжался в желтом свете на кухне книгой и черным хлебом со сливочным маслом и чесноком под крепкий сладкий чай, подкидывал в печку поленья, выдыхал все еще тайком от родителей на крыльце в морозный воздух табак, перемешанный с паром. И кропал рифмы в общей тетрадке до самой ночи.

По погоде начало января выдалось черно-сине-золотым. В этом новом году замерзло особенно много пьяных — Серега возвращался на последней электричке, падал в сон и уезжал на первой. Не до праздников.

К Кате Антон и не пробовал подступиться, даже сторонился ее улицы и, прежде чем зайти в магазин, заглядывал в окна. С родителями же общались, словно никуда и не уезжал он от них за последние полгода: «Антоша, убрать твои летние ботинки?», «пойдем-ка, брат, на рыбалку», «будешь в библиотеке (представляете, это заведение все еще работало!), возьми и мне почитать что-нибудь»...

А в последний день, когда скрипел по снегу на обочине к станции, его нагнала Катя.

— Привет!

— Здравствуй, Катя.

— Ты куда спрятался?

— Я на виду...

— Пройдемся?

— Мне на электричку надо...

— Да ладно тебе, поедешь на следующей.

— Я на поезд тогда не успею.

— Что ты ломаешься?

— Катя, иди, куда шла.

— Я к тебе шла. Соскучилась.

Мимо сухо просвистела телега с полозьями, полная ночного пухлого снега. Маленький мальчик позади возницы в этом снегу пытался, разводя ноги и руки, то ли бабочку, то ли ангела сделать.

— А я нет.

— А что такое? Кто-то тебя расстроил?

— Ага, совсем немного...

— А давай я к тебе в Питер приеду?

— Не уверен, что это нужно.

— А ты хоть в чем-нибудь бываешь уверен, Антоша? — спросила Катя и порывисто и влажно поцеловала его в губы. Затем повернулась и ушла аккуратными шажоч-

ками, прекрасно сознавая, как гуляют при этом под натянутой новой дубленкой ее бедра. И с месяц еще от этой качки мутило Антона каждый раз перед сном...

И вот теперь. Вокзал. Перрон. Практически не пришлось ждать электричку. Она без лишних мыслей домчала в Зори. А там знакомые запахи прощального весеннего дыма, робкое опущение первой редкой прозелени, сереющей в этом вечере, сумерки которого мешаются с дымом. Что-то, что светло и по-доброму щемит грудь в родных краях человеку...

Шарф мама надела сразу же (в ней не было привычки отложить нарядную вещь на потом, до лучшей жизни, до приезда королевы Елизаветы, а в итоге и до похорон). И взгляд ее при этом следовало трактовать так: «Вот эта изысканная и несомненно дорогая вещь подтверждает, что мой сын стал мужчиной, теперь я стала вдвое сильнее, опираясь на мужа и сына. Все будет хорошо, нас ждет долгая счастливая жизнь».

В своей комнате Антон обнаружил, кроме наведенного там порядка, всего лишь одну перемену. Его прежняя узенькая кровать, на которой он не раз отправлялся по следам Стальной Крысы в космос, на которой поднимался он в балтийское небо над блокадным Ленинградом, которая доставляла его в лазурный подводный экстаз Кусто... — в общем, эта копилка и расточительница грез была теперь заменена на добротный двухспальный инструмент. Намек, объяснившийся и смутивший вскоре: Иван Алексеевич звонил бабушкам на квартиру, трубку сняла, конечно же, Нина Александровна и тут же рассказала, где, и с кем, и как долго пропадает Антон. «Очень боевая девушка!» — дважды повторила она. Пришлось заочно знакомить родителей с Ольгой и быть пожуренным за то, что приехал один.

В качестве вечерней застольной истории Иван Алексеевич рассказал следующее. Антону, Сереге, Билли и всей шайке-лейке растет достойная смена. Кто-то из школьников написал представителям французской общины, что в Зорях проживает последний из рода, потомок участника славных походов 1812 года, скромный интеллигент Ебуа, хранящий традицию французского народного промысла. А именно — изготовления складных ножей со штопором.

Каково же было удивление местного депутата, когда у него дома появились трое не по-здешнему загорелых людей, один из которых даже не говорил по-русски. Оказывается, письмо школьников взбудоражило околوفرцузское общество. Нашелся активист, выбивший из представительства в Питере деньги на поездку в Зори для написания статьи о затерявшемся в веках и России дворянине.

В Зорях никто из властителей не решился развеивать недоразумение.

Наоборот, было открыто и протоплено переходящее обратно к церкви здание клуба, с глухим хлопком расстелено на столы президиума красное сукно, припилены к стенам российские триколоры. Самого Ебуа якобы для участия за копейку в массовке и даже последующем возможном банкете притащили причесанного, в специально выделенном заношенном костюме депутата ровно к началу мероприятия. Его сопровождал неизменный Кошмарик, вызвавшийся быть переводчиком. Лексикон Ебуа действительно с годами стал требовать от слушателей известной сноровки. Кошмарик же немало удивил организаторов неизвестно откуда взявшейся фразой: «All of my life where have you been?» Это было практически все, что мог он произнести по-английски. Зато совершенно по-заграничному, без акцента.

Еще в халупе Ебуа, переодевая того к мероприятию, депутат выдал в вибрирующие огромные руки ножи-складишки со штопорами, собранные по десятку буфетов местных жителей.

И заседание началось. Принимающая сторона выступила первой, приветствуя стереотипно гостей и освещая теплеющие русско-французские отношения. Затем в том же ключе выступили приезжие. Наконец слово взял француз. Он долго представлялся, перечислял регалии и опыт работы, затем рассказал, что по всей России выискива-

ет очаги французской культуры, возвращает таланты и даже! организует европейские поездки. И вот теперь он рад обнаружить здесь, в глубинке, не просто сочувствующего и фаната, но, можно сказать, гражданина и брата по крови. Так, спустя час после начала встречи взоры ведущих, а за ними и скромно недоумевающей публики обратились к Ебуа, который от длинных речей уже прикемарил.

— Слышь, Ваню, тебе слово, — толкнул его в бок Кошмарик.

— А? Что?

— Ну скажи что-нибудь.

— Что сказать?

— Скажите для начала про дружбу народов, — по-отечески предложил глава администрации.

И Ебуа сказал:

— Солнышко встает у нас на востоке, а валят его на западе. Ты че, падла, алчешь, чтобы карачун был смотрящим?

— Но-но, полегче. Давайте без этой зауми. Расскажите лучше о себе, — пробовал сгладить впечатление глава администрации.

— Да что сказать-то?

— Да хоть что, я переведу, — уверенно заявил Кошмарик.

— Переведи, что я часы люблю с заводом, а с похмела люблю рассол.

Кошмарик замялся, француз благосклонно ждал перевода всех этих тирад, а депутат обнял вдруг ладонью голову. Выручить в очередной раз попытался гостеприимный глава администрации:

— Так, ну я вижу, что красивых речей достаточно. Давайте перейдем к основной части. Товарищи приехали посмотреть на плоды вашего ремесла. Покажите, пожалуйста.

— Чего? — не понял Ебуа.

— Ножи, покажи им ножи, — прошептал Кошмарик.

Ебуа все это стало напрягать. На банкет с такими сухарями рассчитывать явно не приходилось. И тогда он достал огромных размеров кухарь, который взял с собой вместо всех этих штопорных безделушек, потому что со времен молодости в клубы ни с чем другим прийти не привык. Достал, покрутил в руках и в атмосфере ускорившегося французского метаболизма с размаха («Н-н-а!») воткнул в алый стол.

— Ка-а-шш-марики, — проговорил Кошмарик.

— Это все ложь и провокация! — проорал Ебуа и сбежал со сцены.

— Иван Георгиевич, куда вы? Вернитесь! — позвал глава администрации.

— Да не люблю я эти ерики-морики!

— Они французы, — поправил Кошмарик, догоняя приятеля.

— Да какая разница, — ответил Ебуа.

«Думаю, что все вышло бы глаже, заяви он, что любит пряный капучино, когда размоchen в нем сухарь», — усмехнулся в конце рассказа Иван Алексеевич.

«Не глаже, а гаже», — поправила его жена.

Антону же при всей нелепости история показалась смешной, он вспоминал ее все выходные, кашляя при этом двумя-тремя смешками. Так посмеивался он и в день отъезда, топая к станции. Ему было радостно и хорошо. Он представлял, как это зеленое развигие весны привезет в Питер, как накроет им Ольгу и весь город. Посмеивался, пока на подступах к платформе не увидел стерегущий силуэт Кати...

ХII—ХIII

Ванна была древняя. Чугунная. Таковую не всякий сдвинет. Она как саркофаг — можно забраться в нее навсегда. Снаружи черная, а внутри — сепия.

Такая же, но с расцарапанной эмалью стояла в саду. Раз, летом, в нее были посажены караси. Воды оставалось пятнадцать сантиметров, и скоро она вся заилилась, и рыбы скрылись в пахнущей жиже, в которую осень сбросила падаль из яблоневых листьев. Угрюмой колючей зимой ванна промерзла до дна, превратилась в сугроб и простояла так до весны, ничем не отличаясь от мертвого пейзажа. Если бы кто-то следил за этими метаморфозами, то обнаружил бы, что весной, когда солнце разогрело жирные бока ванны, на дне ее вновь появилась жижа, освеженная отчасти талым снегом. Но никто не интересовался ванной до самого лета. А потом ее слили, чтобы приспособить для полива теплиц, и когда сливали, увидели шевелящиеся склизким золотом профили. Караси были настолько примитивны или настолько идеальны, что победили лед, чтобы продолжать жить. Отчего люди так не умеют?!

Вот и эта ванна стоит тут, как та, из сада, словно нездешний кусок материи. Она сопротивлялась, когда ее сюда тащили, это видно по толстым бороздам на линолеуме. Она, возможно, визжала. Теперь стоит здесь, а сверху ее прикрывают шторы из обычного толстого полиэтилена. Они почти сливаются с молочным паром, клубящимся над водой, с парами водки...

XIV

Аристов внешне был человек приличный, но не то чтобы приятный, даже вовсе неприятный — всплывет его образ в памяти, и словно скарификатором укололи — из тех, кому палец в рот не клади, однако по первому впечатлению было видно, что он не нахамит и не мелочен, что мужчина он серьезный и лучше его уважать. У него были соломенного цвета тонкие волосы, которые кудрявились на концах, как свежая стружка, и которые он сам все старался распрямить; заостренное личико со скобками складок при улыбке; атласный румянец щек и взгляд, от которого прятались, потому что он сек глаза, как снежная крошка на ветренном перекрестке; если в двух словах, то выглядел он как злой Буратино со спиленным носом.

В школе Аристов еще не подозревал, что захочет стать великим, однако уже тогда определил для себя все преимущества кабинетной работы. В нем твердо обосновалось понимание того, что все решения принимаются людьми, скрытыми стенами зданий, в комнатах, охраняемых хрустом замка. Людьми, имеющими власть над другими людьми. Поэтому, несмотря на вялые сомнения родителей, он начал свой разбег в правоохранительных органах — в Высшем политическом училище МВД, после которого, недолго пробыв стажером, стал следователем прокуратуры, а затем и старшим следователем. До окончательного прыжка вверх ему оставалось теперь пару раз толкнуть — сразу же вслед за днем тридцатилетия личной жизни он метил оказаться в прокурорской шкуре.

Сослуживцы Аристова мечтали о его повышении и переводе, лишь бы не работать вместе: бывшие наравне обращались к нему на «вы» и завершали разговоры в курилке при его появлении, руководство же смотрело настороженно и боялось при нем оступить. Ходили слухи, что он вынудил начальника смежного отдела выйти на пенсию, подловив на нарушении, о котором все знали, но которое лишь немногие бы сочли превышением полномочий; при этом не постеснялся прийти на прощальный банкет.

А теперь весенним угасающим днем к Аристову привели Антона. После того как приземистый сопровождавший скрылся, молодому человеку пришлось постоять у двери, озираясь по сторонам пару минут, которые Аристов, листая документы из бежевой папки, обозначил ему пальцами. Кабинет недавно выпустил своего прежнего постояльца на пенсию и пережил легкую реновацию; он был просторен и был обшит, как

у большого начальника, светлыми деревянными панелями, за некоторыми из них скрывались полки с документами. Жалюзи были прикрыты, чтобы разлучить солнце с чуть выпуклой поверхностью монитора; на столе был абсолютный порядок. Кабинет был чист и свеж. Свеж был и его обитатель, уже почувствовавший веющие легким сквозняком перемены. Уже почувствовавший новое дело.

— Антон Иванович? Здравствуйте-здоровствуйте. Заждался я вас. Честно говоря, уж и не чаял свидеться — такие уж остолопы в милиции. Ну, вы видели! — продекламировал он, кивая в сторону двери. — Проходите, пожалуйста, садитесь. Да вы не стесняйтесь, не робейте — вот это вот ваше абсолютно законное место, плюхайтесь же скорее.

— Спасибо, — промямлил Антон, садясь на побитый и шаткий деревянный стул — единственный инородный элемент в интерьере.

— Я — Дмитрий Аркадьевич Аристов — старший следователь местной прокуратуры. Если честно, чувствую себя очень неловко из-за того, что заставил вас ехать в такую даль по вопросу, в сущности, пустяковому, но знаете, бюрократия у нас цветет буйным цветом: на каждый случай есть инструкция, по каждому вопросу нужно заполнить бумажку. Вот и сами маемся, и граждане страдают. Но ничего, думаю, мы с вами быстро закончим: вопросов у меня к вам немного, не рассчитываю, к сожалению, на то, что ваши показания мне сильно помогут, вы, похоже, человек, далекий от дела.

— Показания? — настороженно спросил Антон, еще непривычный к такому обращению.

Аристов сделал удивленный полукивок в сторону посетителя, но тут же спохватился:

— Ах да, понимаю. Но это всего лишь наша профессиональная терминология. «Показания», «опрос», «допрос» и прочие там «следствия-улики» — здесь это звучит по сто раз на дню. Хотя, признаю, может коробить слух рядовых граждан. Не пугайтесь, это всего лишь наши канцеляризмы. Но должен вам сразу сказать, вы здесь сейчас в почетной роли свидетеля по делу. Ваш долг перед законом ответить на все мои вопросы, — пояснил он с теплой улыбкой и, шутейно погрозив пальцем, добавил: — Иначе накажем.

— А что за дело? — все еще с опаской спросил Антон.

— В сущности, пустяки, как я уже говорил, я даже уверен, что все закончится благополучно. Работаем по заявлению о пропаже от граждан вашего родного поселка.

— А что пропало?

— Антон Иванович, а вы заметили, что я вот не задал еще ни одного вопроса? А между тем это моя работа. Хотелось бы ее поскорее закончить и домой пойти — сегодня футбол. Вы как, не болеете? Может быть, за «Зенит»? Нет? Ну ладно, давайте приступим. Я вот сюда на бумажку буду ответы заносить, вы потом подпишите, да и разойдемся счастливые. Так-с, что там у нас? Ага, ФИО — это я и сам знаю, Вот! Давайте-ка для начала вы коротко мне о себе расскажете: кто папа, кто мама, ну и по нарастающей, начиная со старшей школы.

— Отец — инженер на редукторном заводе, кажется, всю жизнь. Мать там же бухгалтер. В прошлом году я окончил школу и поступил в механический институт. Оттуда меня к вам и привезли, — начал Антон.

— Отлично. А как у вас были дела в школе? Хорошо учились?

— Четыре-пять, на олимпиады ездил, — не без гордости признался Антон.

— Похвально. А как класс? Дружный был?

— Обычный, дружный.

— Доводилось драться в школе?

— Как у всех. Пару раз было.

— Они вас или вы их? — с одобрением знатока спросил Аристов и сложил скородником губы.

— Я обычно.

— Ну и как, получали удовольствие?

— Не знаю. Наверное. А почему вы спрашиваете? — уточнил Антон.

— Да так, я сам был драчун. Много друзей у вас было в школе?

— Было несколько.

— Девушки?

— Что девушки? — смутился Антон и отчего-то посмотрел на часы слева от себя: «Ох, всего пять минут прошло».

— Девушки в друзьях у вас были?

— Была... гм... были

— А теперь, стало быть, нет?

— Ну, я переехал же и давно никого не видел.

— Вы знаете, Антон Иванович, а я ведь еще в школе со своей женой познакомился. В первом классе, так и живем с тех пор душа в душу. Первая любовь — и сразу на всю жизнь. Такое редко случается. На всякий случай назовите имена ваших школьных друзей.

— Ну, например, Сергей Чужилин, Илья Лук, Денис Черепанов, Екатерина Оброкова.

— Так всего одна девушка?

— Да, — ответил допрашиваемый, уже жалея, что упомянул ее имя.

— Проживает в Зорях?

— Да.

— Скучает по вам?

— Бросила меня, — буркнул Антон, чтобы поскорее закончить эту ветку вопросов.

Аристов энергично встал и прошелся от стены до стены позади своего стола, затем снова сел.

— Давно с ней виделись? — продолжил он.

— В воскресенье, когда уезжал от родителей, — ответил Антон, у него самого назрел вопрос, который он, однако, не успел задать, потому что Аристов сменил, вдруг тему.

— Ну а Тамару Георгиевну Сычеву когда в последний раз видели?

— Из амбулатории?

— Ее самую.

— Да тогда же, когда и Катю — встретила по дороге.

— Так она вас вместе с Екатериной Ивановной повстречала?

— Да, мы какую-то часть пути... — начал было Антон, но вдруг осекся. — Откуда вы знаете Катину отчество?

— Так мы вас и пригласили потому, что она ваше имя среди прочих назвала, отвечая на такой же вопрос, как и вы, — рассмеялся Аристов, между тем пристально глядя на свидетеля.

— Тогда не говорите другим, что это я их назвал, — попросил простодушно Антон.

— Договорились, — сказал Аристов и почему-то нахмурился. Потом молчал с минуту. Потом какое-то время он еще задавал вопросы про других людей, про хронологию последнего возвращения из Зорь, про университетские будни Антона и про географию его перемещений, после чего спохватился:

— О! Да я так на футбол не успею. Подпишите, пожалуйста, протокол, мне его еще у руководителя нужно завизировать, — и протянул Антону бумаги, которые тот было начал читать, даже заметил несколько обширных пустых мест, но чего-то смутившись — потом уже понял, что постукивания по полу казенных ботинок следовате-

ля, — подписал там, где было указано. Затем Аристов выглянул в коридор, и в помещение вошел тот же неприятный кряжистый парень. Хозяин кабинета разрешил ему сесть в свое кресло.

Аристов приоткрыл жалюзи и вышел, и между молодыми людьми некоторое время происходила борьба взглядов, которую Антон из вежливости решил проиграть. Чтобы сгладить поражение, он попробовал завести разговор, но вышло как-то по-дурацки, поэтому еще несколько минут они сидели и мучительно молчали, разглядывая и сам оконный проем, и жизнь, которая за ним проходила: а там длинный сутулый мужик с грязными волосами едва отошел от прислоненного к стене велосипеда, как тот упал и пришлось возвращаться. Седло было настолько низким, что седок наверняка выглядел при езде комаром.

Вошел Аристов. Холодно произнес:

— Антон Иванович, не знаю, что в конце недели у руководства в голове, я пытался сказать, что мы совершаем чудовищную ошибку. Мне перед вами реально стыдно. Но мне приказано вас задержать по подозрению в убийстве.

— Что? — словно ухнул в яму Антон.

— Успокойтесь, я к утру все выясню, наверное, какая-то неверная информация мимо меня просочилась к начальнику. У него сейчас селектор, теперь уже завтра обсудим.

— Стойте-стойте, какое убийство, кого убили?! — затараторил возбужденно Антон, едва подавив в себе желание схватить следователя за лацканы и кричать ему в ухо.

— Антон Иванович, завтра мы вас отпустим. Ну заело нашу дурацкую машину правосудия. Починим. Завтра же я дам вам полную картину. Сейчас не могу — сам не все знаю. Завтра.

В обезьяннике никого, кроме Антона, заперто не было. Тускло светила желтая лампочка, и пахло грязной тряпкой. Когда прошла оторопь от первого в его жизни обыска, он встал и начал беспорядочно шагать по отведенному ему на эту ночь прямоугольнику. «Что же это происходит? — думал он. — Явь ли это?» Вот так, сидел еще днем на паре, корил себя за то, что учебная неделя почти догорела, а он так и не придумал, чем займется в выходные. Чем они с Ольгой займутся. Прогулки без цели по парку и городу, нескончаемые кафешки (благодаря GSM Антон теперь был при деньгах) ей, похоже, уже надоели. Надо бы придумать что-то свежее, но никаких озарений, кроме кино в голову не врвалось. Скорее бы лето и поездка в Мюнхен. Приятные хлопоты. Когда-то он к ним вернется? И, кстати, что сейчас делает Ольга? Звонит на квартиру бабулям? Может, тревожится: «где он? куда он пропал?» Господи! По подозрению в убийстве! Бред какой-то. Какое еще убийство? С другой стороны, это ведь и есть специальное заведение по грабёжам-убийствам. Занимались бы атомной физикой, наверное, протоны-нейтроны обсуждали бы. Да вот только Антон криминалом не занимается, по ошибке его сюда доставили. Голова кругом.

Есть же, наверное, способ прийти в нормальное состояние, разложить все, связать одно с другим, как на «вышке», найти эту ошибку, сказать следователю (как там его?), что не того взяли, ну ясно же, что его никак нельзя отнести к этому!

Так он метался еще некоторое время. Но после потрясения в кабинете на допросе, после двух поездок в милицейской машине (в прокуратуру и в изолятор), после всего, что он передумал за эти часы, Антон в какой-то момент понял, что сил волноваться уже почти не осталось, что ему становится холодно, что физиология потихоньку все вытесняет.

«С одним повезло — Аристов (вот фамилия!), хоть чем-то и отталкивает, дал понять, что стоит за правду. С начальником спорил! Да, точно, завтра утром они окончательно разберутся. Надо успокоиться, надо ждать завтра».

В итоге даже подумалось, как славно будет, когда придет в Зори (в этот раз обязательно с Ольгой), всю эту нелепую историю рассказать за чаем. Родители и Ольга выслушают, замерев на все продолжение рассказа, а затем набросятся на него с вопросами и упреками.

Так, уравновесившись, Антон заснул и спал крепко. Единственный раз просыпался, когда дежурный сотрудник крикнул его фамилию и дал подписать запоздалый протокол задержания. Или это только приснилось?

* * *

— В изоляторе были? Хорошо устроились? Ну, что поделаешь, казенный дом; лучшее, что имеем-с, — приветствовал его Аристов.

— Здравствуйте, — промямлил Антон, растерянно глядя на нового человека в кабинете. Тот спиной к окну сидел в торце стола, и лицо его оставалось в легкой серой замутности, не пробитой еще утренним светом. Тем не менее можно было рассмотреть, что он худ, широкоплеч и сутул, что жирные длинные волосы его на большой голове уложены набок, а выше неприлично протяженной пластины надгубья тонкий нос, как случайный деревянный обломок, разорвал полотно лица.

— Знакомьтесь. Иван Генрихович Брацлавский, ваш защитник. Так-то-с. Подумалось, что две головы — хорошо, а три — лучше. Да и по закону полагается. Сейчас во всем разберемся.

— Непременно. Я, как и Дмитрий Аркадьевич, тоже стою за истину, — пожимая вошедшему руку, произнес Брацлавский.

Картинка склеилась, адвокат оказался вчерашним нелепым велосипедистом. Антон сел на стул, который за ночь, казалось, расшатался еще больше.

— Вы, Антон Иванович, извините, что я протокол задержания так поздно прислал, я ведь тоже был немного сбит с толку, — сказал Аристов.

— Ничего, я думал, что приснилось, — приободрившись, сказал Антон. Ему теперь пригрезилось, что ничего не стоит, улыбнувшись, попрощаться и выйти, оставив обоих юристов договариваться и причесывать формальности.

— Ситуация немного осложнилась, мне доставлены первые результаты экспертизы. Ставни, было пустившие жгучий луч, режущий пыль, вдруг с шумом захлопнулись.

— Экспертиза? — выдавил из себя Антон.

— Так точно-с. Экспертиза вещей и крови потерпевшего, — пояснил следователь, — вам, возможно, придется еще на пару дней задержаться, пока все перепроверим.

— Что?! Но как? Это же смешно! Я даже не знаю, кого убили!

— Разве? Вы же подписывали... Вот вместе и разберемся кого, как и зачем. Вообще, относитесь к этому проще: ну шел по улице, открытый люк, легкий ушиб — полезать с недельку в лангете, почитать, подумать о смысле жизни. На правах хозяина, можно сразу же пару слов о регламенте? Еще не зная, как пойдет дело, не зная вашего характера, осмелюсь предположить, что нас ждет череда randevu здесь и, может быть, где-то на выезде. Я человек молодой, прогрессивный и совсем не формалист, поэтому давайте будем беседовать, ну, скажем, как попутчики в поезде, а уж документально потом оформим, когда общее мнение по основным моментам выработаем. Годится?

Защитник кивнул. А Антон неожиданно для самого себя смиренно буркнул: «Сработаемся». Хотя сказать собирался совсем другое, хотел наорать, вскрыть вместе с Аристовым и адвокатом ошибку, выслушать извинения и уйти. А так, получается, он принял игру этого аккуратного следователя и согласен здесь задержаться. А еще он заметил, что тот ведет себя так, словно Брацлавского и нет в помещении.

— Ну вот вы уже и шутите. Вот и славно, — холодно улыбнулся Аристов, отчего его тонкие губы сразу же были взяты в кавычки. — Расскажите-ка поточнее, что вы делали в прошлый приезд в Зори. И это, пожалуй, под запись.

— Четвертого марта — день рождения мамы, поэтому в пятницу я приехал ее поздравить, — начал Антон и рассказывал, направляемый вопросами следователя, в течение двадцати минут. За все время защитник не вмешался ни разу, не сделал ни одной пометки в своем блокноте, лишь немного покачивался, прикрыв тонкие, как у птицы, веки. Подозреваемый же увлекся рассказом, который ткал, и успокоился, уверенный, что от качества этого рассказа зависит исход встречи.

— Ну, а как вы устроились в Санкт-Петербурге? — спросил его Аристов.

— Снимаю комнату в коммуналке. Соседки — две бабули: обе — блокадницы, одна интеллигентка, другая — попроще. Спорят постоянно друг с другом.

— Так. А зачем мне знать, о их спорах? Это как-то связано с нашим делом?

— Нет. Я так просто. Забавные они. А что все таки за дело? Кого убили?

— Забавные... Давайте попробуем посерьезнее. Где тело Екатерины Ивановны?

— Что!? — переспросил Антон, вздрогнув.

— Я это вслух сказал? Прошу прощения, этот вопрос у меня со вчерашнего дня из головы не идет. С ног сбились: и участковый ваш, и опера из милиции. Да и сам я, признаюсь, потоптал родные вам земли. А мог бы футбол смотреть.

— Вы были в Зорях. Про меня там знают?

— О, вы там звезда. Только и разговоров. Смешно получается, там сейчас о вашем деле больше, чем вы, знают.

— Стоп! Вы Катю, то есть Екатерину Оброкову, имеете в виду? — воскликнул Антон и поперхнулся вдруг своим вздохом.

— Ну, а кого же? Тетю Феклу с длинной косой?

— Что с Катей?

— То, что вы мне расскажете, Антон Иванович. Пока все складывается для вас не самым приятным образом.

— Мне нечего сказать. Что с Катей? — повторил свой вопрос Антон.

— Не нужно давить на следствие, Антон Иванович. Впрочем, я вам сейчас все расскажу. В минувшее воскресенье вечером она вышла со двора в направлении вашего дома в Зорях, и больше ее никто не видел. Во вторник восьмого марта ее родители обратились с заявлением в милицию. День праздничный, но уже в четверг благодаря показаниям гражданки Сычевой и ловкости участкового в дровянике вашего дома была найдена окровавленная юбка пропавшей.

— Я бы хотел связаться с родителями, — потерянно сказал Антон.

— Они уже давно порог околачивают, откуда только прознали, что вы здесь? Папенька ваш вернулся уже, он, как только юбку нашли, взбодрился и отправился в Санкт-Петербург — не мог до вас дозвониться, бабули сказали, что вы с выходных на квартире только эпизодически появлялись. Взгляните на это моими глазами — разве не подозрительно? Где вы были?

Вот теперь до Антона дошло, кто перед ним, куда он попал, на какие попался уловки. Вот теперь он почувствовал страх, раньше — то были лишь тревожные протяжные раскаты далекого и безопасного грома. Страх, отдающий судорогой, проходящий волнами в жилах, мышцах, костях. Страх, от которого может затухнуть рефлекс дыхания. Страх от того, что он никак не управляет процессом, не знает, куда его несет, не знает механизма, его перемалывающего.

— Сегодня я больше ничего не скажу. Мне нужно поговорить с родителями, — упрямо повторил свою просьбу Антон.

Аристов на минуту задумался, затем согласился:

— Ну что ж, будем считать, первый обмен ударами состоялся. Пойду вам навстречу, но помните, ожидаю взаимности.

XV

Папа и мама пришли вместе. Первым делом всего его осмотрели — цел ли. Цел. Успокоились. Сели напротив. Отец, прежде всегда рассудительный и неколебимый, теперь выглядел уставшим и грустным, влажные глаза его горели и ходили из стороны в сторону, не останавливаясь на Антоне. По случаю визита к властям он надел давнишний свой двубортный пиджак, который и раньше-то ему не шел, а сейчас вдобавок, казалось, стал ему велик: одно плечо приподнялось, скрывая собою пустой пузырь. Зато мать в теплой кофте и синем платье выглядела хорошо и уверенно, как будто приехала на родительский день в пионерский лагерь. Она, не мигая, молча смотрела на сына.

— Мы с мамой очень мало знаем, Антон. Давно ты здесь? — начал Иван Алексеевич.

— Второй день. Они из института меня сюда забрали. Я сам не очень понял, что случилось, это какая-то ошибка. Вы не волнуйтесь только.

— Они говорят, что Катя, что Катю...

— Папа, я здесь ни при чем. Я не знаю, что случилось, они ошиблись, они зря меня сюда притащили, — воскликнул Антон.

— Мы знаем, что ты ни при чем, потому что мы знаем тебя. Но что это? Как нам тебя вытащить? Я говорил с этим Аристовым — очень неприятный человек — он будет давить до конца.

По этой неуверенности отца Антон понял, что впервые в жизни родители ничем не смогут ему помочь, что они так же растерянны, как и он. Теперь он не сможет расслабиться и ожидать привычно, пока сложности будут решены. Он перестал быть просто мальчишкой, попавшим в передрагу, теперь он взрослый, один на один со взрослой проблемой, с которой по-взрослому нужно работать. Нужно самому определить способ вызволения, составить список вопросов, найти тех, кто поможет на них ответить, то есть составить список контактов, восстановить в памяти все события последних нескольких дней. В конце концов, нужно разобраться, как работает эта машина.

— Папа, все просто. Меня обвиняют в убийстве Кати Оброковой, которую я, похоже, видел последним. Она ведь действительно пропала?

— Да. Анна Валерьевна к нам заходила, это я ей посоветовал написать заявление в милицию. А теперь она с нами и не здоровается, — ответил отец.

— Папа, это не я! Я ничего про это не знаю. Мы виделись с ней у платформы, когда я от вас уезжал. Катя была не в себе, она кричала, что беременна от меня. Но у нас никогда ничего не было, она просто сошла с ума, Анна Валерьевна ее доконала — ведь, нельзя человеку постоянно жить, как у волка в пасти! — заплакал Антон. — Может быть это Анна Валерьевна во всем виновата. А теперь сюда прилепили меня. Папа! Столько всего нужно сделать, ты понимаешь? Как мы справимся? Мы же простые люди!

Иван Алексеевич сидел молча, он был ошеломлен этим внезапным срывом сына, он пытался найти какое-то здравое объяснение всему, предложить план действий, показать, что ситуация житейская — эка невидаль. Но нужные слова не находились, словно кто-то украл их.

— А зачем Катя решила с тобой встретиться? — впервые подала голос Анна Андреевна. — Почему она с тобой так говорила?

— Я не знаю, мама. Мне кажется у нее дома не все в порядке. Она же не поступила, не знала куда податься. Наверняка Анна Валерьевна была недовольна. Они же там из-за спичечной головки ор начинают. А может, все и не так. Я не знаю, я с прошлого года Катю не видел до этого приезда.

— Было между вами что-нибудь? — спросила мать.

— Нет. Ничего серьезного. Мы прошлым летом гуляли, но ничего не вышло. Мама, я не хочу говорить об этом.

— Теперь обо всем придется говорить, сынок. Подумай сегодня и завтра хорошенько, вспомни все, что относится к Кате.

Задержав некоторое время взгляд на Антоне, она затем посмотрела на мужа. Иван Алексеевич сидел, уронив голову на руки. Со стороны могло показаться, что он просто задремал или задумался над шахматной задачей.

— Эй, да вы чего?! — воскликнула Анна Андреевна, не обращая внимания на драматизм, которым был пропитан воздух. — Никто (даже Аристов) ничего толком не знает. Катерина не найдена: ни живая, ни мертвая. Может быть она просто из дома сбежала, что давно бы и надо было сделать. Все, что есть из негативного, — это кровавая юбка, найденная у нас в дровах. Поймем, как она туда попала, поймем все дело. Нужно на это настроить следствие, а то оно как-то однобоко думает. Иван, нам нужно еще раз поговорить с Аристовым. И нужно найти хорошего адвоката. И деньги на него. Продадим часть дома, если потребуется...

— У меня уже есть адвокат, — прервал ее Антон, на которого слова матери действовали успокаивающе, — Брацлавский.

— Откуда? Назначили? Вот и отлично. Попробуем собрать про него отзывы. Мы первый раз имеем дело с уголовщиной, но ведь не все так плохо, мир не без честных людей. И про Аристова, Иван, ты ошибаешься. Он хоть и грозный, а дело свое знает — вон как быстро окрутил. Но у него на руках только те факты, что против нас. Нужно найти другие. Иван, ты пойдешь и еще раз поговоришь с ним, пусть он точно установит, на каком поезде Антон уехал (у тебя ведь не сохранился билет? С попутчиками не говорил?), это может сработать как алиби.

— Аня, разве не это работа следователя? — подняв наконец голову, спросил Иван Алексеевич.

Анна Андреевна не ответила. Антон же удивился трезвому ходу мысли матери, прежде не имевшей крупных поводов проявить это качество. А главное — она считает, что Аристов не враг, а честный труженик, просто использующий приемы и наработки, положенные его профессии. С ним можно работать. Это было бы хорошо. Хорошо все-таки, когда вокруг люди.

А уже дожидаясь сна в холодном углу изолятора, после того, как покрутил мысленно по несколько раз каждое известное ему обстоятельство дела, Антон вспомнил встречу с родителями и попытался уложить в свой опыт новое впечатление, произведенное отцом. Отец Антона всегда был разумный мужчина, в прошлом спортсмен-любитель. Во многом идеалист, поэтому преуспел не сильно. Полжизни прослужил инженером-конструктором на районном предприятии. Он был вежливый и, как все умные люди, сомневающийся. Те, кто понаглее, принимали его за рохлю и пытались эксплуатировать этот факт. Еще он уважал жену и с ее согласия считался главой семьи.

Сейчас Антон вспомнил историю из отцовского застойного детства. Учитель — веселый практик, знавший, как из корневища кувшинки сделать хлеб, — повел класс Ваньки Перевалова на стоящее под паром колхозное поле, чтобы познакомить с порядком проведения полевых исследований. Учебный материал был проработан успешно. Вдобавок ребята всласть набегались, надышались ароматом нагретых трав, наловили кузнечиков и прочей живности, а после съеденных на природе домашних припасов

так и вовсе замурчали, как стадо котов. Учитель их тоже разомлел, поэтому не сразу обнаружил нагрянувшую армаду черных туч. Еще не прорвало, но до укрытия нужно было бежать с километр по разъезженной сельхозмашинами дороге. Там, в темной синеве, уже были под атакой межа и березовая рощица.

Стали спешно собирать вещи.

Внезапно и здесь, на месте их недавнего пикника, воздух стал тугим, почти твердым. Казалось, его можно потрогать, казалось, кто-то тянет его, как веревку, и скоро она громко лопнет. Пространство вокруг стало наэлектризованным. Все почувствовали это кожей — каждый волосок ожил. Еще не успели у вскочившего класса расширяться до предела глаза и округлиться рты от осознания того, что сейчас произойдет, как учитель скомандовал: «Наклон! Ладони на колени!»

После этого он успел отбежать на добрые двадцать метров и вытянуть руку вверх. Взрыв. Ткань времени треснула. Вязкая доля озноба растеклась над всеми. Когда снова стали соображать, о землю били тугие капли. Ребята окружили учителя, и стало ясно, что он уже никогда не будет вести уроки. Не зная, что делать, оглушенные дети побежали под плетью дождя к ближайшей деревне.

«Вот у такой вот пропасти во ржи я побывал, брат», — заканчивал этот рассказ Иван Алексеевич.

Кроме этой истории, Антон еще вспомнил, что раньше, в союзное время, если было уместно, отец всегда вставал под гимн Родины, и так это у него получалось естественно, что никто и не думал посмотреть косо или допустить тени кривой усмешки. Как кристалл растет из маленькой части, так и гармония растекалась вокруг Ивана Алексеевича, помогая ему и близким. Но это в мирное время. Сейчас этот кристалл попал под пресс.

А как в сравнении с отцом уверенно чувствует себя мать! Она полагает, что все можно разрешить фактами и логикой. Она, как и Семенов, пробует судить обо всем стройно. Но она здесь не была столько, она не общалась столько с Аристовым. Она не понимала, что здесь большой кусок иррационального, того, что они и понять-то не смогут. Да хотя бы вот эта ночь, вот этот желтый сумрак и прямоугольник в изоляторе, где Антон почему-то один. А еще следователь, который в первую беседу говорил, что Катя сама называла его имя. Он, Аристов, ее ищет, а она, понимаешь ли, называла ему Антона. Это ведь зло какое-то. Капает тихо из трухлявого крана, и набралась уже целая лужа. Как можно верить этому Аристову? Или это только пришедший сон, только ночь и желтый сумрак, воняющий тряпкой?

XVI

Следственный изолятор, куда Антона перевели после короткого визита в районный суд, не показался страшным. Он точно не был таким страшным, как представлялось по фильмам, и точно не был таким оглушающим, как избранная замухрышкой без мантии мера пресечения. В камере дышалось относительно свободно в плане растворенного в воздухе кислорода, существовал дворик для прогулок, и прогулки эти исправно исполнялись. С Антоном сидели в основном мошенники — взрослые пузатые дядьки. Кто-то из них действительно начудил на статью, кто-то не захотел передавать свой бизнес или прибыль более достойным людям, но все они спокойно относились к положению, в которое попали, слова и разговоры их были полны оптимизма и новых планов.

«Нет тела — нет дела», — рассудили они после краткого ознакомления с историей Антона и забыли про это. Были благосклонны. И все, и проехали. Своего молодого

сокамерника они чаще не замечали, не находя, видимо, в нем ничего интересного: что нового мог им дать студент-первокурсник? Однако приглашали к общему столу, где он сидел тихим слушателем.

Так прошли две недели: Антон обжился, получил передачу от родителей, зачитался детективами про Филипа Марлоу. Телевизора вот только не было, в остальном — чистый санаторий.

Остыв от допросов Аристова, привыкнув к неуютности местных стен, он, как мог, отстраненно думал об исчезновении Кати. Например, что она сбежала и чувствует себя сейчас превосходно где-нибудь, ну хотя бы в квартире того мужика, про которого говорил Серега. Антона, когда он узнал о похождениях Кати, тронуло только то, что она своевольно, в одностороннем порядке и достаточно круто отрегулировала свои половые сношения. Обиды оттого, что попрали чувство, не было, как, быть может, и не было самого чувства. Узнав о Катиных похождениях, он уехал в Питер и пропал в лаборатории Семенова, с радостью выполняя любую оформительскую или счетную работу, заодно мучая себя учебой. Так все это и забылось. Казалось, встретить он Катю на улице, сделает вид, что не узнает ее. А в последнюю неожиданную их встречу обнаружилось, что она обабилась и едва на шалаву не стала похожа. Ведь ранее, в сущности (он знал это!), он поймал переходящий момент полупрозрачной русской хрупкости, после которого всякие черты ее навсегда потеряли для него выразительность. То, что это очарование мимолетно, как жизнь поденки, Антон и понял на станции при сумасшедшем их разговоре.

— Привет, любимый, куда же ты уезжаешь? А то заскочил бы?

Как же резко пошлостью и чужим запахом несло от этого «любимый»! Антон опешил.

— Слушайте, девушка скучает, а от него ни слуху ни духу, — продолжала она.

— Кать, ты что, выпила? Я же писал тебе, — отодвинулся от нее Антон. Катя вопила так громко, что он стал бояться привлечь внимание.

— Писал, писака. А мне, может, другое требуется.

— Катя, иди проспись, — выпалил смущенный Антон.

— Проспись?! А что от этого изменится? Идиот! Придурок! — заголосила Катя.

Антон решил молчать и не реагировать на ее выходки. Но какими же злобными стали ее глазки, как плохо выглядит она без косметики! Девушка не унималась:

— Ха, заделал ребенка и свалил в кусты!

— Что ты несешь? — воскликнул Антон, не сдержался.

— То! Приезжай еще через полгодика, будет тебе «андрюшка».

— Катя, ты бредишь, — зарычал Антон, увидев вдруг в конце перрона удаляющуюся Тамару Георгиевну, — у нас ничего не было. Повторяю, иди проспись.

Но Катя, каркая, как ворона, еще несколько минут продолжала ходить вокруг Антона, призывая его сойти с платформы и навсегда остаться в Зорях.

Теперь, вспоминая этот эпизод, он невольно ежился — вот ведь как человек может перемениться.

Да... А еще Катя могла впутаться в какую-нибудь историю. Случиться могло что угодно, но почему-то в тюрьму попал только Антон. Понять бы, откуда взялась эта юбка. Надо выбираться. Шансы должны быть. Шансы на нормальную жизнь. В сущности, пока все не так плохо: в Зорях все уже про него знают — новых потрясений не будет, родители держатся и ведут какую-никакую деятельность по его освобождению, и они же уже должны были проинформировать по его просьбе Ольгу. Антон даже написал ей и начал ждать от нее письма, представляя себя не то декабристом, не то Достоевским, страдающим за правду, что-то романтическое, в общем; до сессии еще

пара месяцев (интересно, нахождение здесь является уважительной причиной?); защитник у него есть, наверняка сейчас в контакте с мамой и папой; скоро Антон отсюда выберется, надо только посмелее себя вести у Аристова. Равновесие и порядок, хоть и тюремный, установились, дни снова пошли размеренным шагом. Попривык, пригрелся.

Как-то в послеобеденное время, когда так сладко пился под разговоры пузатых мошенников чай, вдруг выкрикнули его фамилию и сказали собирать вещи. Не понимая, что происходит, он попрощался на всякий случай с деловыми сидельцами. А когда спускался с конвоиром по лестнице, сердце заколотилось от озарения: на волю! его отпускают! там внизу ждут родители и Ольга. Сейчас же в машину и куда-нибудь в город, в кафе!

Но этажом ниже они прошли по длинному коридору и добрались до самого дальнего угла. Там Антона втолкнули в новую камеру. Она была рассчитана на восьмерых — четыре двухъярусных койки — однако заселена была не полностью, да и вообще по количеству вещей, различных бытовых приспособ, по обжитости в целом видно было, что постояльцы в ней временные.

— Здравствуйте, — когда за спиной окончательно щелкнула дверь, проблеял он трем новым персонажам своей тюремной хроники. Но никто из них не ответил. Все трое молчали и смотрели, словно ожидая команды, чтобы наброситься. Антон понял, что таким сигналом может стать любое его неверное движение.

Так простоял он с минуту, иногда робко поднимая глаза на оппонентов — то, что они не союзники, ясно было сразу. Почему по некоторым видно, что они бывалые арестанты? Что выдает их? Впалые желтые щеки? Маскирующие пропажу зубов синие губы? Рот словно бы рыбий? Нездоровая худоба подлого человека? Тухлые улитки глаз в глубоких глазницах? Все вместе.

Из этих троих выделялся тенью кривой улыбки тот, что выглядел помоложе. Станным образом его годы было не разобрать — возраст не поддавался сравнению с возрастом обычных людей, при этом в сравнении с остальными двумя он смотрелся свежее. То ли свет так падал, то ли это была какая-то аномалия, но на одной из его щек горел румянец.

Антон зачем-то сказал глупое: «Вечер в хату» — и просочился к пустующей койке.

— Стекловату! — гнусаво прокричал, подойдя, тот, что с румянцем. — Встал!

От неожиданности Антон подскочил и, мокро мигая, стал смотреть сверху вниз на урку, который потянулся к его мешку. Посыпались книги, сигареты, еда, одежда.

— Что вы делаете? — промямлил Антон, привыкший было, что на «вы» здесь не общаются.

Ему не ответили, деловито забирая то, что понравилось. Антон задышал часто, давно у него не было физического конфликта, со школы. Он стоял ждал, когда наконец придет первобытная ярость, которая случалась с ним в драках, от которой перестаешь себя контролировать и сдерживать, а только стремишься дотянуться до горла противника. Что-то сбило, этот аппарат не заводился, стартер лишь производил позорные скрипы, движок — чихание. Взят врасплох. Особенно тем, что роется в вещах не какой-нибудь сверстник, а бывалый блатной.

Между тем Антон лишился половины своего имущества.

— Да ты сади-и-ись, — сказал очередной подошедший.

Антон сел, стал собирать оставшиеся вещи, но тут же получил удар по ноге. «Красная щека» крикнул:

— Че сел на витрину, чушкарь?!

— Сад-и-и-ись, — толкнул Антона в грудь другой. Антон завалился на лежак.

— Встал, я сказал! — И опять удар по уже гудящей ноге.

Упражнение повторили несколько раз, после чего Антону разрешили сесть на холодный пол. Он сел и затих, напряженно думая, что делать и что будет. Во что бы то ни стало нужно ответить обидчикам в следующий раз, иначе можно упасть еще глубже, так глубоко, что потом либо в петлю, либо мучиться, пока окончательно не сойдешь с ума. А с другой стороны, почему он сидит на полу, почему не встанет?

Уголовники после короткого нападения успокоились и остаток дня играли в шахматы или тупо лежали, переворачиваясь изредка со вздохом (стал ясен однобокий секрет алой щеки). Они напоминали сытых животных, следующих во всем велению древних инстинктов. Как ни странно, они оставили новенького в покое, даже разрешили поклевать ужин. Все это было ложным миром. Вечером, когда пора было спать тот, что днем был с румянцем, коротко скомандовал: «Под шконку!»

И Антон, почувствовавший в груди сильнейший укол, стянул с постели одеяло и без возражений полез в сливово-темный грот, обстоятельно себя успокаивая тем, что бунт на ночь — глупое дело и что покалеченным спать на полу будет совсем неприятно. Но самым разумным и честным разумом он понимал, что теперь уже завтра случится с ним страшное, после чего он ни с мамой, ни с папой, ни с Ольгой видаться не захочет, не сможет с ними говорить и выдерживать их скорбный взгляд. О, он даже жаловаться с этим нигуда не пойдет. Однако сейчас спокойно — загнали вниз, значит, ночью не тронут.

Перед глазами (но это скорее на уровне осязания) была холодная металлическая ножка; под боком — край одеяла и похожее на резину покрытие, сквозь которое чувствовался бетон; ноги упирались в стену, а сверху на матрасе лежали развороченные чужой рукой вещи. Тюрьма засыпала. Над всем этим, как штампованная головка сыра, желтила пространство луна, но никто ее не увидел сквозь затянутое тучами небо.

XVII

Все эти дни Иван Алексеевич кое-как держал удар, околачивал пороги инстанций и всячески поддерживал в себе надежду, которой, по правде, не было. А потом ему повезло: на почте, куда зашел позвонить, как часто делал в последнее время, он выхватил случайным взглядом адрес на бандероли, лежащей за стойкой: «Поселок Зори, ул. Тупик, д. 5, Луценко Константину Витальевичу». Словно вспышкой, в темноте памяти осветился пятничный вечер, когда он встретил идущих от станции Серегу с отцом. Старший могильщик свернул в Тупик за коньячным спиртом, и Иван Алексеевич какую-то часть дороги прошел вместе с его сыном.

— На бате-то эта ключница побольше, чем на географах, небось зарабатывает, — с усталой иронией сказал Серега.

— Географах? — не понял Иван Алексеевич.

— Ну да, жил же у нее немного по осени один и еще зимой. Свалил в туман потом. С ним Катька еще путалась.

— Что? А что же ты молчал?! — воскликнул Иван Алексеевич.

— Не хотел я об этом говорить, чтобы Антоху дураком не выставять. Да теперь, чего уже там, хуже не будет.

— Так. Подожди-подожди, постой-ка, Сергей. Давай на завалинку сядем, расскажешь мне все с начала.

— А че тут рассказывать. Просто когда за батей в Тупик ходил, видел, что у тетки Зары какой-то мужик живет. А потом и Катьку с ним видел. Обнимались они всяко, тьфу. Спросил его как-то при встрече, не родственник ли он тетке Заре (рожа-та у не-

го такая же масляная да подлая), да еще спросил, чем занимается. Нет, говорит, не родственник. Я, говорит, проездом, путешествую много, стало быть — географ.

— Антон знал обо всем этом?

— Знал, я говорил ему.

— И как он это воспринял? — замирая, спросил Иван Алексеевич.

— Да никак, плюнул на все да уехал. Я больше него переживал.

— Это же важно, Сергей! А как ты думаешь, не может быть Катя сейчас у него?

— Так он же сидит.

— Да нет же, у географа этого!

— Вряд ли, дядя Иван. Он-то раньше всех свалил, Катька одна потом еще долго болталась. Нету ее нигде уже, а то б объявилась.

— Ну, а вернуться географ не мог? — словно не слышал Иван Алексеевич.

— Этого не знаю.

— Ладно, попробую у Заремы Романовны спросить.

Для постоянных посетителей кривого бледно-зеленого дома в Тупике была организована низкая форточка. Иван Алексеевич на следующий день, опередив по дороге Ебуа, постучался в дверь. Зарема в пестром халате была удивлена его приходу, ее выпуклые глазки то настороженно смотрели на гостя, то куда-то за его спину, то убирались за гнило-зеленые веки. Иван Алексеевич несколько смущенно и сбивчиво задал свои вопросы.

— Ой, слушай, Иван, — начала она причитать, и могло показаться, что «Иван» — значит русский, — я уже старая, мне лишних знаний не надо. Что я, спрашивать, что ли, буду? Парень приличный, заплатил исправно, а мне больше надо разве?

— Как вы думаете, не могла Катя к нему поехать?

— Эта какая? Которую ищут все? Вон ты куда загнул. Ты у сына своего спроси. Ты зачем ко мне ходишь? Прокурор, что ли?

— Ад-д-реса у вас его нет? — с трясущимися от гнева губами спросил Иван Алексеевич.

— Адрес не дом и не улица. Нет у меня, иди, Иван, иди отсюда, ко мне вон люди пришли... Хасмириминч!..

Уходя, Иван Алексеевич увидел склоненного к форточке Ебуа. «Хозя-а-йка-а! Хозяйк-а!»

Следователь тогда отреагировал вяло — дело-то почти решенное — направил к Зареме местного плюгавого участкового из новых, тот не принес ничего интересного. Этим и закончили. И вот теперь перед Иваном Алексеевичем лежала коробка, поле обратного адреса которой рождало в груди далекий пока еще марш полков-победителей. «Санкт-Петербург, Английский проспект, дом-квартира...» Когда совсем не на что опереться, не к кому пойти, тогда и такая маленькая деталька кажется спасением и, как минимум, утешает.

Адрес ни о чем не говорил Ивану Алексеевичу, несмотря на то, что в Ленинграде было прожито несколько лет во время учебы. Он записал его перьевой ручкой на какой-то квитанции и вышел из здания почты, чтобы не разговориться вдруг с почтальоншей.

Жены дома не было — отправилась в магазин. Иван Алексеевич безотлагательно сел планировать дальнейшие действия. Так-так, к следователю, очевидно, уже бесполезно, нужно самому разузнать немного, втайне от Анны Андреевны, конечно, избавляя ее от лишних волнений. А потом теплое принести адвокату, а то он как-то подза-кис. Значит, нужно: первое — выяснить, где этот адрес, например, по автомобильному атласу; второе — найти официальную причину поездки в Питер; третье — понять,

что, собственно, он будет делать по этому адресу, — вряд ли там Катя откроет ему дверь, потому что и сам он уже не верит, что она жива, там вообще непонятно, кто откроет, какая-нибудь седьмая вода на киселе, то есть нужно подготовить бронебойные вопросы, чтобы не повторилась ситуация с Заремой. Ах да, четвертое — взять на работе отгул в пятницу с тем, чтобы и будний день, и выходные в Ленинграде с нахлестом взять — людям свойственно уезжать из города в конце недели или, наоборот, приезжать.

Атлас дорог лежал в комоде под коробкой с охотничьими патронами двенадцатого калибра. 1988 год издания. Ленинград вошел туда укрупненно, всех улиц было не видно. Английского проспекта Иван Алексеевич не нашел.

В пятницу утром Иван Алексеевич выдвинулся под предлогом улаживания отсутствия Антона в университете (Анна Андреевна дала все необходимые указания). Он вышел на Варшавском вокзале в сухую петербургскую весну. Со всех сторон дул ледяной ветер, закручивая тошнотные столбы серой пыли, которая потом еще долго скрипела на зубах. Кутаясь в тонкий не по погоде плащ, Иван Алексеевич подошел к киоску Роспечати.

— У вас есть карта города?

— Нет, у нас только газеты и журналы.

— А вы не знаете, где Английский проспект?

— Нет, — бросили ему из ларька.

То же самое ему сказали и на развале книжной палатки. В справочной телефонной службе некоторое время думали, затем хамски повесили трубку. Стало набухать раздражение, время утекало впустую по самому ничтожному поводу. Наконец один из таксистов высказал предположение, что имеется в виду Английская набережная, куда и довез Ивана Алексеевича. По ней тот стартовал от моста Лейтенанта Шмидта и оказался в итоге на улице Декабристов, продрогший и изнывающий от потребности высморкаться (абсолютно мокрый платок перестал служить). Там, у ДК Первой пятилетки Ивана Алексеевича, вдруг, осенило, что спасти его могут только на почте. И действительно, отстояв долгую очередь, он от огрызнувшегося клерка узнал, что ему нужен бывший проспект Маклина, который находится здесь же, в пяти минутах ходьбы.

Согретый ложным теплом почтового отделения Иван Алексеевич отправился в точку, которую целый день искал. В этой части свежепереименованный проспект Маклина был наиболее сер и уныл. Вроде и центр, а вроде оторванный кусок. Прохожих тут не было, и общественный транспорт совсем не ходил, лишь залетные легковушки, пересекая город в сторону юга, изредка тарыхтели здесь. «Зловещий закоулок», — подумал, проходя по нему, Иван Алексеевич.

Нужную квартиру сразу же найти не удалось, пришлось побегать вокруг дома и по двум проходным дворам-колодцам, поскольку нумерация шла вразнобой. Наконец он миновал прислоненную к стене дверь искомой парадной, брезгливо поднялся по пропитанной подвальным запахом лестнице мимо компании школьников, гугнивших под гитару «...думы мои — сумерки...», и, перебрав глазами у пухлеющей коричневый дерматином двери несколько звонков, нажал на тот, который был корявой синей ручкой подписан: «Луценк.» (как же забилося сердце, когда он увидел эту бессмысленно надкушенную фамилию!).

Звонок.

Ничего.

Иван Алексеевич проверил остальные кнопки. В квартире никого не было — время рабочее.

Тогда он вернулся на улицу, прошел мимо дома Александра Блока, потом по Дровяному переулку, мимо «Квадрата» — площади Кулибина, где чувствовалось, лучше

не появляться вечером, и опять вернулся на бывший проспект Маклина. Нынешний Английский. Проскочил как можно скорее все лавки, лотки и ларьки от Аларчина моста и до площади Тургенева. Здесь продавали водку в жестяных банках, поштучные сигареты, колготки, приторные шоколадки из телевизора, китайские бейсболки, поддельный парфюм и прочий оголтелый ширпотреб. И все продавцы были неизменно наглы и тупы. Но тупы в свою пользу.

Набитую алкашами площадь Тургенева Иван Алексеевич сгоряча обежал по кругу. Хотелось есть. Постоял с минуту у торговки жирными, вареными в масле пирожками с мясом, удостоверившись, что ненавидит их, как и прежде. В верхнем левом углу площади его внимание привлекло изваяние бородатого мужика в картузе на входе в ресторан, оформленный как гостиная приличного дома. Вымотанный, он зашел туда, подал плащ в гардероб и с ноющим сердцем попросил порцию солянки и сто граммов коньяка, рассчитывая восполнить упадок сил. Плановый бюджет поездки таким образом втрое уже был превышен. Солянка разогрела, но несмотря на то, что была приготовлена, как полагается, изжгла до болезненного состояния, а коньяк пошел не в то горло, не в ту душу. Стало еще тяжелее. Иван Алексеевич, мерзостно опьянев, посидел с час, выпил крепкого сладкого кофе, расплатился и отправился заново штурмовать обитель Луценко.

На входе переступил через свежую лужу мочи. Школьники разошлись, оставив после себя заплыванный пол, полтора десятка окурков и несколько пивных бутылок. Люди вернулись с работы, и к подвальной вони добавился тяжелый аромат жаренной на масле картошки с луком. Борясь с изжогой, Иван Алексеевич постоял перед квартирой пару минут, после чего позвонил. Что-то долго скрипело и стучало, пахло нищенством, и в открытую дверь высунулась красномордая черноволосая бабища непонятного возраста, но явно немолодая.

— Что? — снизу вверх мотнула она ряхой.

— Константин дома? Дело есть, — как можно более развязно спросил все еще во хмелю Иван Алексеевич.

— А какие у него теперь дела могут быть? Он свои дела уже отделал.

— Как? — не понял Иван Алексеевич.

— Так! Сидит он. И не горюет. И тебе того же.

— Как сидит? — промямлил трезвеющий Иван Алексеевич.

— Как сел зимой, так и сидит.

— Так давно? Вы уверены? — понимая, что говорит глупость, спросил Иван Алексеевич.

— Уверена, только вчера «грев» отправляла. Да ты кто такой-то?

— Я так, знакомый. До свидания, — пробубнил в ворот плаща раздавленный и поникший Иван Алексеевич, перебирая ступени.

— Слышь, знакомый, ты бы съездил к нему, мож, передал бы чего. Я одна уже не справляюсь с племянничком.

Зимой... Ниточка перегорела, дальше искать было нечего. И тут же получил дополнительный пинок — вспомнил, что должен был зайти в университет Антона, похлопотать об отсутствии. Чувствуя холод в груди, он шел и шел безотчетно по седеющим улицам в сторону вокзала. Когда проходил Лермонтовский проспект, зажглись фонари.

Как же сильно ветер дует! Дышать трудно, словно в окно электрички высунулся. Не хватает воздуха в городе. И надежды теперь уже нет. И поездов, поди, уже нет. По забыв про все, помня только дело Антона, все брел и брел Иван Алексеевич, прикрывая от ветра горло.

А когда стоял на светофоре за серой гостиницей, чтобы перейти Рижский проспект, на дорогу выпрыгнула за убежавшим зеленым шариком с распятой на нем бабочкой

маленькая девочка в вязаной шапке. Навстречу ей поворачивала с визгом на одном колесе лихая «девятка». Иван Алексеевич сделал выпад, резко выдернул ребенка обратно на тротуар. Вытащил из черного фатума, зловонного омута, куда чуть не погрузилась молодая мать и все вокруг. Вытащил, завалился с девочкой назад, поднял, осмотрел, цела ли. Тяжело задышал. Женщина обняла дочь за плечи, отстранила, стала причитать истерично, чтобы та не смела так больше пугать. Часть прохожих их обступила, часть поспешила пройти мимо. Затем женщина и девочка отправились дальше. Все пошло дальше. Это житейское завихрение затихло, и все успокоилось. Ветер затянул в подворотню и увлек дальше и вверх через двор-колодец воздушный шар с бабочкой. Светофор несколько раз сменил свой цвет. А чуть в стороне, прислонившись к дорожному знаку, остался сидеть мужчина в легком синем плаще и шляпе. Из внутреннего кармана у него торчал засаленный атлас дорог Ленинграда и Ленинградской области. Рукой он держался за сердце. Эту руку спустя несколько часов так и не смог разогнуть санитары из уазика с красным крестом. Земное время Ивана Алексеевича закончилось, его вечное время пошло.

XVIII

Спину от холодной ночи ломило, наверное, первый раз в жизни. Спортивная кофта не грела. Когда стали доставать из машины, долго не мог проснуться, точнее, не мог выбраться из зябкого онемения, которым наполнилось все вокруг. Только в кабинете Аристова вдруг резко включился — передернуло, как от чашки гадкого кофе. Часы, бледные деревянные панели и скрипящий над пропастью стул — все было на месте.

— А, Антон Иванович! С чем к нам пожаловали?

Молодой человек молча смотрел сквозь приоткрытые пока еще жалюзи на разгоняющийся за окном день.

— Антон Иванович! Проснитесь, — позвал его следователь, сверля взглядом.

— Какие у меня варианты? Из чего выбирать? — подал голос Антон.

— Как резко вы начали! Выбор? Боюсь, вас расстроить, но у нас здесь не торговая лавка. Опция только одна. Я вам все расскажу, но сперва позвольте, начну с новостей, накопилось.

Антон молчал, и Аристов продолжил:

— Новость первая. Мы с вами станем знаменитыми в узких следственных кругах. Я один из первых в отрасли, так скажем, заказал дактилоскопию ДНК крови. С юбки, найденной у вас на поленьях. Новейший метод! Ну что же вы молчите? Не вижу любопытства в глазах? Знаете, что это за экспертиза? Сравнят генетически пятно с анализом крови матушки потерпевшей. Вы не бойтесь, риска никакого. Мы ведь с вами и так знаем, чья там кровь. Но дело наше разорвут на цитаты...

— Что это докажет? Что мне с этого? — безвольно поинтересовался Антон.

— Рассуждаете как любитель. Это первая серьезная привязочка к вам потерпевшей.

— Я не делал этого, — мрачно прогудел Антон.

Аристов с полминуты на него смотрел, и видно было по движению тонкой кожи щек, как он сжимает и разжимает зубы, то ли пытаясь скрипеть ими, то ли накачивая себя злостью. Он вроде как пьян был сегодня, готов был на откровенность. Поэтому стал говорить, резко вколачивая в молодого человека свои истины:

— Да что вы заладили? Делал, не делал... Какая мне разница? Моя задача — материализовать виновного, а то, что он совпадет с реальным преступником, — это частный случай, на котором далеко не уедешь. Ведь судом реальный-то негодяй может вполне быть отпущен. Поэтому не преступника я туда приведу. Виновный — вот товар, ко-

торый нужно продать; не купят — репутация продавца подмочена. Так что плясать нужно по самым лучшим законам торга — посмотрите, какую рекламу я вам делаю! Эх, еще бы и суд присяжных у нас был, дело вообще бы в лидеры выбилось. Ладно, мы и так на виду, но и товар мне нужен такой, который сам за себя говорит.

— Говорит? — эхом отозвался Антон.

— Да, именно говорит. Вы сами все мне скажете, но к этому мы подойдем в эндшпиле. А пока... после десяти дней беременности в крови женщин вырабатывается гормон, который может быть обнаружен даже в старых пятнах крови. По его наличию и устанавливают факт беременности. Так вот вам и вторая новость: я и эту экспертизу заказал. Проверим, права ли была гражданка Сычева.

— Кто? — спросил, вскинув голову, Антон.

— Аптекарьша ваша.

— Я понял. Это она слышала Катин бред на платформе. Да не была она беременна, не было у нас с ней ничего...

— Подождем результатов экспертизы, — прервал подозреваемого Аристов, — новости третья и четвертая: проведены обыски помещений, где вы проживали, в Зорях и Санкт-Петербурге, маменька ваша подавлена, бабули почти с инфарктом. Папенька ваш ко мне заезжал на прошлой неделе, вы представляете, на колени бухнулся, прямо здесь, в этом кабинете, справа от этого стола. Вы посмотрите, что вы делаете своим запирательством, посовестились бы, давайте заканчивать этот балаган.

Ответа не последовало. Антон тихонько, на грани заметного, стал раскачиваться из боку в бок на стуле.

— Послушайте, множество людей общалось с гражданкой Оброковой, множество в тот вечер заходило на платформу, у множества могут быть мотивы для причинения вреда потерпевшей, множество технически могло это сделать, и у множества могут найтись ее вещи. По отдельности эти множества — ничто. Хаос, энтропия. Я их все изучил, я изучил все линии перемещений, сделал с помощью служебно-разыскной собаки обратную проработку следа по многим направлениям (вы бы видели, как распухает папка с делом!). И теперь всем будет видно, что множества эти пересекаются, и место их пересечения относительно небольшое, и там находитесь только вы, Перевалов. Только вы.

— Я не делал этого, — в очередной раз повторил Антон, совершенно не чувствуя ритма действия.

Аристов мучительно не мог терпеть беспорядка после редких гостей в своей пустой квартирке и до безумства не выносил, когда наступали ему на всегда аккуратно вычищенный, с любовью ухоженный ботинок. А сейчас словно бы везде потоптался никчемный мальчишка, с которым он все возится, боясь надавить чрезмерно, чтобы случайно до смерти не размазать.

— Все! Надоело! — вскричал он. — У меня ведь и других дел масса. И они вообще за пределами этого здания. Ты вообще понимаешь, с кем сейчас споришь? Кто ты вообще такой, петух-неудачник? Тут тебе не университет, где все ласково и на «вы». Я сейчас тебе объясню еще раз более доходчиво, как все устроено. Я не собираюсь искать того, кто это сделал. У меня есть ты. И процентов на восемьдесят я уверен, что это ты и был. Я больше ни на кого калории тратить не стану. Ты думаешь, я что, представитель закона? Я не есть закон, я не отношу себя к системе правопорядка. Это только ступенька, от которой я отталкиваюсь. Это вот они за этой дверью, по коридору и направо, и налево и в отделении, где ты был в обезьяннике, еще не наигрались в Анискиных. Ну и пусть, полезно. Мне тоже не хочется каждый раз, выходя на улицу, думать, не получу ли сейчас по башке от шпаны. Правосудие — это старая чужая машина. Я катить ее не собираюсь. Я хочу на ней ехать, куда получается. А там по-

меняю транспорт — есть еще политика и экономика. А еще религия, культура и общественное мнение как инструменты управления моралью. Ты знаешь, чем мы с тобой отличаемся? Я знаю, кем и где я буду через пять лет, и иду туда. Ты — нет. Тебя несет по течению. Ну так вот я — одна из коряг, за которую ты зацепился в этом своем плавании. Я здесь оказываю воздействие, я меняю. Так было, и так будет. Да вот взять мое имя. Раньше я был Гайлов. Дмитрий Гайлов. Меня в школе Хайлом называли. Обидно, знаешь ли. Аристов, ты думал, какая-то моя семейная фамилия? Никак нет-с. Сам придумал. Сам придумал, сам поменял. Так-то-с. Фамилия — это корни, а у меня нет корней. Ну то есть я не такой, как папенька с маменькой; те — совки, у них совок головного мозга. Я — сам. Потому что чувство имею, имею право, перспективу вижу, силу свою сознаю. К стае, если надо, прибьюсь, но стаю же и продам. У меня нет этой наносной морали, нет понятий, а значит, мои желания, мои опции безграничны. Во мне только кураж, только страсть. Злость и зависть питают мои амбиции. Твоя доверчивость — моя валюта. Девяносто девять процентов поголовья думает вокруг людского: «кто, что сказал, кто кому что сделал», один процент над людским — это творцы. А я, я же хочу встать над ними всеми. Ты понимаешь теперь, что я не какой-нибудь сельский взяточник? Ты понимаешь, что я за тебя еще всерьез и не брался? И вот тебе новость шестая: папенька твой вчера лапты склеил.

— Что?!

— Детективом себя вообразил, набегался по Ленинграду, сердечко прихватило. Кстати, некий Луценко тебе не знаком? Хотя неважно, привяжем как-нибудь для усиления мотива. Хватит качаться на стуле!

Антон не заметил, что расшатал стул уже окончательно, до предельно громкого скрипа. После окрика Аристова он замер и сидел, остановив взгляд, словно увидел повисшего на незримой ниточке паука. И никак не мог уложить новость шесть в голове.

— Камеру образцового содержания я уже устроил тебе. А хочешь, теперь тряхну убитую горем маменьку? Хочешь, позову ее на вскрытие мужа или организую потом эксгумацию? — продолжал надавливать следователь. — На работу ей сделаю пару звонков.

Не выходя из транса, Антон едва помотал головой.

— Ну вот и хорошо, вот и верно. Ведь можно и по-другому. И на похороны отпущу, и процесс наш ускорю, чтобы никому душу не травить. А то и правда, взгляни, что получилось: ты в околоте, отец в морге, мать в прострации. А признался бы сразу, все было бы по-другому. Ты ведь в любом случае виноват, есть же твоя вина в том, что Оброкова до такого состояния дошла.

Антон все еще сидел в оцепенении. Аристов уже совершенно спокойно продолжил:

— А вообще, лучше рассматривать арест как избавление, как новую ступень, новый институт жизни плюс работа на свежем воздухе. Вспомните, многие писатели прошли через неволю, вы будете достойно смотреться в их ряду, видел я, видел ваши вирши при обыске в Зорях.

Когда Аристов встал из-за стола, Антон вздрогнул. Следователь пересек помещение, высунул голову в дверь и позвал:

— Иван Генрихович, заходите теперь.

Адвокат, как ходячая надломленная сверху жердь, просунул бесшумно и сел на свое место. Казалось, голова его с прошлой встречи так и не соприкасалась с шампунем.

— Вот, Иван Генрихович, следственные действия наши близятся к концу. Антон Иванович решил мне безмерно помочь, — возвестил Аристов.

— Что ж, мне осталось проследить, чтобы права моего подзащитного никоим образом не были ущемлены, — пафосно продекламировал Брацлавский.

— Конечно-конечно. Антон Иванович, давайте так, вы подпишите, пожалуйста, сейчас протокол, а мы с Иваном Генриховичем всю оформительскую канитель на себя возьмем. Почитаете потом. А кое-что заучить придется, для суда. Мы же теперь все заинтересованы, чтобы дело гладко прошло?

Адвокат кивнул. Подзащитный же, глаза которого наконец чуть зажглись живым светом, вдруг понял, что его смущало во внешности защитника. Так же нелепо, как выглядит человек в ковбойской шляпе и джинсовой куртке без лошади рядом, выглядел Брацлавский без козлиной бородки на огромной картофелине подбородка.

— Где подписать? — решившись, выдохнул Антон.

XIX

Здравствуй, Антон.

Начну сразу. «Спасибо» тебе, что только после суда, после того, как все непоправимо завершилось, ты соизволил поставить меня в известность о своем положении. Заметь, что «спасибо» забрано в кавычки. Что это было? Ты продемонстрировал, какое место мне отведено в твоей жизни? И не надо врать, что хотел уберечь меня от тревог. Ну что же... Логично, мы ведь знакомы с тобой считанные пару месяцев.

Ты знаешь, сначала я была встревожена. Сильно встревожена. Потом была зла. А теперь мне все равно. Жизнь продолжается. Моя жизнь. А у меня были планы. Карьера, семья, дети. Вместе с тобой! Понимаешь? И что теперь? Мне уже за двадцать. Я не могу поставить свою жизнь и организм на паузу на полтора десятка лет. Я хочу продолжать движение. Очень жаль, что с тобой не получится. Ты мне нравился. Ты умеешь мечтать, не сухарь, не мещанин, ты, мне казалось, способен на очень многое. Но теперь я вижу, ты любишь плыть по течению. Плывешь, пока тебя несет, прибиваешься к одному делу, к другому, к людям. Все, как у всех, вроде бы: школа, институт, работа, девушка... Но подскажи, что из этого ты выбрал сам?

А теперь за шиворот тебя взял «товарищ майор», и ты угодливо сделал все, что ему было нужно. Ты понимаешь, что жизнь разрушил себе и близким? Я виделась с твоей мамой. Удивлен? Она — славная. Она выглядит сильной, но потеря мужа и сына — это слишком.

А виделась я с ней по той причине, что сама занималась твоим делом. Поэтому так долго не отвечала на письмо, где ты с издевательской обстоятельностью все описал. Почему бы тебе было не сделать этого раньше? До суда, до того, как ты сам себя оговорил? Я бы тогда более эффективно задействовала ресурсы своего отца. А так мне оставалось только достать и изучить бумаги, показать их специалистам. Эти люди уговаривали меня попробовать в тебе посомневаться. Я не смогла. Я и сейчас тебе верю. Я ездила в Зори. Я — дура, даже нанимала проходимца частного детектива. Все это для того, чтобы найти способ использовать мизерный шанс... Но все бесполезно. Ты завяз глубоко. Точнее, ты сам себя глубоко закопал.

Я сперва хотела приехать лично тебе все это сказать. Но поняла, что не готова идти на унижения, положенные при досмотре перед свиданием, ради человека, который наплевал и на себя, и на меня.

Это письмо будет коротким.

Все. Закончено. Отрываю, как пластырь. Я продолжаю жить. И ты продолжай. Отдельно. Желаю тебе с толком использовать время в неволе. Не сгинуть там. Надеюсь, что ты найдешь в себе силы не опуститься. Надеюсь, что будешь в итоге счастлив. Да, несмотря ни на что, я желаю тебе счастья.

Прощай.

Ольга

XX

В преклонных годах, когда снова становятся одинокими, люди заводят домашних животных. Оно и понятно: свою задержку на этом свете нужно как-то оправдывать. Хотя бы и заботой о неразумном, зависящем от тебя существе. Но есть старики, которые поступают иначе, они заводят себе болезни и начинают с ними нянчиться: непрерывно следят за развитием, узнают про них у специалистов, кормят таблетками. О, здесь целая область, которую можно разрабатывать до самой смерти: симптоматика, тонкости диагностики, медикаменты и способы лечения. Обыватель их может изучать бесконечно. Обмениваться мнениями с такими же увлеченными. Как пес тащит гулять своего хозяина, так и этих болячка ведет в поликлиники и аптеки. И там, словно заводчики редкой породы, они могут часами обсуждать особенности своего недуга, наделяя его темпераментом, памятью и прочими свойствами личности. Но нередко тварь из домашней становится вдруг дикой, прибивается к стае, и этим скопом сжирается и рука, которая еще недавно кормила, и все остальное. А еще с болезнью удобно, она многому может служить оправданием: пропустил семейный праздник — так обострение же было; крыша течет — так куда с такой ногой-то; не убрано дома, близких принять не хочешь — давление виновато. И так далее.

На почве болезней сошлись после исчезновения дочери Анна Валерьевна с мужем. Сын уехал от них далеко, в Хабаровск. Туда распределили в военную часть. Сталкиваясь в разных углах дома, супруги стали с некоторой эмпатией замечать друг у друга признаки старения и нездоровья: у нее вздулись грозные молнии вен на ногах, его скрючила грыжа в спине. И стали они оба всячески кляузничать на свои организмы врачам и провизорам.

Анна Андреевна Перевалова, натываясь на пару на улице, легонько кивала, глядя в сторону. Никакой реакции в ответ не ждала. После смерти мужа она постепенно сменила в своем гардеробе все вещи на черные. Малым лучиком из угла шкафа просвечивал только подаренный когда-то сыном платок. Как назло, предприятие, где она работала, потихоньку загибалось, работы становилось все меньше, уже не приходилось, как это бывало раньше, задерживаться допоздна. Анна Андреевна, придя со службы, кормила собаку, готовила скромный ужин, ложилась в постель и механически читала библиотечную книгу до полного отключения. Хоть какой-то отрадой стала закипевшая вокруг старого клуба церковная деятельность.

Анна Андреевна всегда была прямая, как стрела. Ну школа, там, октябрята, пионеры, комсомольцы, идеализм юности, максимализм юности — все понятно. Но и в зрелом возрасте и дальше правдивая прямота сохранялась. Менялись только точки приложения силы. Сперва шла строем в светлое будущее, потом стала верной женой, потом заботливой матерью и вот, наконец, стала глубоко верующим пожилым человеком, который повидал все: крушение Союза, переоценку ценностей, потерю идеалов, потерю близких людей. Но никогда не теряла она веру в лучшее, всегда человеческое оставалось при ней. И нет здесь никакой фальши. Никогда нельзя было назвать ее блаженной или оголтелой. Она всегда была ровной и трезво смотрела на вещи. Бывала обманутой, но никогда не обманывалась. Приведем один лишь пример.

Антону было тогда лет двенадцать. Иван Алексеевич убыл в продолжительную командировку на Урал. Было лето. То жаркое лето, когда плешивым ежом топорщится сухая трава на футбольном поле, когда вытянутая из речки рыба на ощупь теплая, когда душно от горящего вдалеке леса.

Анна Андреевна завела моду ездить на велосипедах в соседние Петушки, где в расшатанном доме была столовая, производившая вкуснейшую выпечку, а имен-

но пирожки с мясом, с капустой, с яйцом и луком, с рисом, с ванилью и с вареньем. И никто-никто из клиентов не мог пожаловаться хотя бы даже на призрак изжоги, такие уж мастера там работали, такую ответственную заботу они проявляли о производстве.

В тот раз они поехали небольшой ватагой — взяли с собой и Катю. Та, кстати, посредине наворачнулась со своей «Десны», и Анна Андреевна, серьезно готовившаяся ко всему, перевязывала ей коленку припасенным бинтом, щедро проложенным подорожником. Валуны вдоль колхозного поля, ласточки, васильки, пять-десять машин на шоссе — и вот они на месте. Дом быта, на втором этаже которого и была столовая, представлял из себя оштукатуренное в желтый цвет здание. Пирожки, конечно же, пошли выбирать вместе. Велосипеды оставили на попечение девочки лет семи, которая тут же рядом играла в классики. Потолкались в очереди у прозрачной витрины и набрали столько, что Антон был доволен — с непринужденным видом ему предстояло рулить одной рукой до самых Зорь, вторая будет занята объемной поклажей. Все шло хорошо до тех пор, пока не спустились вниз. Среди велосипедов наметилась резкая убыль: подевалась куда-то красная «Кама» Анны Андреевны. Девочка, игравшая в классики, сказала лишь: «Рыжий парень забрал» — и приготовилась расплакаться. Анна Андреевна после минутной растерянности отправилась в тень тополей, где кучковались, покуривая, ребята постарше. Там она со всем своим тактом учинила легкий расспрос, в ходе которого выяснилось, что велик уехал в направлении одной из нескольких пятиэтажек в Своросово.

Вообще Своросово всегда был поселком передовым, ударным, можно сказать. Все новые веяния, распространяемые из города, сразу же попадали сюда на апробацию. Подростковое население было готово принять любой вызов. А родители, озадаченные тем, что местная фабрика пиломатериалов и своросовский совхоз развалились, мало заботились об интересах молодежи. Поселок был негласно разбит на квадраты, относившиеся к пятиэтажкам, и в каждом правила своя банда малолетних хулиганов. Основным промыслом банд были сады частных в летнее время, осколки империи в виде лома цветного металла и всего, что плохо лежит, мелкое воровство, в частности велосипедов. До грабежей оставалась пара шагов. Властям было наплевать, нужно было успеть реализовать более крупные объекты — конвертировать в деньги, дома, квартиры и автомобили уцелевшую совхозную технику, окрестные леса, производственное оборудование.

Представляя себе в общих чертах жизнь в Своросове, Анна Андреевна понимала, что нельзя медлить — велосипед скоро растворится в круговерти. В Зори спешно возвращались таким порядком: раздобыли ключ и подняли седло на «Десне» — ее оседлала Анна Андреевна, Антон же повез на багажнике своего «Салюта» Катю, подоткнувшую под себя пышную юбку.

Прибыв в Зори, Анна Андреевна направилась к почте. Там она взяла бланк уведомления о вручении перевода и заполнила его так:

«В порядке возбуждения уголовного дела и до осуществления следственных действий органами дознания следственное управление поручает Переваловой А. А. организовать передачу похищенного в п. Петушки имущества потерпевшей стороне в порядке мирного урегулирования. Ст. следователь УМВД по Своросовскому району Разумихин Д. П. Дата... Подпись...»

Затем попросила смеющуюся в голос сотрудницу почты притащить все имеющиеся печати и понаставила на бумагу штемпелей в разных местах.

Следующим же утром с трясущимся в преддверии авантюры сыном Анна Андреевна прибыла на расхлябанном автобусе в Своросово. Тут же на остановке их встретил

творческий коллектив празднующейся своросовской шпаны. Анна Андреевна без колебаний подошла и завела разговор с самым длинным из них. Тот выслушал, навостряя все больше ушки, выпучил глаза на казенную бумагу, произвольно почесал задницу и пролепетал, что сам он ничего не знает, но, возможно, в крайнем слева доме найдутся люди, которые что-то слышали.

Анна Андреевна уверенно проследовала в указанном направлении, Антон на полусогнутых плелся сзади, мечтая о том, чтобы скрылась куда-нибудь побредшая за ними досужая компания.

От остановки они всей процессией свернули вбок и прошли кромкой поля. Странно, но было тихо, полз по горизонту одинокий трактор, трава вдоль пыльной дороги силилась распрямиться, и ничего у нее не получалось. Словно часовой, охраняла поселок водонапорная башня. На нее во всю ширь ее купола надето было гнездо аистов, и несколько окрепших уже шей вытягивались в сторону склонившегося к ним родителя. «Аисты на водонапорке, аисты на водонапорке», — забило пульсом в Антоне. Чем бы еще отвлечься от пугающей обстановочки?

Навстречу прошла девушка с выцветшими глазами и волосами цвета лежалого сена. Угадывалась еще в ней вчерашняя школьница, но ясно было, что уже летом начнет она размеренную женскую жизнь безо всякого к тому перехода: станет тянуть с кем-то лямку, счастье, горе, детей, быт. И глаза эти знающие, и уверенная, как у странников, походка, и стать, и пластика — все говорило: «Вот идет чья-то жена, скоро узнаем чья».

А пятиэтажки-то оказались серо-коричневыми панельками, отчего-то вдруг четырехэтажными, и возле каждой был свой огород. И мальчишки прилаживали к колонке шланг, протянутый к стоявшей меж грядок бочке. И черная древняя бабка таскала там сорняки за чубы. И в лохматую тень сирени залезла от зноя собака.

Не поселок, а табакерка на отлете шоссе.

«Мир внутри мира», — не успел додумать Антон, а бабульки, сидевшие у входа, сразу же доложили Анне Андреевне, в какой квартире проживает рыжий подросток и как звать его, после чего заинтригованно стали прислушиваться к пространству.

Анна Андреевна потащила сына за собою наверх. Правда, он и рад был — не оставаться же на дворе с местными ребятами, бабульки — защита слабая. «Аисты на водонапорке, аисты на водонапорке».

Парень был дома, сам же и открыл дверь.

— Не шумите, — прочтя бумажку, деловито сказал он начавшей было распаляться Анне Андреевне, воровато зыркнул в квартиру и скомандовал: — Пошли.

Снова оказались на дворе. Бабульки даже привстали и проследили, как запетляли между домов герои. А те, побродив-побродив за своим провожатым, вышли наконец к гаражам.

— Ждите здесь, — сказал рыжий и скрылся.

Поливало солнце, трепались насмешливо в стороне шпанята, Антону казалось, что дело пахнет керосином. Уверенности в том, что в такой обстановочке он будет надежной защитой матери, не возникало. Гаражи, опоясанные репейником, опирались на кучи угольного шлака и выглядели местом, где можно пропасть навсегда. «Дался ей этот велосипед!» — малодушно восклицал про себя Антон.

Однако спустя несколько минут появился рыжий парень. Как старую клячу, толкал он рядом с собой раздолбанную коричневую «Каму».

— Вот, нашли на дороге, — сказал он, передавая транспорт Анне Андреевне.

— Что-то не похоже, — с сомнением проговорила та.

— Ну мы починили, доработали малость, — пояснил, улыбаясь, рыжий.

— Антон? — обратилась к сыну Анна Андреевна.

- Ну, вилка и рама наши, вот вмятина, вот царапина глубокая.
- На ходу? — спросила уже рыжего Анна Андреевна.
- А как же! — ответил тот.
- Ладно, берем. Дело закрыто.
- Ага. Если что, заезжайте.

И обратным порядком они уехали. Ни морали, ни выводов обозначать здесь не будем. Все это штрихи.

В тюрьме считают дни до конца срока, а на воле за временем не следят, лишь удивляются, куда же это оно утекло. Зори медленно поменялись: затвердели асфальтом улицы, повылазили, словно грибы после дождя, легковые автомобили на каждом участке, закрылись старшие классы в школе Антона, и ребятам приходилось ездить в Петушки или Своросово, зато магазин и аптека обрели единого персонального хозяина с юга, в первом появилось обилие йогуртов, а во второй — настойка боярышника — преемница «красной шапочки» и «рояля».

Кстати, опять про аистов. Издавна, может, с тех пор, когда вместо кирпичных домов стояли здесь деревянные избы, сразу за участком аптекарши Тамары Георгиевны вкопан был деревянный столб с колесом от телеги сверху. Но аисты никогда не прилетали, не водилось их в Зорях по причине бешеной мелиорации, направленной на полное осушение окрестных болот. На столб уже никто не обращал внимания, он был частью пейзажа — торчал, словно вбитый великаном огромный гвоздь. Как-то запоздалой весной, в ясное холодное утро с низким туманом из звенящих кристалликов люди увидели вдруг на старинной конструкции чету аистов, встречающих восходящее солнце. У одного из них — по-видимому самца — на груди пара длинных перьев резко оттопыривалась вперед, выдавая хулиганский непримиримый характер. Все были рады, птицы, как айболиты, несли надежду. Все, да не все. Тамаре Георгиевне новые соседи очень докучали: они постоянно обустроивали гнездо, для чего таскали навоз с грядок, а в поисках пищи деловито ходили по огороду, засовывая свой нос в каждую щель, особенно интересуясь прошлогодней помойной ямой, где под шифером прятались лягушки и слизни. Шифер пришлось убрать, яму присыпать шлаком, но аисты не уходили, приличным способом прогнать их не удавалось. И вот в ту пору, когда уже завершилось высиживание, в один из ненастных дней местные жители обнаружили вдруг, что гнездо свернуто набок, что значительная часть его уже на земле и растащена кем-то. Поползли слухи, споры и пересуды насчет того, ветер ли всему виной, или тут не обошлось без злой человеческой руки. А аисты, глупые непокорные птицы, не улетали никуда, до самых оранжевых дней так и стояли подолгу на верхушке столба, видимо, не зная, чем заняться еще. Вдвоем им было нужно немного — бедные птицы, оставшиеся без птенцов. Тамара Георгиевна же ничуть не смущалась и говорила при случае: «Рассмотрела я их гнездо. У них там представляете? Дохлые мыши, лягушки, рыбы кости, все вперемешку, воняет все. Антихристы, а не птицы!»

Да-а-а... Едем дальше. Кошмарик опустился еще больше, его словно кто-то накормил безнадегой. Открылось ему, может быть, что-то? Он не брезговал уже ничем из того, что горело, и очень скоро упился и замерз в сугробе где-то между Тупиком и аптекой. А его друг Ебуа все так же хмуро смотрит на мир красными глазами, живет и жить будет вечно.

* * *

Аристову нравилось теперь быть в Москве. Когда-то давно он приехал сюда туристом, и все тогда казалось чужим, злым. Кто-то словно хотел, чтобы он — провинциал — приседал. При том, что первые впечатления были далеки от ощущения столич-

ного лоска: на вокзале люто несло мочой, и везде-везде поручни, ручки, ступени — все лоснилось от человеческого жира. Трогать противно! Какой-то отдушиной стала сцена в метро: хлипкий мужик перепрыгивает через турникет, а кубовидная тетка в платке и униформе истошно свистит и встречает его ударом ноги в живот. «Вот это порядок! Вот это по-нашему!» — восхитился тогда Аристов.

Теперь он стал москвичом. Взлетел. Хозяином заходил в рестораны, клубы, на вечеринки. Шупал девок, как лошадей перед покупкой, а они подчинялись его воле без малейшего сопротивления. Аристов стал играть в гольф. Аристову теперь полагался водитель. Аристова показывали по телевизору.

И все же немного свербило. Он пока еще не нашел той интегральной характеристики своей жизни, которая бы безоговорочно отобразила его успех и превосходство, счастье, короче.

Сейчас он шел по раздолью бульвара, радовался солнцу и чистоте города, поглядывал на витрины. Водителя он отпустил, чтобы только последний квартал до министерства проехать: негоже, чтобы видели его пешеходом. Оставалось полкилометра, чтобы еще раз обдумать, что он скажет Большому Человеку такого, что тот разрешит перепрыгнуть сразу через пару голов. В принципе все уже предложено, рассмотрено и одобрено, однако минимальный риск оставался. Вот его-то и нужно минимизировать. А формула-то простая: «Я знаю задачу Родины, я знаю вашу задачу. Сделаю все, чтобы их решить». Словечки еще разок обтесать только и варианты перебрать.

Министерство было серо-бежевым и улетало в небо, смотрясь в лучах вечернего солнца, как руанский собор у Клода Моне. Этого Аристов знать, однако, не мог, потому как про импрессионизм слышал только название. Проходную миновал за считанные три минуты. Обрадовался — его здесь ждали. Он определенно здесь был нужен. Сердце заколотилось в преддверии высокой встречи.

А когда в лифте на втором этаже к нему присоединились двое мужчин в сверхдорогих костюмах на загорелых дряблых телах, он понял, что не поднимается вовсе, а возносится!

— А я, представляешь, застрял в воскресенье в лифте на даче. — сказал один из мужчин.

— Да ну, и что делал?

— Что-что! Главе МЧС звонил! — и оба жизнерадостно засмеялись.

А когда спустя полчаса, весь в парах заоблачного коньяка, Аристов шагал по бульвару в обратную сторону, распираемый восторгом, то думал: «Вот оно! Вот оно! У меня будет лифт для машины!»

XXI

— Перевалов, на выход! — прокричал начальник отряда. Пришлось отложить инструмент. Жаль. Его первое в зоне изделие — оконная рама — была почти готова (до этого доверяли делать лишь простенькие заготовки).

— Куда? — спросил Антон.

— Социализироваться, — усмехнулся начальник, затем, смиростившись, добавил: — К телефону.

Антон вспомнил, что подавал прошение на звонок матери, как раз в преддверии ее дня рождения. Поздновато его позвали, мама наверняка уже ушла с работы и едет в электричке. Недоношенность вечера, однако, давала еще некоторый шанс... Стоило попробовать.

Но дозвониться не удалось. Молчали длинными гудками все номера, которые он помнил. И уже собираясь проситься в барак, Антон вдруг понял, что хочет, чтобы где-

то в катакомбах питерского университета зазвонил красный дисковый аппарат, стоящий на верстаке возле белой маркерной доски.

— Алло, — прозвучал из темноты телефонных сетей знакомый деловой баритон.

— Андрей Валерьевич, здравствуйте. Это я — Перевалов.

— Антон! Вот это да! Как ты? Где ты?

— Наконец-то в колонии, целый год сюда этапировали.

— Как в целом устроился? Тяжело там?

— Нормально, уже устаканилось, говорят, повезло мне, что уже восемнадцать, что не попал на малолетку: взрослые добрее детей. А вообще, на душе тяжело. Вы извините, что я так, ну так... У меня всего десять минут на разговор.

— Слушаю.

— Не знаю, как начать... — сказал Антон, косясь на начальника отряда.

— Давай поток сознания.

— Поток сознания? — переспросил Антон, затем решившись, выдохнул и начал: — Если коротко, я не знаю, что делать. Я позволил упечь себя за решетку. У меня только мама осталась и вы. Оля бросила меня за мою тупую беспечность, за то, что я такой слабак. И поделом. Но не хочется просто так пропадать. Здесь я ничем не управляю... нет, я, конечно, и раньше не управлял, но тут безволие закреплено законом. Кем я выйду, отмотав срок? Ошкуренным и высушенным?

— Антон, это эмоции. Подожди, привыкнешь к укладу, начнешь видеть проявления свободы. Увидишь, есть куча возможностей делать выбор...

— Выбор тут небольшой: гнуть или быть погнутым. И мне кажется, я уже погнут. Это какой-то позор. Самое страшное, что я с ним смирился. Я все спрашиваю себя: «Кто я такой?» И никакого хорошего определения не подобрать. Вот мой отец спас человека и умер рядом, мой дядя был летчиком и разбился на новом самолете, дед дошел до Берлина и заслужил себе право умереть во сне. Жили и умерли как мужчины. А я что? Раньше, когда я в темной зиме шел за отцом или за дедом, снег скрипел под их сапогами, а я все спрашивал: «Почему? Почему не скрипит под моими?» Я понял теперь почему: они были большими, большими людьми. Земля пела, когда они шли по ней. А теперь я вырос, остался один и заперт в клетке, как теперь я узнаю, скулит ли снег под моей ногой?

— Тебе рано об этом думать. Это ненадолго в масштабах жизни. Пройдет. И знаешь что? Пробуй жить там. Я имею в виду жить полноценно.

— Но как? Вы просто не представляете, что здесь!

— Ты знаешь, у каждого ребенка обязательно должна быть масса времени для созерцания и анализа увиденного, иначе он вырастет пустым, хоть и перепробует массу занятий. Лишать детей созерцания — это мерзко. Ты же получил возможность продлить детство, став созерцателем поневоле. Так вот, тебя выдернули из учебы? Продолжай учиться!

— Учиться?

— Да, очень просто. Учиться. Я пришлю тебе программу из университета. Я пришлю тебе литературу. Я даже постараюсь найти для тебя конспекты. И вообще, ты узнай, наверняка в колонии можно учиться в вузе заочно. Извини, я — преподаватель, поэтому ничего другого сейчас посоветовать не смогу.

«Учиться. Учиться!» После разговора с Учителем стало легче. Появилась упорядоченность и намек на какой-то план: постигать программу и дожидаться УДО. Когда в пустоте есть хоть какая-то точка, всегда легче. Нужно идти в эту точку. Нужно лететь в эту точку.

Огороженная и охраняемая земля стала для него вдруг свободной, практически Диким Западом — занимай какой хочешь участок. Потому как и не здесь он вовсе находился, а несся куда-то ввысь, в такую светлую даль, которую и постичь-то могут немногие. И каждый шаг по этой земле, казалось, был длиной в километр!

В бараке, однако, радости поубавилось. Прошел слух, что его ищет кое-кто из приклатенных, чтобы спросить за грехи. И как-то согласованно и с сочувствием, а некоторые даже с тревогой смотрели на него обитатели всего угла «мужиков». «Кто» и «что», выяснить так и не удалось, но развившееся за время срока чувство подсказывало, что все произойдет завтра-послезавтра. Понятное дело, он не спал, думал. Утром почти не ел. Днем в слесарке под отводимые взгляды напарников расплющил молотком и заточил гвоздь-двухсотку, который затем засунул в башмак. Еще нашел кусок арматуры и привязал тонкой проволокой к табурету возле своего места (как раз по всей длине ножки вышло).

Все это им производилось в полуавтоматическом режиме: несмотря на гнетущий страх, он явственно сознавал, что хоть как-то обязан подготовиться к визиту — дело пахло убоим. Он ждал, что забойщики придут после ужина. Но никто не пришел. Новый слух прояснил, что напряженность напрямую связана с делом Антона и что кое-кто хочет через это утвердиться в масти.

И это никак не убавило обычной неизвестности, которая так пугает, которая выкручивает не только желудок, не давая ни есть, ни пить, но и съедает мозг. Никакое дело, никакая другая мысль не цепляются и не оседают, лишь только жалкий призрачный след остается от них. Все полностью занято поглощающим волю страхом предстоящей развязки. Вдруг, бывало, только увлечешься сиюминутным чем-то, вроде очередной лагерной байки, ан нет, холодная костлявая рука снова трогает затылок.

Антон понимал, что ждать — самая худшая тактика, однако ничего не мог с собой поделать.

Желая хоть чем-то занять голову, он стал перечитывать старые письма. В тощей пачке преобладали письма от матери, с ними все чаще прилетали к нему в зону: «келья», «трапеза», «облачение» и прочие «с Божьей помощью». Одно из писем сработало теперь, словно триггер.

...Сынок, не впадай в отчаяние, не унывай, уныние — великий грех. Так и батюшка говорит. Вот уж никогда не ходила в церковь, в партии состояла, а надо же, нашла утешение. Скоро ты выйдешь, и мы вместе к батюшке ходим, ты увидишь, какой правильный он человек, сколько правильных вещей тебе скажет, наставит на путь. А сейчас еще раз прошу, напиши ты ему, начни общаться, все легче будет, поверь маме. Смирение, смирение перед Господом и, если хочешь, перед судьбой — вот что тебе поможет. Тюрьма не место для проявления дерзкого нрава, да ты, спасибо, никогда этим и не славился. Я очень рада, что ты такой же спокойный и рассудительный, как твой отец.

Сама же я смирилась со всем, всех простила, у меня все хорошо, живу спокойно, на работе все в порядке, много читаю, гуляю с Байкалом. Где-то он лапу поранил, папа бы твой вмиг его вылечил, а у меня не получается: все повязки собака снимает и рану разлизывает. А вообще, пес хороший, уж как он будет тебе рад...

И вот на этих словах до Антона дошло: никогда не увидит он больше Байкала — столько собаки не живут; и не поедет он к батюшке и не станет писать в ожидании елейных ответов. Бога нужно искать здесь, жизнь нужно выстраивать здесь, действовать нужно здесь и сейчас. Иначе все получится как в мамином письме: будет он эдаким тюфячком, запинываемым окружающими в пыльный угол. «Ничего, — вспыхнул Антон, — мое смирение будет вам солью на раны, рассудительность моя будет только

в отношении силы удара. Жечь нервные клетки более невыносимо, лучше уж долой зубы, долой кости, долой душу!»

Где-то по окраинам ошутимого мира бродила гроза, дальше небо изредка вздрагивало. Решительно, рискуя не уложиться к отбою, Антон отправился к вора. Старый идеалист-законник со змеями мышц под майкой и с рентгеновским взглядом — исчезающий вид, в общем-то, — принял его с интересом.

— Дуэль, говоришь? По-нашему: «перо на перо». Давненько не было. Ты хоть понимаешь, чего просишь? Ведь один из вас лежать останется.

— Я готов, — отвечал Антон.

— Что ж, пусть будет так... Среди своих секундантов ты не найдешь, поможем. Жди.

При этих словах старого вора снаружи клишево вдарил по крыше бродяга гром — все же навалилась гроза. Антон вышел наружу и двинулся обратно вдоль стены, прячась под тощим свесом крыши от ледяных струй. Под огромным тентом, организованным эсками для временного хранения материалов, он было решил перевести дух, но из влажной холодной темноты выделилась стройная тень. Все сразу же, словно в комиксах, стало желто-черно-белым. В частности, белел шрам на щеке незнакомца.

— Ну че, гуинплен, вопросы обкашляем?

«Видел, видел, где-то я видел его, — металась мотыльком в голове у Антона мысль, — и где-то слышал его голос!»

— Ну че, давай отвечай за бабу мою, за ребенка!

Тут только Антон заметил в руках оппонента длинную надежную отвертку. На колебания уже не хватало духа. Гвоздь, загодя переложенный в карман, так и рвался наружу. Антон шумно выдохнул, и в возникшем через секунду беспамятстве резанул через вечерний воздух стремительную дугу, метя в белый зигзаг шрама. Щека незнакомца распалась надвое, обнажились во всю длину верхний и нижний ряды зубов, белизну затмила ярко-ярко-красная пелена. И тут же все закончилось. Картина была страшная: словно поверженный дьявол с безумным оскалом, незнакомец боком-боком стал отступать в свой барак. Антон же постоял несколько минут, желая вынести расправу, если понадобится, прямо здесь. Однако ничего не случилось, никто не вышел, погони не было. Смертельно уставший, он вернулся и упал на свою шконку в беспамятстве.

Ничего не случилось и на следующий день. И на последующий. Антон напряженно ожидал возмездия, старался не выпадать из коллектива, не отбиваться от стада. От упадка сил накатил хворь, поддаваться которой было нельзя, — у врачей наверняка его встретит урка с рваной щекой. На третий день Антон прямо в рабочей зоне упал в обморок и очнулся все-таки в лазарете. Но только для того, чтобы опять провалиться в беспамятство. Организм боролся с воспалением легких. Где-то через неделю, когда бред стал практически материальным, лекари сообразили, что без антибиотиков не обойтись. Отходил долго. Почти через месяц вернулся он, невесомый, словно былинка, в свой прежний барак, где ему сообщили, что общим базаром решено было, что он чист перед обществом и что все порешилось в тот самый вечер. Оппонента его, кстати, заштопали и отправили куда-то на север. Получается, в лазарете они разминулись на считанные часы.

Антон ходил, работал, ел, спал и дышал, дышал. Дышал! Наступила весна, в клетчатые окна удавалось подхватить лучик солнца и носить, как котенка, у себя на плече до самого вечера. Силы и жизненные соки возвращались, а главное, ему снова стало по-хорошему на все наплевать: на то, что было, и на то, что будет. Он жил текущим моментом и с интересом смотрел на людей. Без опаски теперь подходил к спортивному уголку — вотчине лихих отморозков, царей беспредела — где, дождавшись очереди,

подтягивался или отжимался на брусьях. Все видели и принимали его уравновешенность и полуироничный настрой, ни у кого не возникало мысли хотя бы усмехнуться, глядя на его первые потуги. А он прогрессировал, тело вошло в раж. К концу лета Антон уже делал на перекладине до десяти честных выходов силой и крутил крайне рискованные гимнастические элементы. «Спортсмены» на него стали смотреть с уважением, брали в спарринг-партнеры и обучили паре надежных способов выключать противника любой комплекции. При этом они знали, что никакая это не инвестиция, парень сразу же дал понять, что в боевики не собирается, что в свободное время активно прокачивает голову.

Для занятий, к которым Антон тяготел, в колонии нашлись самые подходящие условия: распорядок, уверенность в завтрашнем дне, отсутствие раздражителей из числа источников наслаждений. Хочешь философствовать — всегда пожалуйста, писать — сколько в тетрадочку влезет, читать — читай до посинения. Тюремный школяр благодаря Семенову был обеспечен потоком литературы и даже конспектов. Ко всему прочему он завел обильную переписку с другими преподавателями и заочно стал звездой университета. В результате к нему приехала как-то рыжая, как божья коровка, журналистка из молодежного издания, на вопросы которой Антон охотно отвечал в течение двух часов, зарядившись сеансом на целый год.

А еще он нашел Генриха Брацлавского, известного когда-то давно прокурора. Из тех, кто за справедливость. Про которого ходили истории о том, как он в своих же делах вставал на сторону защиты и не допускал таким образом предательства правосудия. В письме этому старому юристу Антон излагал свою судьбу, просил совета и помощи, по наущению товарищей живописал несостоятельность его сына как адвоката, взывал к тому, что нужно исправить ошибку. Как выяснилось не без помощи Семенова много позже, чудом Генрих Брацлавский получил это письмо и забрал с собой в больницу, куда отправился догорать после инсульта. Несмотря на недуг, бывший прокурор нашел в себе достаточно мыслительной энергии и воли для того, чтобы надиктовать медицинской сестре имена своих дельных коллег и прежних учеников. Однако письмо это так и не попало к Антону. Иван Брацлавский к тому времени уже шакалил возле отца и перлюстрировал всю его корреспонденцию для понимания обстановки вокруг наследства.

Так вот, маленькими вагончиками, и ехали-ехали дни заточения. И было их больше и больше, чем витков колючки по периметру лагеря. Какие-то дни выдавались серыми, без впечатлений, такие связаны были обычно с бюрократическим ходом подачи прошений. Какие-то были пестро расцвечены новыми темами и озарениями. Какие-то были иссиня-алыми, это были дни заварух на зоне. Тянул и тянул паровозик за собою длиннющий состав. А небо, а небо по ночам смотрело одинокой звездой на Антона, и подмигивало звездой, и желало всего хорошего.

XXII

Еще непонятно, когда лучше работать. Когда дождь, как вчера, или когда вот так резко и горячо прямо с утра поливает солнце? И вот ведь какое дело: скинешь спецовку — под майку, туда, где заканчивается трудовой загар, набивается свежий ветер, слишком свежий; снова набросишь — словно костер на спине развели. А главное — привспотел изрядно уже в самом начале, когда дерн да корни выбирал. И вот такому мокрому и деваться некуда: то жар, то холод. Пойти бы к хозяйке воды попросить, так она к себе в аптеку давно убежала. Да и зверем на всю бригаду смотрит, ой как не хочется ей, чтобы столб у нее на участке был. Долго они с бригадиром судили-рядили,

в каком месте копать, и выходило как-то неудобно для телефонной сети, мало того, что столб на гражданском участке, так еще и зигзаг какой получается! Ладно, хоть бригадир потом шепнул: яму молча на полтора метра ближе к забору сместить. «А где полтора, там и два», — уже чисто от себя можно добавить. Все прямее линия будет. Вот и накинул своих полметра. Тем более там, где условлено было, начал копать, так останков какого-то старого дуба не оберешься, а тут хоть и угольным шлаком посыпано, но идет легче. Ладно, ничего. Уж когда столб водрузим, так кричи не кричи, переделывать не станем.

Вообще, конечно, скорей бы разряд получить. Тогда можно будет рядом с техникой ходить, покуривать. А так посылают самого молодого елозить лопатой там, куда ямобуру не подобраться. А ну-ка сядем закурим и пораскинем-помечтаем о всяком.

Итак. Нужен разряд, и нужны основания для него. Стажа на текущем месте набралось достаточно. Теперь бы на обучение попасть. Лучше всего на курсы какие, подальше от лопаты. Надо идти в отдел кадров. Тем более что отдел кадров свой и совсем не страшный, не пугает. И даже очень привлекательный. Там только до Любы дойти, а больше ничего и не надо — сама все сделает, все оформит, да еще и с улыбочкой. Вот пусть чего и посоветует (бригадир-то вряд ли доволен будет, у него и так недостаток кадров). Так вот Люба. Пойти, значит, к ней... Во, точно! Конфет принести, тем более что обещал. Ага, значит скажет она, какой порядок для получения разряда установлен, а мы будем гнуть свою линию — хотелось бы работать на технике, и лучше б на кране, краны всегда нужны и далеко не ездят, возни с ними мало.

Отучимся, скажем, и потом два-три года на ямобуре, если пустят. Да пустят, конечно. Сеть развивается, техники прибавляется, ею управлять нужно. Поднакопим, значит, денег. Ну и надо будет наконец мамане крышу перекрыть, ондулином, по-современному. Веранду, может, перестроить. А там пора и о дальнейшем подумать. Не всю же жизнь ямы копать. Например, на башенный кран переучиться. Уходить, стало быть, придется в строительный трест. И переезжать в Псков или даже в Питер, где ж еще башенные краны в почете? К тому времени надо, чтобы Люба уже в стойле была. Ну, а на башенном-то кране хоть до пенсии можно. Ну или еще чего новенькое, интересное придумается, опыт-то ведь поднакопится, смотреть-то уже шире будем! Да-а, в городе-то возможностей больше. Кто знает, может, «купи-продай» завлечет. Главное — жену обеспечить, пусть дома сидит, за детьми смотрит. А если с Любой, так их не меньше трех будет, она сколько хочешь вывезет, выкормит. Люба, Люба.. И ножки-то не короткие, но и не спичечки. В самый раз, чтобы формы задорные достойно нести... А глаза-то зеленые, да губки как вишенки, да все это к высокому лбу, да к русому волосу... Скоро-скоро ноченька длинная, где блеснет тело белое, где испарина выступит... А надо яму заканчивать да секцию забора снимать — бригада скоро столб приволочет.

Окурок в сторону. Широковато взял, но иначе с глубины грунт тяжело выбирать, тем более что глина пошла. Эх раз, да еще раз...

Утро уже на излете, скоро грянет мелодия дня. Дрозды, осмелев, совершают последний обход грядки с клубникой. Млея от солнца на крыше времянки, лениво на них смотрит кот. И ветер. И шумит переливчато ветер в липах и кленах. И еще видно коту, как из окрестных дворов потянулись на площадь у почты в разноцветных одеждах детишки. Затеяли играть в мяч. Не обращая нисколько внимания на опасные траектории этой игры, прошла и бросила в ящик конверт стройная женщина в черном. И ушла по прогону меж вытянутых огородов картошки. Через месяц уже осень, срежут ботву с этой картошки, и если не будет дождей, вывернут еще через пару недель из земли дружные клубни.

Вот ведь осень... Вроде пора увядания, а вроде начало жизни. Людской, по крайней мере. Отправятся в школу вот эти детишки, начнется учебный год. Все окончательно выйдут из отпусков, смело начнут новые дела. На одну только подготовку к зиме сколько уйдет энергии: сбор урожая, ремонт дорог, теплосетей, опять ремонт дорог... Какое там увядание?

На курсы отправится молодой электромонтажник, начнет пробивать новую дорожку в будущее. Но пока он копает яму под столб на участке аптекарши. Уже почти по пояс, уже нет мокрых комьев, уже не встречаются дождевые черви...

Но что это? Он остановился. Замер. Наклонился и смотрит внимательно вниз. Осторожно шевелит лопатой, потом сапогом. Опять смотрит. Выпрямился. Побежал на соседнюю улицу. Туда, где шумит техника, где бригадир.

А спустя несколько часов, ближе к вечеру, пожилой районный следователь, недавно откуда-то из-за Урала переведенный на место возвысившегося Аристова, определил, что, бережно раскопанные экспертами, протянулись к нему из глубины, из тенет толстого полиэтилена, останки тела, без сомнений принадлежавшего среднего роста девушке. Канувшие в летопись моды фенечки ясно говорили о возрасте.

Все это время к незримому краю следственной арены проридались жители поселка, глазели в середину ее, задавали вопросы плюгавому участковому — тот пожимал плечами — и уходили продолжать свои будни. И лишь трое из них — вернувшаяся со службы женщина в черном и обрюзгшего вида кладбищенски бледные муж и жена — оставались у изгороди непрерывно.

Глядя на них, глядя на безразличную к происходящему хозяйку участка, следователь, выругавшись беззлбно, попросил отворить здание почты, чтобы устроить там оперативный штаб. Первый звонок его был самый тяжелый — домой. Опять его жена и дети проведут без него ночь в недообустроенной съемной квартире, с ворохом нерешенных проблем переезда.

Затем он звонил дежурным местных отделов милиции, в справочные и через «не хочу» на разные номера Аристова, но так и не дозвонился до него.

Допрос свидетелей он начал с женщины в черном. Он подумал, что это именно ее потерю сегодня нашли в земле. И не ошибся.

Спустя некоторое время, когда ветер сел и вечер тихо поплыл в медово-вельветовом аромате каких-то цветов, когда деревья потеряли свою явственность, когда появилось на небе расчесанное, словно жидкие волосы древней старухи, облако, следователь, уставший от тяжелого своего опыта, курил, сидя на ступенях почты, с тоскою сознавая, что очередной обычный житейский детектив начнет он сегодня ночью грузить в желтые папки, которые понесет в суд и которые со многими-многими другими папками пополнят архивы, подпирая унылое мироздание, отдаляя людей от великого.

Фазивази.

XXIII

Допрос Т. Г. Сычевой

Допрос начат в 11 часов 35 минут.

Допрос закончен в 13 часов 20 минут.

Ст. следователь Трифонов Е. М. в помещении каб. № 302 СО по Своросовскому району при прокуратуре РФ допросил по уголовному делу... в качестве обвиняемой Тамару Георгиевну Сычеву, 19.. года рождения.

ОБВИНЯЕМАЯ: На момент допроса чувствую себя удовлетворительно, готова добровольно без какого-либо физического и психологического принуждения дать показания по существу уголовного дела. По существу заданных мне вопросов могу

пояснить следующее. Последние пятнадцать лет я формально работаю в должности помощника провизора, а по факту провизором в аптеке поселка Зори. Зори — поселок небольшой, аптека одна, поэтому меня знает практически каждый житель, и я знаю многих. В том числе потерпевшую Екатерину Оброкову и ее семью. Родители потерпевшей и сейчас регулярно посещают аптеку.

Относительно событий, случившихся 6 марта, я могу показать следующее. Это был выходной день, и я занималась работой по дому. Примерно в 6 часов вечера я услышала звонок в дверь. У меня нет собаки, поэтому по участку можно пройти до самого дома. Когда я открыла, то увидела, что на пороге стоит потерпевшая. По ее внешнему виду я поняла, что она сильно волнуется. Еще я заметила, что, несмотря на холод, она была одета в короткую юбку и легкую куртку не по погоде. Потерпевшая сказала, что у нее есть ко мне разговор, и я пригласила ее пройти внутрь, согреться.

Она рассказала, что встречалась с одним приезжим мужчиной, который проживал на улице Тупик у Заремы Романовой. Отношения с этим мужчиной продолжались в течение полугода, в результате потерпевшая забеременела.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Вам известно имя и местонахождение этого мужчины?

ОБВИНЯЕМАЯ: Нет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Каким образом потерпевшая установила факт беременности?

ОБВИНЯЕМАЯ: Во-первых, задержка цикла и все признаки по самочувствию. Во-вторых, она сказала, что использовала экспресс-тест. За ним она специально ездила в другой поселок. У нее очень строгая мать. По словам потерпевшей, никто больше не знал о беременности. Также она сказала, что хочет избавиться от плода, но не знает, как это сделать, поэтому пришла ко мне за советом. Она объяснила это также тем, что боится попадать в лечебные учреждения. Я спросила ее про срок, и она определила его как 8 недель. Ничего, кроме обращения к врачу, я ей не могла посоветовать. Однако потерпевшая спросила меня про народные средства прерывания беременности и про мой опыт. Я ей соврала, что в молодости делала аборт у знахарки методом введения «бужа» и что стала в результате бесплодной. Я хотела ее напугать, чтобы она ушла. Но потерпевшая впала в истерику и просила помочь ей. Видя ее состояние, я предложила ей попробовать избавиться от плода с помощью горячей ванны. Она обрадовалась, что все так просто, но сказала, что дома этим заняться не может, и уговорила меня предоставить ей ванну.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Потерпевшая предлагала вам за это оплату?

ОБВИНЯЕМАЯ: Да. Сто тысяч рублей.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Потерпевшая объяснила как-то происхождение денег?

ОБВИНЯЕМАЯ: Она сказала, что ей удавалось откладывать из того, что давали родители и тот мужчина.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Хорошо, продолжайте. Что было дальше?

ОБВИНЯЕМАЯ: В общем, я согласилась ей помочь и спросила, когда она готова это сделать, при том, что все займет несколько часов. Потерпевшая сказала, что удобнее всего прямо сейчас. Мне тоже это было удобно. Мы были на кухне, я дала ей початую бутылку водки, там оставалось граммов 300, и сказала, чтобы она все выпила, пока я готовлю ванну. Еще дала хлеб, луковицу и клюквенный морс.

Когда я наполнила ванну и вернулась за ней, то обнаружила, что в бутылке осталось порядка 100 граммов, а она уже пьяная сидит и раскачивается на стуле. Я сказала ей: «Пошли». Мы прошли к ванне, и я наказала ей терпеть жар и сидеть, пока не остынет. Она стала раздеваться, и я ее оставила. Я продолжила заниматься домашними делами. Через час я вернулась к ванне и увидела, что вода стала красной от крови. Потерпевшая сидела в ней с закрытыми глазами. Я думала, что она спит, потрогала за плечо и поняла, что она без сознания. Тогда я достала ее из ванны и оттащила в спальню на кровать. Там я обнаружила у нее обильное кровотечение из половой щели. Я взяла нашатырь и попыталась привести потерпевшую в сознание. Но у меня не получилось. Она стала очень бледная, и я поняла, что она потеряла

много крови. Почта была уже закрыта, и я побежала на станцию, чтобы вызвать «скорую». По пути мне никто не встретился. И с полдороги я решила вернуться, потому что мне показалось, что потерпевшая могла прийти в себя и кровотечение могло остановиться. Когда я вновь осматривала ее, я поняла, что она не дышит, что она уже умерла.

Тогда я прошла на кухню и сидела там, не помню, сколько времени. Я была в шоке. Потом я допила оставшуюся водку и морс и стала думать, что делать. Еще через какое-то время я вышла на двор, взяла лопату и стала копать яму за домом, в том месте, которое не видно ни от соседей, ни с дороги. Но обнаружила, что земля еще не до конца оттаяла и не поддается лопате. Нужно было работать киркой или ломом, с этим самой мне было не справиться. Я пошла спать и спала в гостиной, потому что спальня моя была занята. Утром я ушла на работу, а в обед договорилась со своим прежним сожителем Вячеславом Николаевым, которого в поселке звали Кошмариком, что вечером он мне выкопает яму.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Под каким предлогом вы просили Николаева выкопать вам яму?

ОБВИНЯЕМАЯ: Сказала, что это для помойки. Договорились, что я заплачу 5000 рублей. После работы я пришла домой, возле калитки меня уже ждал Николаев. Он принес с собой лом, начал работать и работал до темноты. Яму он сделал круглой, он не знал, для чего она мне нужна. Потом он просил умыться и согреться и остался недоволен, что я его не пустила в дом. Я заплатила ему и сказала, что на эти деньги он быстро согреется. Николаев ушел, а я дождалась позднего вечера, сняла в ванной шторы из полиэтилена и обернула в них тело потерпевшей. Сверху перевязала веревкой. Ближе к ночи я перетащила тело к яме и поняла, что оно не влезает, надо было сложить ее до наступления окоченения. Тогда я взяла лопату и удлинила яму. Это было сделать уже легче, потому что земля стала рыхлее. Затем я сбросила туда тело, вернулась в дом и стала собирать вещи потерпевшей и белье с кровати. В ванной стоял тяжелый запах, нужно было слить воду с кровью. Когда я наклонилась и опустила руку, чтобы открыть затычку, меня вырвало. Несколько минут я сидела на полу у ванны и плакала. Мне было жалко себя. Затем взяла все вещи, засунула в пододеяльник и отнесла к яме. Закопала все и накрыла шифером. После я легла спать.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Как вы объясните нахождение юбки потерпевшей в дровянике ваших соседей Переваловых?

ОБВИНЯЕМАЯ: Утром я окончательно навела порядок в доме, отмыла все. А когда уже шла на работу, то решила проверить, как при свете выглядит та могила за домом. На пути к ней лежала юбка, которая вымаралась кровью, когда я переносила потерпевшую в спальню. Юбка темного цвета, и ночью я не заметила, как обронила ее. Я взяла юбку, обошла дом и перекинула через забор в дровяник к Переваловым.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: С каким умыслом вы это сделали?

ОБВИНЯЕМАЯ: Хотела отвести от себя подозрения. Я знала, что сын Переваловых когда-то встречался с потерпевшей, и надеялась, что его станут разрабатывать, когда начнутся поиски.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: В свидетельских показаниях ранее старшему следователю Аристову вы сообщали, что незадолго до этих событий вы присутствовали при ссоре потерпевшей с Антоном Переваловым. Являются ли те показания ложными?

ОБВИНЯЕМАЯ: Нет. Ссора имела место. Это сыграло мне на руку и натолкнуло на мысль о том, как поступить с юбкой.

XXIV

Отечественный телеком цвел, как молодой яблоневый сад. Сотовый телефон был теперь у каждого приличного родителя, неокученными еще оставались дети, бабушки и дедушки; а там, глядишь, и вторая и третья симкарта потребуется каждому из них. Тарифы безо всякого стеснения и с англосаксонской хитрецей считались в долларах.

Точнее, в неких условных единицах, что совершенно безусловно было круто. Инвесторы, видя такой фонтан, не скупилась и тратили на развитие бизнеса миллионы и миллионы этих единиц. Управлялцам ничего не оставалось делать, как пребывать в раю: абоненты сами приходят, технологии отработаны и внедряются на сети производителями, регуляторы еще недоразвиты и не щемят, конкуренции нет. Рядовые сотрудники тоже были счастливы: занял несколько тысяч, отгадайте чего, у коллег, купил квартиру, со следующей премии отдал — удобно. Все счастливы, все смеются.

Но все же следить за этой шаловливой песочницей было нужно. В департаменты безопасности руководителями назначались люди, учившиеся и служившие в правильных местах.

Игорь Иванович Раджа был пожилой и с пониманием принимал уважение, вызываемое окружающими. Стекло-голубым взором, присущим только служивым, смотрел он на мир. Он видел многое: видел блики снайперской оптики в Афгане, видел, как утекала куда-то внутрь сквозь глазницы жизнь товарищей по первой чеченской кампании, видел испорченных и сломанных участников деловых встреч по разделу городских рынков. И вот теперь он с подачи друга ушел в монашество экономической безопасности. Раньше он передвигался среди трупов и бронетехники, теперь оказался зажат офисными системами: кондиционеры, костюмы, комнаты для переговоров, корпоративные особенности и ритуалы, подлецы, сутяги, подхалимы, рвачи, мошенники, серые мышки, старые гримзы, юристы, рабочие пчелы, машина от фирмы, нежданный кредит...

Сегодня была первая планерка с новым директором филиала. Тот был молод, но без придури. С вниманием принял доклады директоров по коммерции и финансам, покачал головой на идеи директора по маркетингу и серьезно и с одобрением отнесся к предложениям Раджи относительно инцидента в службе развития. Директор же по развитию и главбух, шатенка, отягощенная излишним гонором, докладывали лишь для проформы: они понимали, что им придется уйти. В общем, еще на несколько лет работой и доходом Игорь Иванович будет обеспечен — таков общий вывод. Это значит и внучке нормальную школу справит, и раздолбайка дочь в институте доучится. А главное — дачу достроит и свалит туда ловить пескарей да читать Мопассана. Взамен Северный GSM получит полную уверенность в своем тыле по всем фронтам. Работать на троечку Раджа не привык.

С такими примерно мыслями пришел Игорь Иванович в украинский ресторанчик на бизнес-ланч. Здесь было шумно — много людей. Молодых и постарше, в плоских очках. Все они сидели по несколько за столами, смеялись, закидывая голову, выходили курить с серьезным видом, стильные и однодневные, как кабаки на Рубинштейна.

Бросив какую-то фразу девушке на входе, в зал вошел смуглый парень в футболке и рваных джинсах. Раджа сразу же заметил его, поскольку тот выбивался из общего ритма, точнее, как бы плыл над ним отдельной мелодией, безо всякого, впрочем, диссонанса. И парень заметил Раджу, и направился прямо к нему, и присел за столик.

— Здравствуйте, Игорь Иванович.

— Добрый день.

— Я — Перевалов.

Раджа смотрел, не понимая.

— Я вас узнал по фотографии с сайта. Я пытаюсь заново трудоустроиться в Северный GSM.

— И?

— Вы отклонили мою кандидатуру. Видимо, из-за моей анкеты.

— Да, теперь вспомнил, — честно признался Раджа, — и что вы хотите?

- Хочу работать в Северном GSM.
- Много кто хочет.
- Но мало кто по призванию.
- В смысле? — спросил Раджа.
- В прямом. Спросите коллег из технического блока, мы с ними уже работали.
- А потом вы оступились?
- Я бы сказал, ухнул в яму.
- Конечно же, совершенно случайно? А так вы безгрешны?
- Послушайте, Игорь Иванович, я оправдан. Ничего противоправного я не совершал, в отношении меня правосудие допустило намеренную ошибку.
- Очень интересно, — сказал Раджа.
- Еще интереснее то, что в институты жизни меня пристроил некий Аристов. Вы точно видели его по телевизору. Я думаю, он сейчас, в преддверии выборов, не захочет, чтобы я вдруг появился в медиаполе и начал вонять во все стороны. Так вот если не хотите получить от него волнующий звонок, рекомендую вернуться с обеда и согласовать мое назначение.
- Послушай, молодой человек, — ответил с улыбкой Раджа, — меня пугали уже и били дяденьки пострашнее, чем ты и твой Аристов. И у меня уже давно стоят фильтры на подобное. Но насколько я вижу, ты — искренний в своих чувствах. Давай-ка я пообещаю тебе сейчас только одно: я вернусь в офис, еще раз посмотрю твою анкету, наведу кое-какие справки и переговорю с техническим директором. Лады?
- Подходит. Увидите, мы еще подружимся.

* * *

Новый директор филиала любил посмеяться хорошей шутке и носил идеальный костюм. Понедельничные планерки он перенес на утро вторника. Антон на две недели остался главным по департаменту, и это была его первая планерка в верхах. По этому случаю он надел пиджак и галстук и надеялся, что никто не заметит кроссовок и джинсов. Еще вчера он оценил всю мудрость директора филиала насчет переноса оперативки и на встрече с начальниками служб накидал в блокнот основные вехи двухнедельного существования коллектива (что сделали и планы). Насчет проделанной работы он был зануден и жесток — требовал, чтобы ребята, отчитываясь, употребляли глаголы в прошедшем времени: сделали то-то, закончили то-то.

В переговорную комнату директорского этажа Антон пришел первым и бродил вдоль огромных окон. Наслаждаясь панорамой центра города, он стал свидетелем интересной ссоры. В синей футболке и кепке такой же, высокий, как тополь, и крюкастый, как кривая сосна, мужик показался впервые, когда Антон перевел взгляд с цветных куполов Спаса на крови вниз, на парк: скамейки во время ночного дождя были переташены пьяной компанией ближе к деревьям; одиноко теперь стояли по периметру площади спутницы скамеек — урны; фонари же — в два раза реже, но тоже по кругу, — вся площадь поэтому являла из себя арену сродни цирковой или же спот, сродни театральным пятнам на сцене, что следуют за актером, ищущим темноты. И вот он снова выскочил в такой спот, длинными своими ногами-руками, всем корпусом махая и двигаясь, словно боксер. Для него круг и был рингом. Правой рукой он держал телефон возле уха, левой — совершал движения. Он с кем-то ожесточенно спорил, ругал собеседника, выслушивал ругань в ответ. Ходил по кругу, казалось, сорвется, отбросит трубку и начнет спарринг с тенью.

Удары сыпались один за одним, он что-то коротко, шумно выдыхал оппоненту вслед за движением левой, на каждую реплику в ответ мотал головой, волной уходил и тут

же выпускал длинную серию, пытаясь прижать к канатам, задеть за живое. В какие-то моменты оба молчали, словно в клинче, и тогда кто-нибудь, проходя через парк, словно оживлял невидимый бой.

Так продолжалось пару минут, Антон тоже завелся, захотелось спуститься вниз, подойти и толкнуть мужика в плечо, чтобы зацепило энергией.

Однако тот вдруг резко отставил телефон, посмотрел на экран и ушел с арены на ближайшую скамейку под дерево. Антон видел его: он тяжело дышал, вертел в руке аппарат, ногой отбивал ритм о бочку, а по колену барабанил пальцами, словно бы тут Испания и он исполняет фламенко. Подождав с полминуты, потыкал в кнопки, поднес к уху, послушал. Опять отстранил, посмотрел на экран, потыкал, поднес к уху. Опять посмотрел на экран, поднес к уху, послушал. Окончательно убрал телефон, продолжая ногой отбивать ритм и играть на коленке испанский танец, но немая музыка все замедлялась, замедлялась. Правой он стал вдруг делать изредка косые движения от глаза к щеке, порывался встать несколько раз, но, видимо, не знал, куда пойти. Его победили. Он снял и снова надел на шею тощую черную сумку. Еще раз встал и пошел, теперь окончательно, через спот, через дорогу, мимо офиса Северного GSM и скрылся навсегда, повернув за угол.

Не успел Антон подумать, что надо бы записать в блокнот эту сценку, как появилась главный бухгалтер — молодая, очень молодая женщина при красной помаде и короткой юбке, но сразу было видно, что с ней есть о чем поговорить. «Плох тот специалист, который не мечтает стать директором», — про себя улыбнулся Антон. Прошли и расселись: толстый директор по финансам, не менее толстый административный директор, похожий на колхозника директор по развитию, директор по безопасности Раджа, директор филиала. Последним вошел директор по маркетингу. Пока говорили прочие, Антон испытывал легкое волнение, как перед выходом на сцену поселкового ДК. Когда же наступила его очередь, он оттарабанил о подвигах технического блока и приступил к самому главному.

— По поводу вашего приказа относительно СОРМ, — начал Антон.

Директор ободряюще кивнул.

— Мы решили его не выполнять, — продолжил Антон.

Директор озарился улыбкой ожидания шутки, остальные вскинулись удивленно.

— Точнее, так, — сказал Антон, — мы думаем лучше выполнить план головного офиса по обновлению ядра сети, а затем уже подключать к нему новый СОРМ. Таким образом нам раза в полтора меньше работать придется, а главное — наш технический блок станет первым среди филиалов.

— Риски? — спросил директор.

— Риски минимальные. Мы обсудили с Игорем Ивановичем, он может договориться с товарищем майором об отсрочке. А в случае чего мы органам всю информацию в ручном режиме готовы предоставить по запросу.

Директор филиала взглянул на Раджу, тот утвердительно кивнул.

— Что ж, быть первым мне нравится. Давно ли наш филиал был первым? — спросил собравшихся директор. Собравшиеся задумались.

XXV

С бутылкой шампанского шагал Антон по любимым местам Коломны: Фонтанка, канал Грибоедова, площадь Репина, Квадрат и опять канал Грибоедова... Свобода, весна, Питер, светит яркое солнце, пыль барашками от звенящих трамваев. Хорошее настроение, в общем!

У китайского консульства обогнал направлявшихся к престижному дому молодую маму и двух ее мальчиков. Глянул сбоку — мама в полном порядке: голый животик под коротенькой курточкой, военные штаны с карманами, ослепительно-белые кроссовки. Кепочка еще вязаная. Один из мальчиков лет шести рассуждает вслух: «У Медузы был страшный взор, он обращал всех в камень. Но Персей не испугался, он смотрел в зеркальный щит и отрубил ей голову».

Настроение Антона еще больше улучшилось — с таким поколением не пропадем! Захотелось даже как-то одобрение высказать, обсудить с мальчишкой спасение Персея от прочих горгон. Да чуть ли не мамочке прямо сказать спасибо за такое чуткое воспитание маленького гражданина. Притормозил, чтобы опять поравняться с ними, и тут услышал впервые родительницу.

— Платон, епрст! Смотри под ноги. Как ты меня достал!

Платон промолчал, глядя, как мама колотит перчатками свои прекрасные кроссовки. И Антон промолчал, натянул воротник куртки повыше и поежился, потому что подул ветер, закручивая столбами пыль, скрипящую на зубах.

Заходя в заветную парадную, он все еще думал: «Да уж, из какого только сора не растут теперь дети!»

Удивительно, но на лестнице за эти годы почти ничего не изменилось: ни заклеенное изолентой стекло на втором этаже, ни художества на стенах, ни запахи... Даже перегоревшая — может, еще при Брежневе — лампочка по-прежнему лежала в пыли поверх двутавра, обручившего стены. Поднявшись на свой этаж, Антон не без тревоги обнаружил все-таки расхождения с прошлым: из трех звонков два теперь были подписаны одной, ничего не говорящей фамилией. Он позвонил в единственно значащий: дзынь-ди-дзынь!

Никто не открыл. Еще раз позвонил — в тишине, словно сгустки, отдаленные стуки. Тогда, погасив улыбку, Антон попеременно стал нажимать две оставшиеся кнопки. Сгустки народились в комья шагов, и дверь, издавая знакомые звуки, отворилась. На пороге в свежем халатике стояла женщина, напоминающая сотрудницу паспортного стола.

— Здравствуйте. Я к Евдокии Сергеевне.

— Родственник?

— Нет, я жил здесь когда-то.

— У родственников?

— Почти что. Так соседка-то дома? — нарочито громко спросил Антон, без комплексов стараясь заглянуть внутрь квартиры.

— Нет ее.

— Скоро будет? Я подожду.

— Не скоро. До свидания.

— А Нина Александровна, что с ней? — попытался спросить Антон, но дверь уже захлопнулась.

Антон постучал. Ничего не происходило. Тогда он стал дубасить ногой и долбить во все три звонка. Из-за двери донеслось: «Я сейчас милицию вызову». — «Вызывайте», — прокричал он в ответ и снова стал насиловать кнопки. Реакции не последовало.

Тогда Антон зафиксировал нажатые кнопки спичками, сел на подоконник и стал играть в «змейку». Через несколько минут дверь снова открылась, и на площадку выскочила та же женщина, уже несколько растрепанная. Она огляделась, посрыгала спички и выпалила:

— Сволочь, у меня там звонок загорелся, ты чуть пожар не устроил!

— Значит, еще два осталось, — спокойно заключил Антон.

- Гад, я сейчас мужу позвоню!
- И что? — поинтересовался Антон.
- Женщина, не привыкшая к перехвату инициативы, не нашлась что ответить.
- Так что, поиграем в перезвоны или расскажете мне, что тут за обстановка? Что с Ниной Александровной?
- Она умерла, доля выкуплена.
- Давно?
- Что? Выкуплена?
- Нет, давно она умерла?
- Не знаю, года три назад.
- А Евдокия Сергеевна куда уехала?
- В больницу.
- Ну же, в какую? — с раздражением спросил Антон, вставая с подоконника.
- В Мариинскую.
- А вы кто?
- Хорошие люди.
- Это я сразу понял. Ладно, для первого раза хватит, — сказал Антон, подхватил шампанское и, не прощаясь, направился вниз.

* * *

Охранник на проходной Мариинской больницы с вислыми усами и лицом, словно вырезанным из сала, упирался с таким развязным глумлением, что Антон вышел обратно на воздух, охладиться, чтобы сгоряча не выровнять тому рожу. Как ни странно, покинув свой пост, через несколько минут вышел и сам охранник, отошел в теньчек пыльного клена и закурил в компании медперсонала. В итоге все, кто шел с улицы, свободно крутили турникет и проходили на территорию без остановки. «Вот же тварь!» — выругался Антон и решительно пересек границу.

Представившись внуком, он узнал в регистратуре, что Евдокия Сергеевна находится на кардиологическом отделении. Бутылку шампанского он пристроил у заведующего отделением в обмен на детальную информацию о состоянии пациента: возрастные изменения, перенервничала, нуждается в спокойствии и периодических укрепляющих процедурах — в целом ничего ужасного.

Евдокия Сергеевна лишь только узнала посетителя, тут же расплакалась, и это так не было на нее похоже, что Антон и сам чуть не пустил слезу. Он видел, что старушка, хоть внешне и не изменилась почти, чувствует себя угнетенно, очень сильно ослабла. Тем не менее лучше было с ходу обо всем ее расспросить, чтобы закончить визит чем-нибудь более приятным и обнадеживающим.

Выяснилось следующее. Четыре года назад в квартире прямо с утра вдруг разлилась гулкая тишина, что было необычно — Антон помнил, как Нина Александровна уже с восьми часов начинала греметь кастрюлькой и чайником, готовя на всех завтрак. Тактичная Евдокия Сергеевна до десяти не решалась тревожить соседку, затем, когда на один и на второй робкий стук в комнату не последовало ответа, она толкнула дверь и обнаружила, что Нина Александровна преспокойно скончалась во сне. Поскольку уже давно старушки обменялись друг с другом своими похоронными фундами, погребение не вызвало трудностей.

Трудности начались через полгода, когда выискались вдруг наследники Нины Александровны, принявшие на себя всю тяжесть петербургской недвижности своей троюродной, что ли, тети. Они быстро снюхались с хозяевами комнаты, которую зани-

мал раньше Антон, и сообща продали свои доли одной ушлой бабенке, недавно приехавшей в Питер откуда-то с севера. При бабенке был слабовольный мужичок, недавно уволенный в запас из вооруженных сил. Потенциал у квадратных метров был огромный: выкуп оставшейся части превращал коммуналку в отличнейшую трехкомнатную квартиру в центре. Для реализации этого плана оставалось немного: как-то разобраться с вечно насупленной старухой соседкой, которая пыталась поначалу проповедовать свои порядки, да не на тех напала. Очень быстро она была задвинута на каждом общественном пространстве в одну треть: в ванной, на кухне, в прихожей. Ее норовили задеть при каждой встрече в коридоре, пакостили по-мелкому: обрывали петли у пальто, надолго уносили к себе дисковый телефон на длинном проводе, запирали изнутри квартиру так, что приходилось топтаться на лестнице. В откровенной беседе дали понять, что нужно подыскивать себе комнату в другой коммуналке, населенной такими же старухами или неважно кем. А в итоге они убили Хома. Это был уже второй хомяк Нины Александровны со времен Антона. После смерти хозяйки Хома остался на попечении Евдокии Сергеевны, которая перетащила его клетку к себе и позволяла ему изредка побегать по комнате. Однажды грызун просочился в приоткрытую дверь и спрятался где-то в квартире. «Послушайте, я санэпиднадзор вызову, вас выселят за то, что вы крыс по дому разводите», — в ответ на робкий вопрос наорала новая соседка.

Хома нашелся на следующее утро в кухне, его сплющенное рыжее тельце покоилось под уроненной как бы случайно табуреткой самой Евдокии Сергеевны. Вот это и стало последней каплей. Старушка не знала, что можно будет сказать вечером людям, которые начинают свой день убийством. Хомячка она закопала в скверике во дворе, а когда вернулась домой, поняла, что сейчас потеряет сознание — так заходило сердце, и вовсе не от подъема по лестнице. Телефон, как назло, был опять недоступен. Из последних сил Евдокия Сергеевна собрала вещички, спустилась в старый галантерейный магазин на углу и попросила знакомую продавщицу вызвать «скорую».

— Как-то так я это себе и представлял, — прокомментировал рассказ Антон, — вы не волнуйтесь только. Раз я появился — все будет в порядке. Дайте, пожалуйста, ключи от квартиры и от вашей комнаты. Начинается операция «Антитеррор».

* * *

Еще в лифте соседку Евдокии Сергеевны охватило любопытство, которое лишь усилилось с прибытием на этаж: воздух пощипывали ароматы среднеазиатской кухни. Проницательным обонянием можно было определить зиру, кориандр, жаренную в масле морковь, лук, чеснок. Соседка сложила губы сковородником удивления и принялась открывать дверь. Дверь была заперта изнутри. На протяжные звонки никто не отзывался. Женщина достала сотовый телефон:

— Алло. Ты дома? А скоро будешь? Ископаемое наше выписали. Я тут под дверью стою, а она заперлась и не открывает, не слышит ведь ничего. Ладно, еще попробую.

Женщина стала звонить на домашний номер, затем выругалась: «Ах, ну да!» — и бросила затею. Впечатляющий результат был достигнут нервным стучанием в дверь. Лязгнул замок, и в щель показалось веселое и неожиданное узбекское лицо.

— Чиво нада?

Женщина на секунду струхнула, но быстро взяла себя в руки, не обнаружив никаких проявлений опасности. Тем более что с такими гражданами у себя в конторе она умела работать.

— Как это чего, я живу здесь, ты кто? — громко сказала соседка и сунулась было войти.

— Падажди здесь, — прозвучало в ответ, и дверь снова закрылась.

Женщина в бешенстве бросилась долбиться в квартиру. В этот раз дверь широко распахнулась, и на пороге возник давешний наглый молодой человек.

— Вы к кому? — спросил он.

— К себе! — с вызовом ответила женщина и сделала решительный шаг внутрь, но отскочила, как капля воды от раскаленного казана, — молодой человек совершенно чугунно стоял в проходе, — попытка не удалась.

— Гад, я сейчас мужу позвоню, — как-то неуверенно пробухтела женщина.

— Мужу? Ах, ну да, вспомнил! А я и не узнал сразу. Богатой будете, — наконец уступил молодой человек, и гостя собственного дома, оказавшись внутри, со стремительностью Чапаева понеслась по коридору. На ходу она проверяла непорочность своих закрытых комнат.

На кухне она обнаружила трех смуглых симпатяг, одинаковых, словно братья: один, которого она уже видела, разливал что-то по рюмкам, другой кашеварил у газовой плиты, третий просто курил, сидя за столом.

— Вы что тут делаете? Вы кто такие? — закипятилась женщина.

— Плов готовим, настоящий, узбекский, — ужинать собираемся. Присоединитесь? — ответствовал у нее за спиной молодой человек.

— Кто это такие? — женщина указала на троицу.

— Это мои друзья. Мы сейчас на рынке познакомились.

— И что дальше?

— Дальше погостят у меня, если понравится.

— Где это у меня?

— Здесь. Я снял комнату у Евдокии Сергеевны. Меня, кстати, Антон зовут.

Женщина поперхнулась было рефлекторной формулой вежливости, но быстро нашла и выплюнула:

— Может, Евдокия Сергеевна и налоги платит?

— С этим подходите в конце налогового периода.

— Понятно, вижу, гонора тебе не занимать, но ничего, — она демонстративно бросила на пол сумки, с которыми стояла все это время, и ушла, по всей видимости, к себе в комнату.

Над кухней повис табачный дым, подпитанный ароматами пищи, и зазвучала хоть и несколько принужденная, но все же приятельская мужская беседа.

Через пятнадцать минут раздался звонок, и неугомонная женщина, уже полюбившаяся компании, вернулась на кухню в сопровождении наряда милиции.

— Вот, — просто сказала она и обвела рукой помещение.

Старший из стражей начал без долгих предисловий:

— Кто такие? На каком основании? Документы?

Все четверо послушно предъявили бумаги. Ознакомившись с ними, милиционер бережно убрал их в карман — работающая привычка казенного люда. Узбеки от этого слегка заволновались, так от легкого ветра колышутся листики на кустах. Милиционер о чем-то гнетуще задумался. Антон решил немного облегчить ему службу:

— Начальник, не беспокойся, я умею друзей выбирать. Все справки по фэншую. Отойдем поговорить?

— Куда это, куда это вы пойдете? — закудахтала женщина.

— Гражданка, не волнуйтесь, разберемся, — ответили ей.

«Так и так» описал Антон ситуацию милиционеру, когда они вдвоем оказались в комнате Евдокии Сергеевны. «И вообще, начальник, давай поступим следующим образом: вот вам с коллегами компенсация за ложный вызов, покурите внизу, а ми-

нут через десять мы с друзьями спустимся за документами, и вы с моего телефона убедитесь, что с гражданкой все в порядке. Ну или возвращайтесь и делайте, что хотите», — закончил он. Милиционер был человеком нового времени, посмеялся и нужное решение принял быстро.

Наряд ушел, и женщина в некотором смятении направилась к себе.

— Давайте по-человечески поговорим, — окликнул ее с полдороги Антон и пригласил в ставшую переговорной комнату Евдокии Сергеевны. Женщина покорно вошла.

— Как вы уже поняли, ваши прежние планы в связи с моим появлением откладываются на неопределенное время. По большому счету у вас есть два варианта: наблюдать меня и моих товарищей здесь ежедневно либо с уважением к возрасту проживать под одной крышей с Евдокией Сергеевной. Что думаете?

— Посмотрим еще, — неопределенно сказала женщина.

— Конечно, посмотрим. Евдокию Сергеевну выписывают послезавтра, если я узнаю, что ей здесь все так же тоскливо, второго шанса не будет. Вы, кстати, играете в бридж?

— Что?

— Игра карточная, пара на пару. Я возрождаю традицию турниров по выходным, даже сам буду заскакивать. Ладно, пойду провожу ребят, они непосредственные очень, кастрюльку вашу одолжили. Завтра вернут.

— Не надо. Пусть подавятся.

— Ну тогда спасибо вам от их имени.

Узбеки, спешившие воссоединиться с документами, энергично спускались пешком, а лифт тем временем вытолкнул на этаж потрепанного мужичка, который несомненно хорошо умел таскать воду. У входа он столкнулся с Антоном.

— Так вот вы какой. Много наслышан. Жена о вас высокого мнения. Я Антон.

Внизу шандарахнула дверь на улицу.

— Филипп, — вздрогнул мужичок и протянул влажную ручку.

— Рад знакомству!

— А-а-а... — начал было мужичок.

— А все вопросы к супруге. Чудная женщина, мы с ней прекрасно ладили. Ну, до свидания!

И Антон вскочил в лифт, который с лязгом и гоготом покатил вниз.

Пришлось долго добираться сквозь более мелкие магазины к Дому книги, где искомое и было найдено. В итоге, прочтя на сон грядущий вводную часть с описанием систем торговли в контрактном бридже, Антон не удержался от восклицания: «Неужели все они выучивают эту ахинею!»

Чего только не сделаешь из добрых побуждений и принципов! Завтра на работе нужно будет обзвонить всех этих старичков и организовать первый после трехлетнего затишья турнир.

Да много чего в принципе нужно сделать помимо заботы о Евдокии Сергеевне: найти жилье ближе к офису, одежду купить, кучу всего для мамы проверить в Зорях, записаться в автошколу...

Он начал чувствовать себя Гулливером, которого маленькие и большие дела и заботы все больше опутывают, как лилипуты. На творчество остается совсем немного времени. Никуда не сбежишь. И все же в сравнении с зоной — это приятные хлопоты: солнечное утро, ты вышел из дома и можешь идти куда угодно, тебе доступны самые далекие дали и вещи. Ты сам здесь, на вольной воле, нет этого мужского коллектива, под чьим многолетним выпукло-равнодушным взглядом ты не можешь быть самым собой до конца и не можешь в то же время надевать маски, ибо снятая рано или поздно маска опущению равносильна. И свобода эта, и темнота эта, и скрипящий над ухом

комар, и обязанности и путы в вольном социуме, Господи, как это все хорошо! Какая же это живая влага! Как хорошо быть здесь человеком!

XXVI

Тайга куда-то пропала. Еще весной из пушистого неуклюжего бесполого шара она стала ловкою сукой. Она умела ждать терпеливо прогулку, при этом могла сигануть через двухметровый забор; она не встречала пустозвонно прохожих, она выбирала из них, направленных на участок; она понимала команды, поданные ей литературным русским языком...

А вот сегодня с утра пропала. Ушла собрать вокруг себя нескольких кобелей, ведомая алгоритмом, заложенным во все белковые формы планеты. И пропала. Кобели разбрелись по дворам, а ее не было.

Антон приехал к маме на выходные. Анна Андреевна ни за что не собиралась прощаться с дымчатыми Зорями и менять их на мегаполис, где под звуки рекламы пахло бензином и пылью. Да тем более что уже было не бросить строящийся новый храм, для которого она вела всю бумажную канитель.

К выходным приклеился праздник, который все не могли запомнить, так называемый день России, в простонародье «День независимости». Антон переделал все, что планировал: наколот дров, поправил и подкрасил ворота, подключил привезенную в прошлый раз стиральную машину и даже нашел время вытащить на солнышек раскладушку, чтобы, поедая обжаренный на сковороде арахис, прочесть пару рассказов из сборника «Зарубежный детектив». Похождения матерых джентльменов, с улыбкой отметил он про себя, как и в детстве, вызвали прилив необычайной крутости, погасить которую помогла только череда упражнений на турнике. После этого было так нестерпимо сладко омыться из летнего душа настоящей на солнце водой.

От нечего делать, когда вечер стал темно-сливовым, Антон решил пройтись, поискать Тайгу. Поселок успел за эти несколько лет изрядно отстроиться, на месте прежних скверов и летних детских лагерей весело светились окошки домов, где жили новые приятные люди. Дорожки в большинстве своем покрылись асфальтом, заработали два новых магазина. Однако сгорела старшая школа и закрылась аптека, поэтому старшекласники и алчущие лекарств ездили теперь в соседние Петушки.

Антон отправился на окраину, где за футбольным полем, над стихийными свалочками, еще колыхался лес. Там, возле подгнивающего пруда, любили бродить собаки, отыскивая объедки после хмельных компаний. Еще издали Антон заметил робкое пламя, одолеваемое синюшным дымом какой-то помойной рухляди. Безо всякого волнения подойдя поближе, он обнаружил, что это подобие костра организовано из наломанных зеленых кустов и каких-то тряпок. В сознании здесь пребывал только Ебуа: два его собутыльника давно откатились в анабиозе на край светового пятна и посапывали там, напиваясь вечерней сыростью земли.

— Физкультпривет, собаку мою не... — начал было Антон и тут же осекся. Чуть в стороне от тех двоих лежало что-то волнующе знакомое, что боковым зрением сначала он принял за набивку выпотрошенного тюфяка. Теперь же, когда с капающим свистом молодых веток огонь разгорелся поярче, стало ясно, что это Тайга. Вытянутые, словно ножки у стула, лапы мрачно указывали на то, что на голос хозяина собака уже никогда не отзовется.

«А-а-а-й», — отчаянно протянул Антон и склонился над ней. Глаза ее были открыты, и по правому уже полз муравей. Появляясь из шерсти только в районе холки, тянулась в сторону сделанная из тонкой проволоки удавка. Антон погладил остывшую морду и повернулся в сторону Ебуа.

— Зачем?

— А-а. Толян... на спор... гы... — промычал тот, не то усмехаясь, не то рыгая, и показал на одного из скукоженных.

— Но как? — сокрушенно не верил Антон.

— Десантура! Гы-гы! — определенно смеялся Ебуа. Он, казалось, испытывал Антона. Антон помолчал, покачал головой и сказал, доставая синюю пачку «Pall Mall»:

— Подожди минутку. Я успокоюсь, и мы продолжим.

— Дай-а-й сигарету, — попросил Ебуа.

Антон вынул из пачки еще одну сигарету и кинул ему, надеясь, что тот залипнет и заткнется. Ебуа кое-как нашел ее в складках своих одежд, при этом отломил фильтр, с трудом вытянул горящую палочку из костра и закурил, прикрыв от дыма глаза.

Антон было ушел в темноту, но там сразу же одолели комары, мешая сосредоточиться. Пришлось вернуться и присесть ближе к огню на обгоревший старый чурбак. Жар наконец иссушил молодость веток, и они разом вспыхнули озаряя тошнотворную картину жестокой попойки. Антон смотрел в сторону Тайги, но все-таки сквозь нее. Никотин окончательно сморил Ебуа, и тот так и заснул, сидя с дымящимся окурком в углу рта. Двое его приятелей лежали по-прежнему не шевелясь.

Антон докурил и бросил останки сигареты в костер.

— Ты знаешь, дядя Иван, есть хороший человеческий принцип: «Увидев безобразие, не проходите мимо». А здесь ведь ну совсем... Ну как я могу пройти мимо, — спокойно и как бы оправдываясь сказал Антон и обвел взглядом окружавшую его мерзость.

Ебуа приоткрыл глаза и снова сомкнул, убаюканный размеренностью речи.

— Я верю в то, что люди могут меняться, нужно только, чтобы ошпарило как следует. По себе знаю, — продолжал Антон, — и в каждом, даже в самом пропащем и деревянном, теплится добрый разум. Мы сейчас поставим эксперимент в подтверждение этой теории и попробуем высечь из тебя искры этого разума.

Ебуа все так же спал.

Антон встал, подошел к нему и толкнул легонько ногой в плечо.

— Хорош кемарить.

— Ты че! Ты че!! — чуть не подавившись окурком, встрепенулся Ебуа, отчего десантник Толян тоже очнулся, оценил обстановку и зарычал, пытаясь подняться:

— Кто такой? Иди сюда!

Антон подскочил к нему и от всей души ударил в голову. Может быть, сломал челюсть. Толик упал обратно и замер надолго.

Когда Антон обернулся к Ебуа, тот уже вставал, и в руках у него мутно и нехорошо поблескивал огромных размеров кухарь. Как назло, ветки почти догорели, и стало вдвое темнее. Антон подхватил чурбак, на котором сидел до этого, и со всей силы бросил в сторону нападавшего. Удар пришелся в корпус, Ебуа завалился на спину, выронив нож. Антон подбежал, поднял оружие и со всего размаха ударил противника ногой по печени, отчего тот тоненько заскулил и свернулся в клубок.

Пользуясь установившимся затишьем, Антон наломал в окрестных зарослях веток посуше и вместе с остатками какой-то найденной тут же мебели принес и бросил в костер. Подождал, пока огонь разгорится поярче. Подошел к трупку собаки и снял удавку. Крутящими движениями порвал проволоку надвое и одной из половин связал Ебуа руки с ногами, перевернув прежде его на живот и упершись коленом в спину. Пленный оттого, что тонкие путы режут тело, стал понемногу трезветь, осознавая происходящее.

— Ну как? Прибавилось смысла в жизни? — ободряюще спросил его Антон и повернул на бок.

— Убью! — прошипел Ебуа, пытаясь добавить в голос грома.

— Ага, понятно. Тогда начнем, — сказал Антон, накидывая ему на мизинец остатки проволоки в виде колечка. В пространство между пальцем и проволокой он затем вставил палочку, от которой Ебуа десять минут назад прикуривал, и стал закручивать петлю, поясняя:

— Смотри, я буду так крутить, пока не лопнет, затем отрежу твоим тесаком и прижгу углем. Потом перейдем к следующему. Процесс можно остановить только одним способом. Ты вспомнишь и прочтешь мне стихотворение. Не какую-нибудь похабщину, а из классики что-то. Уловил?

— Убью, — пообещал Ебуа, но уже как что-то необязательное.

— Ясно. Подожди, рубашку сниму, чтобы не заляпаться.

Голый по пояс Антон, не обращая внимания на комаров, продолжил накручивать проволоку.

— Вспоминается что-нибудь?

Ебуа молчал, окончательно протрезвев. Кольцо уже плотно облегало распухший от алкоголизма палец. Костер разошелся и бушевал вовсю, глупые мотыльки пытались порхать над ним, но загорались и сыпались вниз. Ебуа молчал, было видно, как ему тяжело, сжав зубы, он решил проявить максимальную стойкость. Петля уже наполовину прожала отекшее мясо, и боль из мизинца настойчиво транслировалась в мозг.

— Стишок?

Вдали в поселке истошно перекликались собаки. Под набегающим ветром стонали деревья.

— Стих?

Палец уже начал наливаться и свекольно темнеть. Лицо испытуемого покрылось плоскими каплями пота, тело крупно тряслось. Антон заколебался, потянулся за ножом и неуверенно стал сочинять плаху для экзекуции. Вдруг из травы, куда, словно стыдясь, Ебуа уткнул свой мокрый рот, донеслось что-то.

— Что? Не слышу, — сказал Антон.

— Я вас любил: любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем...

Антон замер, не веря своим ушам. Во тьме, над пьяной гарью, над болью и смертью, над очерстевшим миром, звучали великие стихи о любви. И не приходилось тчепу мучительно вспоминать их. Достаточно было первой строчки, а дальше слова цеплялись друг за друга сами, ибо расставлены были в единственно верном порядке. Так растут кристаллы: от одной ячейки разбегаются многие-многие другие. Вечный закон гармонии, не изложенная до сих пор математика жизни. Ебуа дочитал до конца то, что в последний раз видел и слышал школьником, и застонал, и зарыдал громко, весь сотрясаясь, не обращая уже никакого внимания на впивающуюся проволоку.

Антон с расцветающим душевным облегчением рассек ножом путы, раскрутил палец и за шкуру привел подопечного в сидячее положение.

— Так-то. Эксперимент признаем удавшимся.

Ебуа все еще плакал.

— Завтра же, дядя Иван, иди к церковникам. Просись на любую работу, просись хотя бы просто тусоваться с ними. Лучше для тебя не придумать — пусто вокруг как-то. Я же буду узнавать, как ты там. Забьешь — повторим эксперимент. Не веришь?

— Верю, — пробормотал Ебуа.

— И я верю. Вот и будем с тобой ходить по земле и верить. Может, у нас и жить праведно выйдет.

Антон забрал рубашку, закурил и ушел, а когда через пятнадцать минут вернулся с лопатой, то с удовлетворением отметил, что Ебуа по ту сторону пруда движется в сторону своего дома — всем известной утлой серой избушки, нижние венцы которой давно уже были изъедены насекомыми и рассыпались, крыша которой текла, а угол, глядящий на запад, скурвился и зацвел плесенью.

Тайгу Антон закопал в лесочке неподалеку от места гибели. Аморфные участники сцены у костра продолжали спать, вздрагивая небритыми кадыками. Тот, с ушибленной головой, похоже, чувствовал себя как всегда. Все успокоилось, и было слышно, как в пруду липко плещутся караси.

Антон тихонько пробрался в дом, все предметы которого поблекли в угоду позднему часу и воспринимались как матовые тяжелые тени. Нужно было скорее забыть-ся, чтобы эта одурь прошла. На сонный вопрос матери, все же услышавшей его перемещения и скрипы, он ответил:

— Не нашел, завтра перед отъездом еще поищу.

В электричке на следующий день он видел рыхлого парня в круглых очках, наверняка студента. Тот стоял с безотчетным благодушием в тамбуре, осиянный солнцем, и с наслаждением читал толстую книгу. Надоедливый слепень, влетевший к нему на остановке, атаковал его то в плечо, то в ухо, то в щеку, наконец сел на секунду на подбородок и тут же прижат был об воротник рубашки. Но и этой секунды хватило, чтобы через минуту на молочной натянутой коже выскочил целый холм, очень быстро прибавлявший площадь, отчего несколько уплотнился, а местность вокруг краснела на целые сантиметры. Молодого человека, однако, это нисколько не занимало — так он увлекся чтением. И Антон осознал вдруг, что это уже новое поколение, что оно будет наступать беззаботно на пятки, счастливое своим счастьем, лютого горя не касавшееся. С ним нужно будет дружить, соперничать, сотрудничать, несмотря на то, что весовые категории выглядят как «волки против домашних тузиков».

XXVII

Разговаривая с дежурной сменой по телефону, Антон ходил по лужайке возле клуба, грелся в весеннем солнышке и сшибал ногой головы одуванчикам. Все оттаяло этой поздней весной, забравшейся в календарь лета, все зацвело, и все отжурчало во всех канавах. Скворцы уже давно вернулись к людям, давно переженились лягушки. Вопрос дежурной смены вполне мог подождать до вторника, когда Антон вернется в Питер и доберется до офиса. Здесь же, в Зорях, ему оставалось еще одно дело, которое он спланировал на этот приезд, — прохождение последнего искуса, еще одна тренировка для воли. Он закончил разговор и направился на Зеленую улицу (бывшую Жданова).

Иван Оброков веерными граблями собирал прошлогоднюю листву в ржавую бочку — крематорий для всякого праха — и делал вид, что не замечает стоящего возле калитки Антона.

— Здравствуйте, дядя Иван, — позвал его Антон.

Оброков затравленно оглянулся в сторону дома, желая спасительного пришествия жены. А та и действительно увидела все в окно и вышла.

— Здравствуй, Антон, — осмелев, поздоровался Оброков.

— Привет, кобелек, — сказала подошедшая Анна Валерьевна.

— Кобельком я был семь лет назад. Теперь я волков давлю, тетя Аня.

— Что нужно? — спросила Анна Валерьевна, подбоченясь.

— Я пришел за письмами.

— За какими это? — насторожилась Анна Валерьевна.

- За своими и Катиными, если они были ко мне.
- Ну зачем ты ворошишь это дело? Зачем мучаешь нас?
- А просто оно мне памятно.
- Иди отсюда, нет ничего.
- Я ведь каждый раз вам при встрече буду напоминать. Оно вам надо?

Анна Валерьевна задумалась ненадолго, затем направилась к дому, на ходу бросив мужу: «Пошли. Принесешь».

Оброков, прежде чем сунуть через забор несколько куцых бумажек, вынул их из папки, оставив ее себе.

Дома Антон взял на чердаке коробку и спустился с нею и с взятыми у Оброковых письмами в сад к яблоням. По привычке ожидал, что сейчас подбежит Тайга, и он погладит ее нагретую солнцем добрую морду. Вздрогнул и болезненно сморщился: Тайги теперь не было. Он раскрыл коробку и перебрал лежавшие в ней вещи: несколько старых тетрадей, школьный фотоальбом, клочки, исписанные стихами, россыпь солдатов, огрызки карандашей, бисер и остатки подаренной Катей фенечки. Закурил и прочитал одно из писем:

Привет, Катюшка!

Пишу тебе из собственных апартаментов — комната 25 кв. м с видом на канал и на краешек маковки Исаакиевского собора. Его видно, даже когда лежишь в кровати. Кровать очень большая...

Погоды стоят шикарные, брожу после института до темноты по улицам. Это если есть время. А времени обычно нет, много учебы. Ребята в группе попались хорошие. Кто откуда! Есть из Казахстана и Белоруссии. Не говоря уже о разных городах наших. Приезжие живут в общежитии. Там весело, это что-то. Но я туда не суюсь, боюсь, замотает. В хорошую погоду с парнями ездим на завод Степана Разина и покупаем целыми канистрами пиво. А потом пьем прямо на берегу залива. А девушек мало. В группе всего три штуки. Некрасивые.

Я очень скучаю. Отправившись у предков и приезжай, здесь здорово. Познакомлю с двумя веселыми бабушками (мои соседки) и моим преподавателем (физик). А хочешь, я сам напишу твоим родителям? Хотя, наверное, не осмелюсь.

Как ты там? Чем занимаешься? Жду не дождусь твоих писем. Может быть, затеялись где-то на почте? Здесь все жалуются на скорость работы нашей почты.

Еще про учебу. Судя по оценкам, все идет к повышенной стипендии, да и эту-то я почти не трачу, плюс ко всему благодаря учителю появились халтуры. Точно говорю, приезжай. Буду водить тебя по киношкам и кафешкам. Если приедешь, пока тепло, успеем покататься на кораблике. Я бы очень хотел. Кораблики здесь, как муравьи, снуют по каналам.

А вообще, я сам планирую приехать на ноябрьские праздники. Буду рад встретиться с тобой прямо на платформе. Что тебе привезти?

Ходил на Троицкий рынок, купил себе джинсы и свитер. К зиме готов. На пути к дому стоит ларек с жареными в масле пирожками (мой папа ненавидит такие). Покупаю их десятками и ем. Наверное, набрал уже килограммов пять веса. Но ты не волнуйся, это только на пользу мне (в смысле красоты).

Не знаю, что еще написать, не мастер я на письма. Не будем переводить бумагу.

Лучше позвони мне как-нибудь, вот номер.

Целую,

твой Антон.

Взял еще одно письмо. Это было неотправленное и недописанное письмо Кати. В нижней половине листа был срисованный откуда-то Медный всадник, а сверху пара строчек: «Привет. Все хорошо. Скука смертная...»

Прочтя и это, Антон сухо скребнул зажигалкой и в задумчивости некоторое время держал все письма над ее пугливым пламенем. Потом отложил зажигалку и убрал письма к другим бумагам в коробку. Коробку он запечатал и надписал карандашом «Школа», затем зачеркнул надпись и вывел крупно и окончательно: «МОТЫЛЕК».

XXVIII

Над сентябрьским Питером, бывает, разливается на несколько дней безмятежное синее небо, изредка обеспокоенное тонкогуашевыми дымками. В особенно спокойное время: кажется, что город только с тобой. Все разбредаются по своим зданиям и делам: школьники, студенты, служивый и рабочий люд. И только редкие неформалы вроде влюбленных, пьяниц, стариков, прогульщиков и прочих бездельников представляют раздвинутые улыбкой щеки уходящему солнцу. Идешь по Крюкову каналу, пытаешься разгадать: как же так? Купола плывут в бирюзе прямо сами. А на той стороне остановился и курит собаковод. Вы натягиваете над гладкой жирной водой перемычку взглядов: и он понимает, как тебе сейчас хорошо, и ты понимаешь, что он понимает это, и думаешь все то же самое про него. И так ты проходишь мимо Театральной, мимо Голландии, где, было дело, видел бобра, минуешь площадь Труда, и там на мосту Лейтенанта Шмидта, где Нева еще и снизу окатывает тебя солнцем, ветер все же тебя настигает и хочет сорвать кепку и щекочет за шиворотом. Золотое на синем, золотое на синем!

Все еще в состоянии летящего «ах!» Антон вошел в кафешку на набережной Васильевского острова. Для обеда было еще рано, и все столики пустовали. Антон сел возле окна, заказал черный кофе и принялся разглядывать дворцы и верфи противоположного берега. Лицо его озаряла улыбка во всех смыслах свободного человека.

Ольга опоздала минут на пятнадцать. Антон видел, как она парковала огромный квадратный «мерседес», и узнал ее сразу: все тот же острый любопытный взгляд, все так же прилегает к телу одежда, волосы вот только теперь ниже плеч спустились. Он встретил ее спокойным «привет».

— Извини, в садике задержалась. Антошка плакал, я его пока только на полдня оставляю.

— Антошка?

— Бери выше. Антон Павлович.

— Чехов?

— Нет, почему же. Смекалов.

— Смекалов, Сме... Павел Смекалов из 3D холдинга?

— Да.

— Интересно... Я недавно статью о нем читал. Про сына там было, а про тебя нет...

— Мы в разводе.

— Расскажи.

— А что тут рассказывать? Он вечно занят, всегда на людях, случайные связи... Лучше ты расскажи.

— Что же рассказать? Про то, что у меня внешне, ты и так знаешь. Рассказать, что внутри?

— Именно.

— Что ж... Мы остановились, вернее, даже закончили на том, что я плыву по течению. Я думал над этим. Нет, не плыву. А если и плыву, то не больше, чем все. В тюрьме мне казалось, что я никчемный. Я действительно был безволен, опустил там, едва не был опущен... А потом набрался смелости признать про себя одну вещь, и стало легче. Я — мечтатель. Люди делятся на деятелей и мечтателей. И мы, мечтатели, пита-

емся крошками, которые рукавом вы трясете нам со стола. И для чего же это нам нужно? А просто иначе мы не умеем. А для чего нужно вам? Чтобы могли вы сказать, глядя на наши картинки: «Ишь ты! Во как может!» И мне плевать теперь на обескураженность тех, кто слышит мои эпитеты и метафоры. Я говорю теперь, что хочу. И эта игра словами, подчас пустая, меня приводит к воротам рая. Ха-ха. Но быть бесплодным мечтателем я не собираюсь, как, впрочем, и плодовитым. Искусство тоже должно быть по-своему рациональным, иначе оно превращается в поток жемчужной жижи, которую, правда, хавают. И да, я живу на земле и не хочу быть свободным от людей и от семьи — от будущей семьи. Поэтому я не боюсь телеком-ремесла, которым сейчас занимаюсь, для него я копил знания, которые дают мне уверенность. Из этой уверенности я буду ковать успех.

Антон закончил, осадив свой монолог, словно коня. С минуту они молчали. Затем начала говорить Ольга:

— Интересно получается. Согласно твоей доктрине теперь я, бывший деятель, плыву по течению. То есть сперва я кое-чего успела: подняла студию, она вошла в состав 3D холдинга, потом мы с Павлом поженились, и родился Антон. Я занялась устройством быта, сделала родительскую квартиру двухэтажной — купила еще одну... А потом мы развелись. И вот теперь я — незамужняя домохозяйка. Живу по расписанию своего ребенка: садик, бассейн, английский, врачи. Получаю дивиденды от крупного предприятия, алименты и проценты по депозитам. Наследство еще. И это сильно превосходит наши с Антошкой потребности. И ничего больше не хочется, и нет никаких переживаний по этому поводу. Дзен?

— Да. Жирный дзен.

— Что? А-а. Не надо. Я ведь не дразнюсь, не хвастаюсь и уж точно не сетую. И еще. Пожалуйста, прости меня и за то письмо, и за то забвение, которому я предала тебя.

— Оля, мне не за что тебя прощать. Ведь я до сих пор считаю, да нет, я теперь даже слышу, что у жизни есть свой ритм, в который мы должны попадать. Что-то вроде вечного «Болеро» Равеля. И ты поступила так, как было положено. Просто у тебя была партия барабана, а у меня — кларнета, и я случайно сбился на мелодию рыночного заклинателя змей. А сейчас я уже что-то из медных, а ты — из струнных.

— Нам нужно, видимо, больше общаться, чтобы я начала понимать твою философию. Слушай, в эти выходные Павел опять собирается прогулять свой родительский день. Пошли с нами болтаться по паркам? Возьмем велосипеды. Антошка — славный мужичок, но ему не хватает взрослого друга.

— Загадаешь желание?

— Что? — не поняла Ольга.

— Ты будешь меж двух Антонов.

— Да, точно!

— Хорошо. Значит, мы остановились, а не закончили.

— Что?

— Ну вот, теперь и ты зачтокала, — сказал, улыбаясь, Антон.

К вечеру он, светясь, как человек, несущий арбуз, вышел из офиса и долго шел берегом. А потом остановился и курил, глядя на воду. «По каналам и рекам Санкт-Петербурга...» — несло над водой, и у причала качался фиолетовый баркас для прогулок. Правым своим бортом он нежно тер бок прогулочной лодки поменьше. Шкипер по знаку распорядителя сверху принялся неторопливо отвязывать суда друг от друга. Спустя пять минут лодка, качая кормой, уже уносила Антона сквозь проемы мостов в море. Море еще не стало свинцовым — небо отражалось в нем светлой голубизной, а где-то там, у горизонта, закат и вовсе смешивался с водой и делал ее дымчато-розовой.

ЭПИЛОГ

Дядя Саша закончил тогда и завалился спать, отяжелевший от хмеля. Мама принялась в тазу мыть посуду. Я же вышел из дома и долго шагал по улице под набегающими фонарями. Я прислушивался, не скрипнет ли под моей ногой снег, и впервые думал что-то взрослое. Мы как-то легко принимаем время, когда нас еще не было, оно не волнует нас совершенно, мы считаем, что оно не относится к нам. Однако очень суедемся насчет времени, когда мы уже есть. О да, ведь мы появились на свет и несемся огненным метеором, а иногда даже хотим оставить росчерк на полотне истории. И лететь хочется как можно дольше. Но с точки зрения вон того валуна, того дерева, да и просто вот этого магазина за углом все это время примерно одинаковое. И нечего кипятиться. Поэтому, приближаясь к обрыву, не нужно суежливо перебирать ногами в надежде затормозить и вернуться. Всем хочется обратно в тот ласковый солнечный день, там было хорошо, но он кончился. Никто теперь не станет расплачиваться за наше счастливое детство, никто не станет нам его возвращать. И если есть претензии, попробуйте вначале одолеть одиночника внутри себя.

А еще попробуйте осознать себя чем-то меньшим, чем весь мир. Попробуйте поймать ритм жизни, токи и движения, создаваемые другими людьми и самой природой. Научитесь вслушиваться, начните со своей семьи, переходите к соседям, дому, району,... И постепенно вы услышите симфонию, исполняемую вселенной.

Я шел тем вечером от фонаря к фонарю и начал со своего дома в Питере. Я видел, что мой дом — это слон, который идет по городу сквозь века. Его снизу кусают крысы нашего общества, а сверху поливает дождем. Своими серыми ногами он твердо стоит в асфальте и туда, глубже, где ходили лучшие люди прошлого. В доме моей семье тепло и спокойно.

Мой дом — это огромное стадо слонов, идущее сквозь века. Его мучил голод и били охотники. Сотрясая землю, это стадо идет, рождая легенды, пленяя окружающих красотой. Оно не отстанет на долгом пути от своего Петра.

Мой дом — это стада, стаи и прайды, идущие вместе через века. Это муравейники, ульи и рои. Это нивы, луга и стремнины. Это леса. Это хребты и пики. Они все доходят до моря и бредут в нем по колено, устремляясь к той линии, где оно перетекает в небо.

И здесь мой земной дом заканчивается, и начинаются те дальние окончания и финалы, в которые верят люди, живущие рядом со мной. В которые верю я сам. А еще здесь начинается наше будущее, здесь начинается наша юность.

ИЗ ЗАПИСОК, НАЙДЕННЫХ В КАРТОННОЙ КОРОБКЕ (для возврата в нужное настроение)

Со мной

Сегодня чудесный день. Мы трахаемся и пьем шампанское. Мы лежим, а солнце падает к нам прямо с неба. Мы играем с ним в прятки, пытаемся спрятать глаза за ребра оконной рамы. Фрукты лежат рядом, на столике: виноград, бананы, зеленые и красные яблоки, киви и апельсины; конфеты и шоколад зарылись в свои обертки, а сыр покрылся испариной. Все рядом, стоит только протянуть руку... просто вытянуть руку...

Когда Лиза уходит мыться или почистить зубы, я сажусь за компьютер и пишу несколько строчек. Как это легко. Боже, как это просто и замечательно. Я пишу, а справа за окном садятся и снова срываются голуби. Звенит трамвай, и гудят машины. Мир словно играет для нас. Мы вышли из этой реки и сохнем на берегу. Смотрим на воду и знаем, что только что были в ней, но теперь распрощались и можем идти далеко в сторону.

Так мы проводим время до полудня. Потом Лиза говорит, что хочет кофе, и я предлагаю кафе напротив. Пока я брился, она надела новую легкую юбку синего цвета, первую за эту весну, и блузку под стать ей (и весне, и Лизе, и юбке). Я был ошарашен, похоже, меня любит самая красивая женщина в мире. Все это она купила вчера за немалую сумму и держала в секрете, черт, сюрприз того стоил. Я же надел рубашку с короткими рукавами и любимые светло-серые брюки.

Переполнен энергией! — вот мои ощущения. Мы так и сочились ею, как те апельсины. Не хватало терпения ждать лифта, и мы полетели ступенями. Чуть не кувырком очутились на улице. Вели себя словно дети, всю дорогу щипали друг друга и поддразнивали, Лиза сгибалась от смеха, я же пускал слюни.

Долго возились с дверью, нас позабавило то, что она открывалась внутрь, а я упорно тянул ее на себя. Наконец мы вошли и принесли с собой новую порцию свежести. В правом углу сидел одинокий старик и читал газету. Пока мы заказывали, смеясь и сбиваясь, он все смотрел на нас и улыбался, потом снова продолжил чтение.

Принесли капучино Лизе и зеленый чай для меня, вскоре поспело мороженое, но мы долго за них не брались; поставили локти на стол, а подбородки на кисти рук, смотрели глаза в глаза и шептались на все лады:

— Я люблю тебя, Лиза.

— И я тебя, милый.

— Я тебя люблю.

— И я тебя.

— Люблю тебя.

— Люблю.

Затем, поедая мороженое, стали обсуждать, как провести этот день. Решили быть только вдвоем, взять у Лехи машину и поехать ко мне на дачу. Перед этим следовало купить вина, фруктов, сыра и хлеба. Также Лизе были необходимы купальник и туфли, а мне новые шорты и кепка. Мы были подавлены радостью, все это мы с легкостью могли себе позволить. Вчера я выиграл целую кучу денег, точнее, просто развел одного богатого лоботряса — лузы для моих шаров были черными дырами, а кий разящим копьём, в общем, я снова поймал фортуна. Этих денег нам хватит месяца на три роскошной жизни, о будущем думать мы не хотели, нам снова что-нибудь ниспошлют. Нас ожидали солнечно-жгучие каникулы, пузырьки в лимонаде и залежи карамели. Светлые дни и звездные ночи, жаркая нега у моря и скука дождливого дня, пески нагретого рыжего пляжа (о да!) и прогулки по мокрой траве, бешеный ритм ночных клубов и тихие грезы широких экранов, братство новых знакомых и одиночество в долгом пути. Хотя нет, мы не собирались много путешествовать, так, объехать окрестности. Мы будем спать ровно столько, сколько захотим, есть и пить только лучшее, встречи назначать сами или вообще не встречаться; сменим номера телефонов, чтобы никто не доставал первое время. Будем жить для себя и постоянно вместе. Мы будем самой счастливой парой в этой части материка.

По местному телефону я позвонил Лехе, он собирал вещи — опять командировка. Да, он может оставить нам машину хоть на неделю. Да, мы можем забрать ее хоть сейчас. Что? Да, доверенность у меня сохранилась. Все, скоро будем.

— Лиза, давай ему что-нибудь купим.
 — Солнышко, а что же ему надо?
 — Не знаю, что-нибудь в дорогу.
 — Чемодан, тапочки, зонтик, бритву, лосьон. Слушай, какую чушь я несу. Ничего на ум не приходит, — нахмурила брови, сморщила носик.
 — Кажется, я знаю, что мы подарим...

Тут дверь раскрылась, и появился Гриша — «вечный студент». В руках он держал папку, откуда торчали бумаги, на плечо был наброшен рюкзак. На входе Гриня, конечно, споткнулся. Сперва разлетелись бумаги, за ними по красивой дуге папка спланировала к барной стойке. Как он их собирал, надо было видеть: все комкалось и не слушалось Гришиных рук, мы ничем не могли помочь, мы не могли от смеха вздохнуть, наконец на выручку покрасневшему студенту пришла официантка, и, как он ни мешал, ей удалось за пару минут сложить все обратно в папку. Но на этом ничего не закончилось: как только Гриша выпрямился, рюкзак сам раскрылся, и на пол хлынул поток новых документов. Рюкзак был просто бездонным, весь семестр наш друг, наверно, пихал туда свой хлам. Тут уж и мы решили приложить руку. Гриша, не разгибаясь, поздоровался с нами, и вместе мы устроили водоворот, тайфун, ураган из выпавшего груза. Всем было весело, а Гриша бегал вокруг и уговаривал не перепутать какие-то пронумерованные страницы. В итоге две трети бумаг и бумажек вернулись в свое хранилище, остальное, грязное и растерзанное, было выброшено как мусор.

Посидели немного с рассеянным Гришей, пожелали ему удачной сессии, расплатились и направились к Лехе. По дороге купили ему отличную плоскую фляжку, о которой и сам я мечтал, и бутылку хорошего коньяка. У Лехи Лиза уселась смотреть фотографии, а мы с ним пошли покурить на кухню, и там он со мной поделился как с другом впечатлением от новой подружки.

— Кудри русь! Губы румяны.

Огромная щедрая грудь, плоский живот и шикарные ноги, глубокие синие очи и небольшой геморрой. Шучу, конечно. Леха уезжал в Германию, на какую-то там выставку, и я запросил с него пива.

Мы вместе пришли на стоянку, и он торжественно вручил мне ключи от машины. Я всегда был без ума от его «пассата» темно-синего цвета. Простая хорошая тачка, надежный товарищ. Леха забрал из салона какое-то барахло, попрощался с нами, и мы двинулись в сторону дома за документами и кое-какими вещами. Около года я не сидел за баранкой, но все шло отлично. Громко играли «Red Hot Chili Peppers», и приятно забивался в салон ветерок. Лиза сидела на заднем сиденье, подпевала и смотрела по сторонам. Мы еще немного поколесили по району, а через десять минут бодро влетели во двор.

С другим

Склонившееся солнце бежало по ту сторону поля за их автомобилем. Плывшие там облака казались странными горами, для окрестностей Питера невозможными.

Лиза дремала на переднем сиденье, по радио тихо играло ретро. Артур и вовсе выключил его, когда в трех сотнях метров дальше по шоссе, при выезде из Рождествено, заметил стену дождя.

Затем стало совсем волшебным: из вечера, тихо залитого нежным светом, они попали в сумерки-полумрак. В крышу стали стучаться крупные капли, от лобового стекла отскакивал град. Два раза сильно ударил гром. Молний же не было видно. На дереве во дворе какого-то дома застыли два аиста. Там, на полях, травы ходили огромными

волнами. А впереди почти ничего не было видно. Лишь в красные пятна расплывались стоп-сигналы участников движения.

Лиза очнулась, и они ехали молча. Мимо в обстановке, наполненной величием, шла первобытная жизнь.

Через десять минут все снова перевернулось: то же солнце, те же мнимые горы.

Немного позже они проехали железнодорожный переезд и попали в аллею обнимающихся ветвями через дорогу елок. Небольшое, в тысячу (да и то летом) человек село или деревня мягко проглотило их. Когда свернули у церкви, Лиза открыла для себя серенький кирпично-деревянный домик, принадлежащий семье Артура. Ржавевший замок на такой же ржавой калитке, лежащая на боку зеленая бочка для сбора дождевой воды, попадавшие на тропинку кусты малины, пустая, висящая посреди двора собачья цепь, перевернутые пластиковые ведра возле колодца — все намекало на то, что это место начинают забывать.

Бабушки, постоянно здесь жившей, недавно не стало, и только дважды в месяц сюда кто-нибудь навещался. Все хирело, упразднялись многие вещи, только сосед, иногда проводящий ревизии, да эти вот редкие наезды осиротевших хозяев не давали дичать участку.

По правде, Артуру здесь вовсе не нравилось. Не нравились местные, постоянно пьяные жители, необходимость браться иногда за молоток или надевать галоши ради утомляющего удовольствия править крышу или лопатить серые грядки, отсутствие приличного магазина, продуктового хотя бы, и так далее. И все равно, некуда было ему привезти сегодня Лизу. Нигде было не скрыться. А ведь им так надо побыть вдвоем. Он стремился еще больше захватить ее внимание, кинуть свою тень на весь ее скромный мирок. И впереди у них целый свободный сезон (ну месяц точно), давно у него не было такой возможности отдохнуть.

Лизе, наоборот, все понравилось. Довольно быстро нашла общий язык с прибежавшей сквозь забор соседской собакой, достала и заварила чай, застелила постель и включила телевизор. Умная девочка.

Они выпили кефир из одного пакета, заели французским батоном, посмотрели на сон грядущий футбол по единственному бодрствующему каналу и после непродолжительной любовной схватки, обнявшись покрепче, сомкнули веки.

Телевизор к трем ночи перешел в режим показа ковров, а затем самостоятельно погас.

Первым проснулся Артур, солнце уже подсвечивало паутинку над подоконником, неунывающих коров вели на заветное место. Не стал будить Лизу, натянул джинсы, прошел через кухню. Поставил на газ чайник, благо в баллоне еще булькало. Пока все спокойно, решил записать кое-что.

Со мной

Пару месяцев тому назад я жил странной жизнью. Темнота мешалась с бодрствованием, а день со сном. Вспоминаю, как просыпался вечером, включал «Fun Lovin Criminals», лез под душ, долго с наслаждением брился. Доставал хлеб, сыр, запивал их вином или же минералкой, после чего выбирал одежду.

Сейчас помню, как стоял у теплого зеркала, как понимал свою упругость, молодость, здоровье, силу, неизбежное чувство юмора.

Я — бог.

И когда все начищено до блеска, до холодной тишины, я выступаю в ночь. А мимо плывут каналы, мосты и реки, улицы, бульвары и переулки, усталые светофоры и редкие лица.

Иногда на машине заезжаю за Лизой в клуб, которым она управляет с полуночи и до утра или с утра и до звезд. Сворачиваем с дороги к какому-нибудь парку. А там отделяюсь от тела — я становлюсь не я. Вижу себя сверху, сбоку, снизу и в разрезе. Неистово начинают мелькать все ночные огни. Воздух становится жарче и переходит в легкий весенний шепот, иногда с серебряно-медным журчанием смеха. И, темно-темно-синий, снова переходит в голубой с золотом.

Медленно возвращаюсь домой, пишу с удовольствием или просто так валяюсь. И после чая из треснувшей чашки засыпаю приятным сном, где встречаю зеленый луг, чистое небо, серых коней, копыта и стрелы, жука-скарабея цвета звезды и старый город, где я один, голубую воду известняковых карьеров и рыбы стаи вокруг меня, горячую полуденную дорогу сквозь поле и усыпляющий запах нагретых трав. Запах моего детства, такого больше нигде не будет, только во сне.

Все же со мной

Я дописал про детство и уже варил кофе, когда за окном появился Ебуа, звезда местного бомонда. Как унылый упырь из мертвого леса, он пробирался мимо поленницы на своих тощих полусогнутых ногах с болтающимися на них синими тренировочными штанами. Неуверенный в меняющемся направлении ветра, он то и дело хватался за встречающиеся предметы: уронил пару поленьев, чуть не задушил воткнутую в землю лопату, ломом прочертил дугу на стене. Я не стал дожидаться его появления на кухне и вышел на крыльцо.

— Э, здорово.

— Привет.

— Смотрю в окно — у вас машина стоит, чего-то решил зайти. Батяка-то здесь?

— Нет его.

— А что за машина-то? Твоя?

— Друга.

— А, зашибись, нормальная. Как у тебя учеба?

Да, Ебуа начинал издавека. Но я его решил опередить.

— Я уже давно закончил. Кстати, я же тебе полтинник должен, держи.

Ебуа даже сказать ничего не смог. Внутри у него что-то заклокотало, заходил туда-сюда небритый кадык, завращались глаза. Он рванул ворот рубашки, имеющей только прошлогоднее представление о воде с мылом, и стремительно исчез.

Я, конечно, ничего не был ему должен. Просто настроение было хорошее, к тому же Лизе совсем не нужно начинать день с таких вот знакомств.

Я помню

Я помню, как вместе ничего не стоило проехать на лыжах до Северской, чтобы пятнадцать раз проскользнуть с насыпи железной дороги. Я помню, как он объяснил мне, что такое «жало» при ловле на хлебный мякиш. Я помню, как смешно в грибных походах они с Катей бранились за право идти первым по тропинке. Я помню, что стрелы для лука, которые он вытачивал, были для меня необычными, с толстым таким набалдашником. Я помню, как играли мы в собачий волейбол, когда лежишь на спине и стараешься отбить мяч ногами. Я помню, как он остался весной тушить поляну, ко-

торую я поджег, а там стояло несколько свежих срубов. Я помню, как парни постарше учили нас за день до средней школы, как драться и ни за что не показывать слезы.

А я что? Приносил разные интересности и впечатления, да половину придумывал. Чем и делился с ним. Сочинял истории всякие на потеху.

А потом мы попали в плохую компанию. Точнее, компания всегда была нашей. Просто стала плохой. Мы курили, пили какую-то брагу; шлялись со старшими; лазали там, где не нужно. Уже тогда я как-то стал отдаляться. Длинный забег, школа кончалась. Вову ножом зацепили, лежал в больнице. Степа сторожа из мелкашки подстрелил. Диня получил себе СПИД. Ну так как-то. Девяностые в РФ, в общем.

У него девушка появилась. Я красивее тогда еще не видел. Да и никто. И парой они были классной. Смотрелись. Смуглые и молодые.

Я в более мажорной компании стал состоять. Чистенькие там все, молодежные сериалы смотрят. Баскетбол и новая музыка. С прежними как-то все. И друга детства забросил. Да и вообще, на себе концентрировался, на своих вопросах. Девушки вот, например, не было.

А его девушка куда-то делась, и батя у него помер. А он расти перестал, да вес начал уменьшаться. Футболка, помню, белая. Ворот растянут. Шорты мне нравились, да тощие ноги торчат.

— Привет!

— Привет, Тоха.

И улыбается.

Страшно смотреть, когда крепкий деревенский парень таким становится.

Ну мне-то тогда не было страшно. Я больше о себе думал. Это нам по восемнадцать было.

А потом все. Приехал со сборов, а он помер, говорят. Начался сепсис.

Иду, помню, по улице, девчонки знакомые окликают, мол, слышал? Я другом, ведь числился.

— Слышал, — говорю.

— А от чего, знаешь?

— От счастья, — говорю.

— Он другом ведь был твоим!

И проехали. Я сильно взрослый уже, многое сделал, прошел многое. Но как же так: мы двигались вместе, одни и те же песни нам нравились, все должно было быть хорошо. Но он отстал, а я не обернулся. Ведь точно, если бы хоть немного напрягся — спас бы. Ведь о жизни речь-то.

А больно только теперь стало и за него, и за всех других. За всех, на чьих похоронах я стоял и не плакал. За тех, кого проморгали, кого пропустили, занимаясь собой. Которым не протянули руку.

Поэтому все чаще и чаще я говорю, оставаясь один и вспоминая детство: «Прости ты меня, Серега».